

Кирилл Бенедиктов

Миллиардер²

Книга вторая
ПОЛЮС СМЕРТИ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2010

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2010

В ПРЕДЫДУЩИХ СЕРИЯХ «ЭТНОГЕНЕЗА»:

«Этногенез» — грандиозный литературный сериал, действие которого разворачивается на протяжении двухсот миллионов лет — в прошлом, настоящем и будущем. Его главные герои — магические артефакты, дарующие своим владельцам сверхъестественные способности.

Планируется, что «Этногенез» будет состоять из двенадцати серий по три книги в каждой. Уникальность проекта в том, что каждая книга - это отдельная история, каждая серия - самостоятельный сюжет; но при этом все они являются пазлами, из которых складывается неожиданная картина, которая может перевернуть представление читателя о мире «Этногенеза».

При этом совершенно не важно, с какой серии вы начинаете знакомство с «Этногенезом», поскольку проект имеет не линейную структуру. Поклонники современных детективов, научной фантастики, криптоистории и футурологии найдут в «Этногенезе» серию, наиболее близкую их интересам.

Литературный сериал «Этногенез» открылся в мае 2009 года книгой **«Маруся»**, рассказывающей о приключениях девочки, с которой постоянно что-то случается. Действие книги начинается в 2020 году на планете Земля. Четырнадцатилетняя дочь дипломата Андрея Гумилева попадает в стремительный водоворот невероятных событий. В своем рюкзаке она находит металлическую ящерицу, которая наделяет девочку даром бессмертия. Ведомая загадочной силой, Маруся оказывается в научном лагере «Зеленый город», где знакомится с профессором Буниным и консорцией охотников за аномальными артефактами.

Затем события «Этногенеза» переносятся в 1942 год, где разворачивается действие книги **«Блокада. Охота на монстра»**. Адольф Гитлер, получивший от своих наставников аномальный предмет «Орел», рвется к власти над миром. Перед могуществом Орла, наделяющего своего владельца безграничным даром убеждения, не может устоять даже Иосиф Сталин. Кто остановит кровавого тирана, безумного палача, за которого слепо идут на смерть миллионы людей? Судьба человечества зависит от узника Норильсклага Льва Гумилева, и только ему суждено остановить монстра.

«**Маруся 2. Таёжный квест**» забрасывает читателей в недалекое будущее, 2020 год, где Маруся Гумилева неожиданно попадает в глухую сибирскую тайгу. Девочка оказывается в мире, совсем непохожем на тот, в котором она жила до сих пор. Она должна выполнить задание, напоминающее компьютерный квест – за 72 часа преодолеть полный опасностей маршрут, пройти земли, населенные злобными дикарями-морлоками, выжить в зловещем Мертвом Лесу, уйти от погони клонов-наемников и, наконец, найти ответ на самый главный вопрос в своей жизни. Маруся идет вслед за своей мамой, Евой Гумилевой, таинственно исчезнувшей в этой тайге двенадцать лет назад.

Следующая книга - **«Революция. Японский городской»** - возвращает нас в конец XIX века. Все начинается с того, что японский полицейский Цуда Сандзо совершает покушение на цесаревича Николая Романова. Но неведомые силы помогают самураю избежать наказания и ставят перед японцем еще более страшное и сложное задание - изменить будущее России. Помочь ему в этом должен загадочный предмет «Сверчок», приносящий удачу в преступлениях и злых делах. В то же время, в руки поэта Николая Гумилева попадает другой предмет «Скорпион», предназначение которого - во всем помогать добрым и справедливым людям. Заговор еще не раскрыт, но революция уже началась!

Зато герои книги **«Миллиардер. Ледовая ловушка»** – наши современники. Действие начинается в Сингапуре в 2008 году, где уже полюбившейся читателям Марусе Гумилевой только-только исполнилось три годика, но в ее жизни уже происходят загадочные и трагические события. В Сингапуре неизвестные пытаются похитить Марусю и ее маму Еву. Похищение сорвано, но вскоре Ева Гумилева бесследно исчезает в глухой сибирской тайге. Вокруг главного героя книги, миллиардера Андрея Гумилева, плетется паутина интриг, обмана и предательства. Андрея вместе с Марусей и ее няней красавицей Марго заманивают в ледовую ловушку Арктической экспедиции. Там, на борту ледокола «Россия», спецслужбы ведут опасную игру, исход которой зависит от того, на чьей стороне окажется Андрей Гумилев.

Герой **«Чингисхана. Повелитель страха»** Артем Новиков живет в конце семидесятых годов прошлого века в Казани. Ему удастся спасти жизнь пятилетнему Андрею Гумилеву, которому в будущем суждено стать самым богатым человеком в России. А в то время Артем Новиков неожиданно получает в наследство от дальнего родственника - запертую шкатулку. Парень еще не догадывается, что судьба его отныне накрепко связана с Чингисханом. Серебристая фигурка, извлеченная из шкатулки, заставит Артема расстаться с близкими, изменит его характер, бросит в огненный ад Афганской войны и покажет, как нищий монгольский сирота, обреченный на смерть, стал Властелином Вселенной. Сила Чингисхана дремлет, но близится тот роковой день, когда она разорвет путы безжалостного времени и сможет вернуться в мир.

Сюжет еще одной книги под названием **«Сомнамбула. Звезда по имени Солнце»** – это наше далекое будущее, XXV век, где Вселенная изменена до неузнаваемости под влиянием разработок корпорации Андрея Гумилева и его наследников. Терраформированы Земля и Марс, идут грандиозные работы на Венере... Матвей Гумилев, выпускник престижной академии Космофлота, выбирает нелегкую службу в

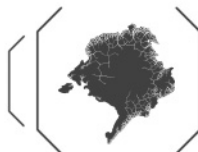
«Беллоне» – особой бригаде, занятой борьбой с преступностью. На космических трассах неспокойно. Пираты грабят караваны и похищают людей. Война не прекращается ни на день. Сражаясь в одном строю с межпланетными асами, Матвей быстро добивается уважения коллег в качестве пилота корвета. А однажды, лейтенант Гумилев обнаруживает гибнущую яхту, с борта которой ему удастся спасти прекрасную девушку, Анну Петровскую. Матвей и Анна, кажется, созданы друг для друга... Но они не знают, что судьба готовит им неожиданные испытания.

А события «Блокады 2. Тень Зигфрида» вновь возвращают нас в годы Второй Мировой войны. Элитная команда диверсантов Третьего Рейха проникает в блокадный Ленинград, чтобы вывезти оттуда артефакты, найденные Львом Гумилевым в одной из Черных Башен. В это же время группа специального назначения, сформированная из обладающих сверхспособностями бойцов Красной Армии, готовится к дерзкой вылазке в ставку фюрера под Винницей, где хранится могущественный предмет «Орел». Бывший ЗК Лев Гумилев и капитан госбезопасности Александр Шибанов становятся непримиримыми соперниками в борьбе за любовь Кати Серебряковой. И наступает час, когда их соперничество ставит под удар тщательно разработанную операцию советской разведки...

Всего в рамках «Этногенеза» будет выпущено несколько десятков книг. Читатели узнают продолжение историй уже привычных и полюбившихся героев, а также познакомятся с новыми действующими лицами, предметами, историческими периодами и футурологическими прогнозами на будущее Земли, человечества и Вселенной.

АРКТИКА

> Территория Северного Ледовитого океана и близких территорий, занятая полярными льдами

Остров Элсмир

Острова
Королевы
Елизаветы

80° 10' 0" с. ш.
79° 5' 0" в. д.
S: 196 235 км²
t. min: -40° C

Туле

Станция Норд

Гренландия

Автономная
территория
Дании

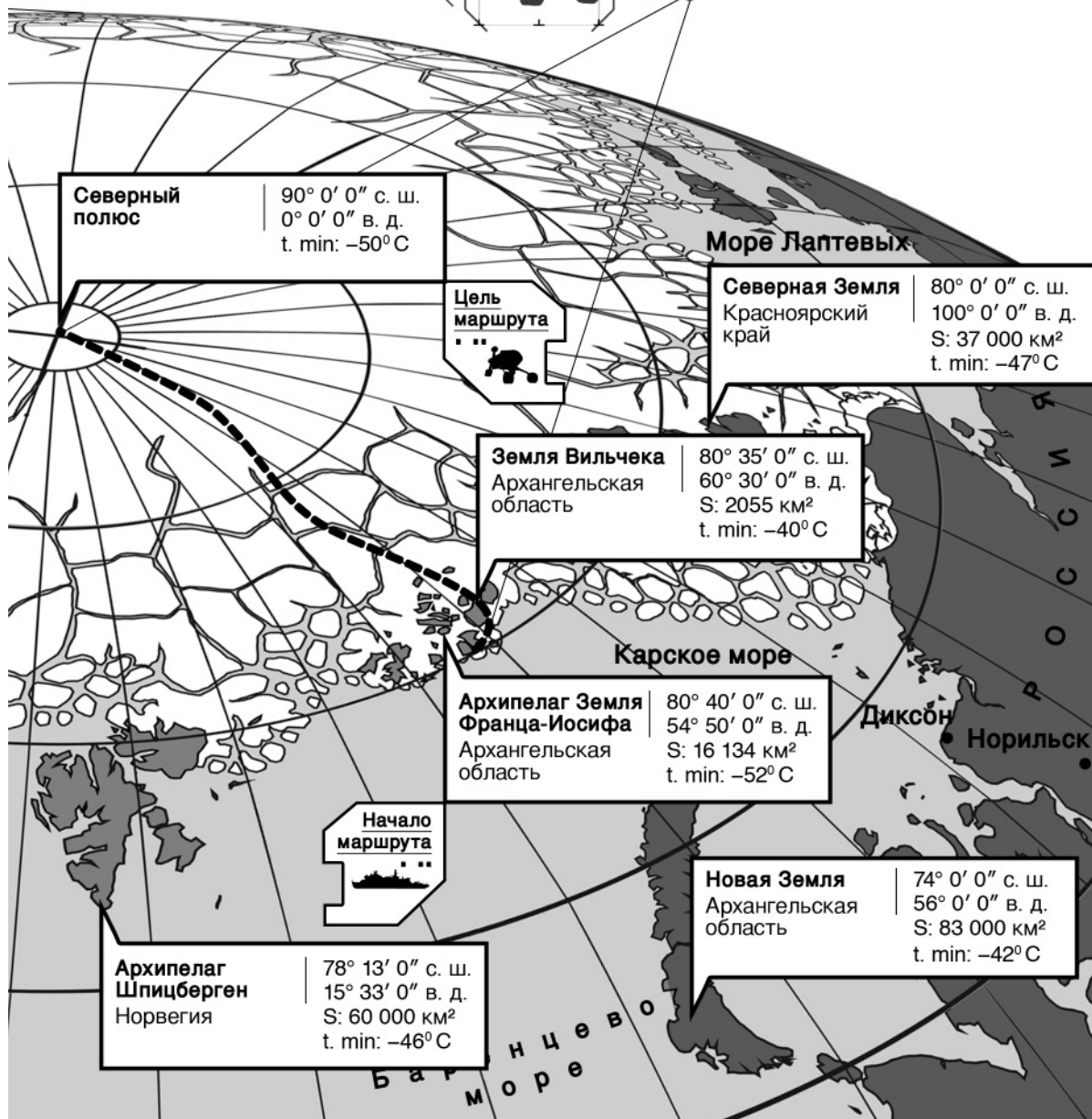
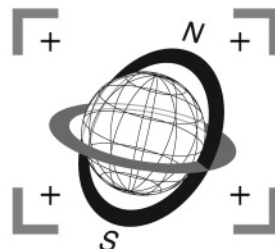
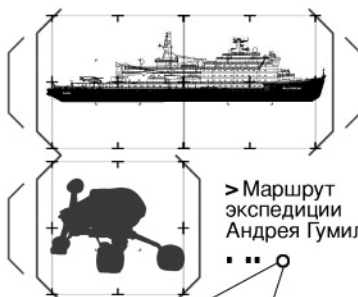
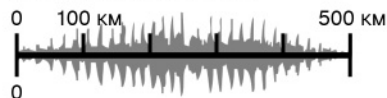
72° 27' 0" с. ш.
40° 30' 0" в. д.
S: 2166086 км²
t. min: -70° C

Баффина

Гренландское
море

Нулевой меридиан

Масштаб: 1:39,000,000

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Бенедиктов К.

Б46 **Миллиардер 2. Книга вторая: Полюс смерти – М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010. – 272 с.**

В самом конце войны нацисты построили в недрах спящего арктического вулкана надежное и скрытое от посторонних глаз убежище – колонию Туле. Пророчество гласит, что рано или поздно могущественный Орел вернется к своему хозяину, и фюрер германской нации восстанет из ледяного сна, чтобы основать Четвертый Рейх.

Именно к затерянной во льдах колонии Туле движется экспериментальная станция «Земля-2». На борту станции – миллиардер Андрей Гумилев, его маленькая дочь Маруся, возлюбленная Андрея Марго Сафина, а также генерал Свиридов, никогда не расстающийся с Орлом. Никто из них не предполагает, с чем им придется столкнуться в снежных глубинах Арктики.

На третий день пути на борту станции происходит загадочное убийство. Попытка расследовать его приводит Андрея к мысли, что он и другие участники экспедиции являются пешками в руках невидимых игроков, плетущих нити сложного и хорошо продуманного заговора.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б46

ISBN 978-5-904454-21-0

© Рыков К., 2010
© Бенедиктов К., 2010
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2010

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Они идут!»

Июнь 2009 года. Арктика, база «Ultima Thule».

Зал Глобального Контроля Spinngewebe

1

Оберлейтенант Шарлотта Фриз, не отрываясь, смотрела на выпуклый зеленый экран визора. От верхнего правого угла экрана медленно ползла вниз маленькая черная точка.

Шарлотта наблюдала за ней, стоя по стойке «смирно». Она стояла так уже полчаса, с тех пор, как Ее превосходительство вызвала ее в главный зал «Spinngewebe»¹. Вызвала, но не отдала никаких распоряжений.

Ее превосходительство неподвижно замерла в глубоком кожаном кресле. Она казалась очень маленькой – сухая, как мумия, старуха в черной форме СС со знаком Черного Солнца в петлицах. Шарлотта, как велел протокол, остановилась в двух шагах от кресла и воскликнула «Хайль Гитлер!». Но Ее превосходительство не обернулась, только ее тонкая, похожая на птичью лапку, рука недовольно шевельнулась на подлокотнике кресла. Взгляд ее был устремлен на экран визора, на котором не происходило ровным счетом ничего интересного. Зеленая муть от края и до края экрана. Шарлотта послушно замерла, ожидая приказа. Но время шло, а Ее превосходительство смотрела на экран и не двигалась.

Тогда-то Шарлотта и заметила маленькую черную точку.

Точка была похожа на какое-то насекомое, может быть, муху.

¹ «Паутина» (нем.)

Вот только никаких мух на базе «Ultima Thule», расположенной на восемьдесят второй широте быть не могло, и Шарлотта прекрасно это знала.

Оберлейтенант Фриз знала еще кое-что. На визор транслировалась картинка с радара, отслеживавшего все, происходящее в радиусе ста морских миль от Туле. Сейчас радар засек перемещение какого-то довольно крупного объекта, который не более получаса назад пересек границу Большого периметра. Судя по траектории объекта, он двигался прямо к базе.

Шарлотте стало не по себе. Вызов в главный зал «Spinngewebe» был явно связан с появлением загадочного объекта, но минуты текли за минутами, а Ее превосходительство словно бы забыла о присутствии своего адъютанта. Напомнить же о себе оберлейтенант Фриз не решалась – Ее превосходительство последнее время все чаще становилась по-старчески раздражительной.

«Может, она заснула?» – подумала Шарлотта. Несколько раз она уже видела, как Ее превосходительство засыпала во время совещаний, продолжая сидеть очень прямо и глядя перед собой открытыми глазами. В этих случаях кто-нибудь из старших чинов обычно деликатно покашливал или стучал кончиком карандаша по столешнице. Но Шарлотта была простым оберлейтенантом и не могла позволить себе такой вольности.

Все, что она позволила себе – чуть заметно расслабить мышцы, и время от времени перемещать вес тела то на одну, то на другую ногу. Получалось это, к сожалению, совершенно беззвучно.

Мучительно медленно текли минуты. И так же медленно, сонно, ползла по зеленому экрану маленькая черная точка. Подводная лодка? Но чья? Своя? Визиты из Большого мира были крайне редкими событиями, о них узнавали загодя, к ним готовились, как к праздникам. Чужая? Но почему она так уверенно направляется к базе? Неужели спустя шестьдесят пять лет противнику все-таки удалось раскрыть тайну Последнего Убежища и теперь «Ultima Thule» ждет судьба Новой Швабии?

Оберлейтенант Фриз содрогнулась. На занятиях им показывали документальный фильм, снятый полвека назад теми, кто уничтожил Новую Швабию. Расплавленные адским огнем ледники, скалы, брошенные друг на друга, словно игрушечные кубики, выжженные дотла подземелья, в которых жили и трудились на благо Четвертого рейха тысячи ученых и офицеров. Если такой же удар обрушится на Туле, от Последнего Убежища не останется даже следа...

Шарлотту вывело из ступора нежное мяуканье. Она повернула голову и увидела Нефертити – любимую кошку Ее превосходительства. Кошка появилась из бокового коридора, ведущего к энергоблоку. Грелась, наверное, как обычно на теплых кожах генераторов.

– Кс-кс-кс! – позвала Шарлотта. Нефертити уставилась на нее круглыми зелеными глазами. «Ну и что ты хочешь мне этим сказать?» – словно говорил ее взгляд.

– Иди сюда! – едва слышно прошептала оберлейтенант Фриз.
– Кс! Кс!

Кошка, с достоинством ступая по выложенному бронированными плитами полу, двинулась к ней. Видно было, что она делает Шарлотте огромное одолжение, откликаясь на ее зов.

Нефертити подошла и потерлась о ногу оберлейтенанта. Подождала, пока ее погладят, ничего не дождавшись и возмущенно мотнув полосатым хвостом, прыгнула на колени к Ее превосходительству.

Именно этого и дожидалась Шарлотта.

Замершая в кресле старуха встрепенулась. Обтянутые желтой пергаментной кожей руки на мгновение испуганно сжали подлокотники кресла. В следующее мгновение Ее превосходительство довольно бесцеремонно скинула свою любимицу на пол.

– Брысь! – отчетливо произнесла Ее превосходительство.

Оберлейтенант Фриз поразилась. За те три года, что она служила адъютантом рейхсфюрера, ей ни разу не приходилось

видеть, чтобы Ее превосходительство так грубо обходилась со своей любимой кошкой. «Она сильно не в духе», – подумала Шарлотта.

– Простите, рейхсфюрер, – она все-таки решилась воспользоваться моментом, чтобы напомнить Ее превосходительству о своем присутствии. – Я не уследила за Нефертити.

Старуха слегка повернула голову и едва слышно щелкнула пальцами. Это был знак подойти ближе.

– Я слышала, как вы звали кошку, оберлейтенант, – произнесла Ее превосходительство сухим, чуть хриловатым голосом. – Подозреваю, что вы сделали это нарочно.

Шарлотта вытянулась перед рейхсфюрером, изо всех сил прижав руки к бокам. Ей хотелось провалиться сквозь землю со стыда.

– Вы, верно, думали, что я спала, – ядовито проговорила старуха. – Когда человеку девяносто пять лет, он может себе позволить немножко вздремнуть, так ведь? Так вот, оберлейтенант, вы ошиблись. Я не спала. Я размышляла.

– Я виновата, рейхсфюрер, – выдавила из себя Шарлотта. – Я хотела спросить вас об этой точке на экране, но боялась побеспокоить.

Она почувствовала, что краснеет. Старуха смотрела на нее с надменной ухмылкой.

– Об этой точке? И что же вы хотели спросить, оберлейтенант?

Фриз собралась с духом.

– Что это, рейхсфюрер? Почему этот объект движется прямо на нас? Он представляет собой угрозу?

Прежде чем ответить, рейхсфюрер СС Мария фон Белов выдержала долгую паузу.

– Это они, – произнесла она, наконец, ровным, не выражающим никаких эмоций голосом. – Люди из пророчества. Они идут!

Мария фон Белов не обманывала своего адъютанта. Она действительно не спала – просто ее подхватили и унесли вдаль воспоминания. Чем старше становится человек, тем большую власть имеет над ним прошлое. Мария фон Белов поняла это уже давно – поняла, и сделала вид, что смирилась с таким положением вещей. Так было проще жить. Когда тебе через несколько лет стукнет сто, очень ясно понимаешь, что все, что у тебя осталось – это картинки прожитой жизни, более или менее яркие.

Но в отличие от большинства стариков и старух на этой планете, Мария фон Белов была убеждена, что ее игра с безжалостным временем еще не окончена. У нее имелась великая цель, и сейчас эта цель была близка, как никогда.

Цель сама приближалась к ней, медленно, как сонная осенняя муха, сползая вниз по экрану визора.

«Это угроза?» – с плохо скрываемой дрожью в голосе спросила молоденькая дурочка Фриз. Что ей можно было на это ответить? Да, угроза, самая страшная из всех, с которыми сталкивался до сих пор Ледяной Рейх. И в то же время – надежда. Пророчество должно было исполниться, рано или поздно, и ей очень повезло, что оно исполняется при ее жизни. Выходит, не зря она похоронила себя подо льдами Арктики на эти невыносимо долгие, бесконечные шестьдесят четыре года. Тогда, в апреле сорок пятого, Мария фон Белов сделала безумную, рискованную ставку с почти нулевыми шансами на выигрыш. Сколько раз с тех пор она проклинала свой выбор – конечно, только наедине с собой, чтобы никто не видел, как невозмутимый рейхсфюрер СС скрипит зубами и плачет от бессилия. Монотонно текли годы, с годами проходила молодость, увядала красота. Впрочем, время было снисходительным к Марии – полярный холод ли тому причиной или что-то иное, но красота

долго не покидала рейхсфюрера. В пятьдесят восьмом, когда американцы выжгли ядерными зарядами Новую Швабию, и надежда на возрождение Четвертого Рейха почти угасла, Мария уступила настойчивым ухаживаниям Ганса Каммлера и вышла за него замуж. Ей к этому моменту уже исполнилось сорок четыре года, но она все еще была красавицей. У них с Каммлером даже родились дети – Эльза и Брунгильда. Брунгильду во время Игр Валькирий разорвал взбесившийся белый медведь, а вот Эльза оказалась умницей и подарила Марии троих внучек. Все трое служат нынче в охране Ближнего периметра, успешно двигаются вверх по карьерной лестнице, исправно рожают Марии правнучек. Казалось бы, чего еще желать доброй арийской женщине? Сиди в уютном кресле-качалке, вяжи чулки. Забудь о том, что когда-то ты стояла у шарнира времени, как любил говорить фюрер. О том, что в твоих руках были сосредоточены силы, способные изменить лицо мира и ход истории. О том, что когда-то именно ты была избрана для того, чтобы спасти Рейх и самого фюрера. О том, что ты была чертовски молодой, ослепительно красивой и дьявольски могущественной. Грей старые косточки у камина, возись с правнучками!

Нет, это не для Марии фон Белов!

Она могла бы править миром, а вместо этого правит затерянной в снегах подледной деревней с населением в четыре тысячи человек. Да, здесь на нее смотрят, как на бога, особенно после того, как она спасла Туле от атаки Черных Торпед, но что такое любовь четырех тысяч по сравнению с обожанием шести миллиардов? Или сколько там нынче людишек наплодилось в Большом мире?

Но Мария фон Белов всегда умела ждать.

Она прождала шестьдесят четыре года. Бессчетное количество раз теряя надежду и вновь ее обретая. Возможно, вера уже давно оставила бы ее, если бы не запавшие в душу слова пророчества, произнесенного безумной жрицей в пещерном кавказ-

ском храме. «Орел улетит от своего хозяина, и Воин Черного Солнца будет повержен врагами, чтобы восстать от вечного сна во льдах Гипербореи. И случится так, что враги сами придут к нему и принесут Орла. Когда же вернется Орел, Черное Солнце вновь взойдет над миром, и два Солнца засияют в небесах. И ты, Белая Дева, будешь той, кому суждено вложить Орла в холодную руку спящего Воина».

Кровь капала с рук безумной жрицы, падая в только что поглотившую свою жертву бездну. Окружавшая ее тьма казалась живой – невероятно древней, но живой обитательницей подземных нор, сплетавшихся в бесконечный подгорный лабиринт. Слова, которые она произносила, были ужасны, они предвещали гибель Рейха и самого фюрера, в них нельзя было верить, но Мария фон Белов в них поверила. И когда первая часть пророчества сбылась, она сделала свой выбор и последовала за фюрером в ледяную могилу, чтобы дожидаться возвращения Орла.

Она хорошо помнила день, когда подводные лодки, спрятанные адмиралом Деницем в норвежском фьорде Кристиансанд, уходили в свой последний поход. Было холодно и ветрено, с серых норвежских небес сыпал мелкий, промозглый дождь. Флотилия вышла из фьорда и начала погружение. Мария фон Белов, за неделю до того произведенная Адольфом Гитлером в рейхсфюреры СС, стояла на мостике и смотрела на тающие в туманной дымке очертания гор. Капитан настойчиво просил ее спуститься в рубку, но она упрямо стояла и смотрела в сторону удаляющегося берега, пока вода не забурилась у самых ее ног. Последнее, что она увидела – это блестящий, будто отполированный, бок горы, мелькнувший в разрыве облаков.

С тех пор Мария фон Белов никогда больше не видела землю, если, конечно, не считать землей ледовый панцирь, скрывавший от посторонних глаз «Ultima Thule».

В августе 1943 года, как раз в то время, когда Мария, выполняя приказ фюрера, искала на Кавказе тайные хранилища артефактов, обладающих аномальными свойствами, капитан подводной лодки U332 Карл Штарк, совершавший подледный переход от Шпицбергена до Русской Арктики, случайно отклонился от курса и обнаружил на дне Ледовитого океана странное сооружение. Оно было похоже на глубоко ушедший в грунт донжон средневекового замка, сложенный из черного камня. Сооружение находилось на относительно небольшой глубине, на склоне давно уснувшего подводного вулкана.

Штарк, будучи по натуре скорее романтиком, чем твердо-лобым службистом, не пожалел времени на изучение неожиданной находки. Двое матросов в тяжелых водолазных костюмах вышли из лодки и тщательно обследовали сооружение в поисках дверей или каких-либо других отверстий, позволяющих проникнуть внутрь. Ничего подобного им, впрочем, обнаружить не удалось. Более того, когда они попытались просверлить черную породу пневматическим буром, их отбросило назад какой-то мягкой, но непреодолимой силой. С большим трудом водолазы смогли взять пробы грунта на некотором удалении от «донжона». Пришлось Штарку довольствоваться снятой специальной водонепроницаемой кинокамерой пленкой да любительскими рисунками, сделанными одним из его лейтенантов.

По возвращении в Киль Штарк доложил о своей находке командованию. Спустя два дня его навестили два высоких чина СС, состоящих в организации «Аненербе», изъяли пленку и рисунки и убедительно попросили провести с командой U332 профилактическую беседу на тему «молчание – золото».

Материалы, изъятые у Штарка, попали на стол к генеральному секретарю «Аненербе» Вольфраму Зиверсу. Зиверс подчинялся рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру, но фактически играл в собственную игру. Правой рукой Вольфрама Зиверса была

двадцатидевятилетняя Мария фон Белов, адъютант Адольфа Гитлера, носившая тогда звание штандартенфюрера СС.

Драматические события, разыгравшиеся в ставке «Вервольф», привели к тому, что Мария фон Белов увидела пленку Штарка только зимой сорок третьего года. Она сразу же поняла, что за сооружение нашел капитан подлодки U332 на дне Северного Ледовитого океана – это была потерянная Седьмая Башня Сатаны, которую, по словам безумной жрицы, ангелы поразили молниями и низринули в морскую пучину.

Фюрер к этому моменту пребывал в полнейшей прострации из-за потери Орла и событий под Сталинградом. Заставить его принять решение бросить значительные силы на изучение таящейся под водой Черной Башни было чертовски трудной задачей, но Мария справилась с ней. Весной сорок четвертого к Северному полюсу отправилась экспедиция, капитаном которой был назначен повышенный в звании Карл Штарк, а руководителем – молодой амбициозный генерал Ганс Каммлер, курировавший разработку сверхсекретного «оружия возмездия». Экспедиция вернулась через месяц, сделав поразительное открытие. В склоне подводного вулкана, на котором стояла башня, был обнаружен просторный туннель, явно рукотворного происхождения. Одна из подводных лодок экспедиции прошла по нему и оказалась в гигантской пещере, представлявшей собой карман с воздушным пузырем. Свод пещеры практически упирался в ледяной панцирь, но уровень воды в ней каким-то невероятным образом был гораздо ниже уровня моря. Более того, температура воды во «внутреннем озере» оказалась существенно выше, чем в окружающем вулкан океане – около пятнадцати градусов тепла. Соответственно, воздух внутри пещеры тоже был гораздо теплее. А главное, склоны вулкана были буквально изрыты туннелями и ходами, которые не стоило большого труда превратить в помещения для будущей базы.

Идея создания военных баз на полюсах – Северном и Южном – принадлежала Герману Герингу. Еще в тридцать восьмом году он отправил большую экспедицию в Антарктиду, заложив, таким образом, фундамент для будущей Новой Швабии. Базы Новой Швабии строили в природных подземных полостях горного хребта, пересекавшего Землю Королевы Мод. Проблема с Арктикой заключалась в том, что таких хребтов там не было – сплошной лед и вода. Попытки построить большую базу в Гренландии уже после начала войны окончились ничем, поскольку подводные лодки не могли транспортировать громоздкое горнопроходческое оборудование, необходимое для того, чтобы пробить в толще ледников глубокие туннели.

Находка Штарка и Каммлера кардинально изменила ситуацию. Заручившись поддержкой Марии фон Белов, Каммлер сумел выбить у фюрера финансирование, необходимое для строительства базы в огромной пещере подводного арктического вулкана. Саму Марию в тот момент куда больше волновала возможность проникнуть в Седьмую Башню, но активность Каммлера этому не мешала, скорее, наоборот. Каммлер, который вообще привык действовать с размахом, послал на строительство подводной базы пять тысяч самых крепких заключенных из Освенцима и Майданека. Подводные лодки XXI серии безостановочно курсировали между Килем и Туле, как называли подводный арктический вулкан. Заключенные гибли сотнями, их трупы выбрасывали на лед, где они тут же становились добычей огромных свирепых белых медведей. Но размах Каммлера сделал свое дело: к апрелю сорок пятого база «Ultima Thule» была построена.

К этому моменту Ганс Каммлер, замкнувший на себя половину финансовых потоков Рейха, действовал уже без оглядки на свое бывшее начальство. Он приказал перевезти на арктическую базу образцы новейшего вооружения, всю техническую документацию и лучших специалистов. Все это было достав-

лено в обстановке глубочайшей секретности с подземных заводов Силезии и Богемии, погружено на подводные лодки флотилии, которой командовал Карл Штарк, и спрятано в пещерах Туле. С нового аэродрома Люфтваффе под Осло каждый день взлетали огромные «Мессершмиты-264» и «Хенкели-177», направлявшиеся в район арктической базы. Самолеты эти были оснащены отнюдь не бомбами, а металлическими контейнерами с продуктами, теплыми вещами, оборудованием, оружием – всем, что могло бы пригодиться для длительного автономного существования. Снабжение Туле продолжалось до последних дней Третьего Рейха, когда русские войска уже стояли перед самыми воротами Рейхсканцелярии, а танкисты генерала Паттона рвались к опустевшим подземным цехам чешских и тюрингских оружейных заводов. В последние дни апреля один из экспериментальных самолетов Люфтваффе, покрытие которого было невидимым для радаров союзников, вылетел из Берлина в Норвегию. На борту самолета находились Ганс Каммлер, Мария фон Белов и металлический контейнер, соединенный с мощным электрогенератором.

Самолет благополучно приземлился на аэродроме под Осло, откуда груз в сопровождении усиленного конвоя отвезли во фьорд Кристиансанд. И последняя подводная флотилия Третьего Рейха ушла на север, к сокрытой среди льдов базе «Ultima Thule».

– Проводите меня в Усыпальницу, оберлейтенант, – командовала Мария фон Белов. – Мне нужно побыть наедине с фьурером.

Шарлотта Фриз мгновенно оказалась рядом. Мария схватила ее за мускулистое плечо, ощутив, как под тонкой тканью кителя перекачиваются стальные мышцы. Оберлейтенант осторожно потянула ее из кресла. Мария весила не больше сорока килограммов, и такой сильной девушке, как Фриз, ничего не стоило поставить ее на ноги, как куклу, но субординация тре-

бовала, чтобы вся операция проводилась как можно более деликатно. Хихикнув про себя, Мария фон Белов выпрямилась во весь рост. Когда-то она гордилась тем, что была самой рослой из всех приближенных к фюреру женщин. Но время безжалостно. Оно медленно обглаживает кости еще живого тела, съедая сантиметр за сантиметром. Из бывлой статной и высокой красавицы рейхсфюрер фон Белов превратилась в маленькую высохшую старушку с буклями белых, как снег, волос. Но огонь, который горел в ее прозрачных, как весенний лед, глазах, был все тем же, что и шестьдесят четыре года назад.

– Осторожно, – ворчливо произнесла Мария, с удовольствием опираясь на сильную руку Шарлотты. – Не так быстро, оберлейтенант, мне уже не двадцать три года, и я не могу носиться с вашей скоростью.

«Ничего, – подумала она, – если пророчество исполнится, я еще всех вас удивлю, глупые девчонки!»

Оберлейтенант осторожно подвела ее к стальной бронеплите, закрывающей вход в шахту лифта. Мария фон Белов протянула тонкую руку и дотронулась своим кольцом «Мертвая Голова» до выдавленного в металле углубления. Раздался щелчок, и бронеплита поползла в сторону.

Это все были любимые игрушки Каммлера – перстни с неистощимым электрическим зарядом, сенсорные панели, реагирующие на отпечатки пальцев, фотоэлементы, сканирующие сетчатку глаза. Что-то придумывали его яйцеголовые умники, что-то он через своих агентов воровал в Большом мире. Проживи покойный муж Марии фон Белов лет на двадцать подольше, у каждой сопливой девчонки из Отрядов Амазонок был бы свой ноутбук и коммуникатор.

Мария не одобряла технических новшеств. Спору нет, иногда они бывали необходимы... но фон Белов слишком долго была связана с настоящей магией, чтобы преклоняться перед технологиями.

Тем не менее, следовало признать, что фюрера хранили именно технологии. Разработанная доктором Хиртом методика мгновенной заморозки позволила погрузить Гитлера в ледяной сон, который мог длиться неограниченно долгое время – пока работают генераторы. Десятки подопытных заключенных Маутхаузена и Дахау, ставшие пациентами доктора Хирта, могли бы гордиться тем, что их страдания были не напрасны – это была цена, которую пришлось заплатить за будущее воскрешение фюрера. Хирт угробил массу народу, прежде чем нащупал свой метод безопасной заморозки. К апрелю сорок пятого метод был многократно опробован на добровольцах из вермахта, каждого из которых удалось благополучно вернуть к жизни.

Фюрер согласился на операцию не без колебаний. Последние месяцы перед падением Берлина он чувствовал себя все хуже и хуже, и порой смерть казалась ему избавлением. Марии фон Белов пришлось пустить в ход все свое красноречие, все свое женское обаяние, чтобы убедить фюрера принять правильное решение. Пророчество ясно говорило о том, что Воин Черного Солнца восстанет из снегов Гипербореи, но ведь фюрер не сможет воскреснуть, если примет яд или застрелится. Кто же тогда примет из рук Белой Девы возвращенного Орла?

В конце концов Гитлер согласился. Мария сама ввела ему в вену специальный препарат, разработанный Хиртом – он изменял вязкость крови, не позволяя ей застывать острыми, разрывающими сосуды, кристаллами. Фюреру немедленно стало плохо, у него поднялась температура, он начал заговариваться. Тогда фон Белов сделала ему еще одну инъекцию, на этот раз – сильнодействующего снотворного. Уснувшего Гитлера отнесли в лабораторию, где уже стоял контейнер для мгновенной заморозки. Мария поцеловала фюрера в губы и закрыла прозрачную крышку контейнера. Спустя минуту Гитлер превратился в застывшую ледяную статую. В бункере остался его двойник, бывший сутенер из Гамбурга Пауль Цоссен. Позже, читая достав-

ленные из Большого мира материалы, описывавшие «смерть» фюрера, фон Белов испытывала странное удовлетворение от того, что эта выскочка Ева Браун перед самоубийством обвинчалась с ничтожеством вроде Цоссена. Однако это было давно, еще в ту пору, когда она помнила, что такое ревность.

Все это время Гитлер был здесь, рядом с ней. Один из официальных титулов фон Белов звучал как «Хранительница Усыпальницы». Металлический контейнер с прозрачной крышкой покоился в бронированной пещере на глубине двухсот метров под уровнем Внутреннего озера. Он был подключен к четырем генераторам, два из которых работали на геотермальной энергии, третий питался от гидроэлектростанции, построенной на озере, а четвертый использовал в качестве силовой установки кинетические роторы Шаубергера. Усыпальница была фактически неуязвима – ее могло уничтожить разве что прямое попадание водородной бомбы. Но Мария фон Белов верила, что фюрер может быть в безопасности только пока она рядом с ним. Возможно, эта вера и дала ей силы дожить до девяноста пяти лет. Вера, ну и чудо-препараты доктора Джелиба, конечно. Тибетский кудесник был одним из немногих обитателей бункера Гитлера, посвященного в тайну Туле. Как удачно, что Марии фон Белов удалось уговорить Каммлера взять тибетца с собой! Если бы Каммлер, с его недоверием к магии, не отказывался бы принимать порошки Джелиба, может быть, был бы жив до сих пор...

Лифт плавно скользнул в двухсотметровую пропасть. Когда падение прекратилось, Мария фон Белов решительно оттолкнула от себя Шарлотту Фриз и ступила на каменный пол Усыпальницы.

– Подождите меня здесь, оберлейтенант, – велела она. – Если понадобится, я вас позову.

Она не хотела, чтобы кто-то посторонний присутствовал при ее свидании с фюрером. Это было слишком личное, слишком важное.

Идти самой было трудновато. Мария фон Белов оперлась на сырую каменную стену шахты и, потихоньку переставляя ноги, двинулась туда, где под специальным бронеколпаком стоял контейнер с телом великого фюрера германской нации.

Всего каких-то двадцать шагов, а она устала так, будто ей пришлось пробежать двадцать километров.

«Ничего, – приободрила себя Мария фон Белов. – Скоро все изменится. Мы вернем себе принадлежащее нам по праву, мы заберем предметы у тех, кто недостойн ими владеть, и войдем в Черную Башню. А там я обязательно найду средство вернуть себе молодость и красоту. И тогда станет окончательно ясно, что я не зря обрекла себя на это шестидесятичетырехлетнее заключение среди льдов!»

Она добралась до бронеколпака, открыла перстнем дверцу, вошла и включила освещение. Мертвенные голубоватые лучи падали на толстое стекло крышки контейнера, лицо фюрера в их свете казалось заострившимся и мертвым.

– Я знаю, что вы живы, мой фюрер, – тихо произнесла Мария фон Белов. – Вы ждете своего часа. Я пришла сказать, что час уже почти наступил. Наши враги идут сюда в надежде обрести древние тайны и несокрушимое могущество, но их ждет тяжелое разочарование. Вместо того, чтобы получить новые предметы, они потеряют и то, что у них есть. Но главное, мой фюрер, у них с собою Орел!

Это ей почудилось, или жесткая щеточка усов, покрытая инеем, действительно едва заметно дернулась при этих словах? Почудилось, конечно – внутри ящика температура минус шестьдесят градусов.

– Они идут, мой фюрер! – голос Марии фон Белов окреп и зазвенел под сводами бронеколпака. – Они идут и несут нам Орла! Справедливость будет восстановлена, мой фюрер! Орел вернется, и я вложу его в вашу руку. И Воин Черного Солнца восстанет из снегов Гипербореи, чтобы основать Четвертый Рейх!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Автономный поход

*Июль 2009 года, Арктика. Земля Вильчека, архипелаг Франца-Иосифа.
Борт станции «Земля-2»*

Незаходящее арктическое солнце освещало дикие прибрежные скалы, зеленеющую тундру, ледники на далеких горах, суровые холодные воды Северного Ледовитого океана. Галечная отмель в километре от станции темнела от туш сивучей, облюбовавших ее для своего лежбища. В воздухе стоял несмолкаемый птичий крик: кайры, моевки и белые чайки висели над утесами живым облаком.

Белая лакированная капсула терраформирующей станции, украшенная серебристым двуглавым орлом, медленно двигалась по заснеженной Земле Вильчека. Сутки назад станция покинула борт ледокола «Россия» и теперь прокладывала свой первый маршрут по снежной пустыне. Над ней, на высоте нескольких сот метров, барражировал вертолет МИ-8, покрашенный в ярко-желтый цвет.

– Говорит борт 16, – сказал в микрофон один из пилотов. – Докладывает командир экипажа майор Гусев. «Земля-2» следует в заданном направлении с расчетной скоростью. Подтвердите приказ о прекращении наблюдения.

В динамике что-то неразборчиво прохрипело.

– Все, – сказал командир экипажа, обращившись ко второму пилоту. – Возвращаемся на базу.

Ми-8, сделав круг над неспешно пробирающейся по каменистому острову «Землей-2», повернул к югу, туда, где скрытый невысокой горной грядой застыл в ожидании огромный атомный ледокол «Россия».

– Рисковые мужики, – проворчал второй пилот, бросив взгляд на удаляющуюся станцию. – Столько больших шишек – и все на одном корыте.

– Это корыто надежнее ледокола будет, – усмехнулся Гусев. – Я слышал, его специально для освоения Луны сделали.

– Может, Марса?

– Нет, Луны. Поэтому ее в Арктике и обкатывают. Здесь ландшафт похож. Правда, на Луне снега нет.

– И воды, – хмыкнул второй пилот. – А так, один в один – Арктика.

Пилоты Ми-8 очень удивились бы, узнав, что в это же время на борту «Земли-2» обсуждали ту же самую проблему. Собравшиеся на верхней палубе участники экспедиции любовались суровыми пейзажами Земли Франца-Иосифа и вполголоса обменивались впечатлениями.

– А почему наше, так сказать, автономное плавание начинается именно отсюда? – спросил, раскрывая свой блокнот, писатель Журавлев-Синицын. Он, наконец, вспомнил, что отправился в экспедицию не только для того, чтобы уничтожить запасы черного рома. – Ведь ледокол, насколько я понимаю, может доплыть до самого Северного полюса?

– На островах Франца-Иосифа лунный ландшафт – с кратерами, возвышенностями и глубокими разломами, – пояснил Арсений Ковалев. – Он идеально подходит для первого тестирования «Земли-2». Ведь вы наверняка знаете, что станция создавалась для работы на Луне.

– Конечно, конечно, – важно кивнул писатель. – Я же говорил тебе, Жанночка, что это не просто увеселительная прогулка! Значит, мы пройдем прямо до полюса на этой станции? Что ж, неплохо. Места, конечно, меньше, чем на ледоколе, зато интерьеры гораздо современнее...

Андрей Гумилев наблюдал за теми же пейзажами из капитанской рубки, всю переднюю стену которой занимало огромное панорамное окно из сверхпрочного стекла. Андрею это напомнило его кабинет на последнем этаже московского небоскреба, только там за стеклом растекалось серое московское небо. Белый цвет был куда лучше. Он наполнял радостью и чувством великого и свершившегося. Чувством победы, надежды, удачи, огромным пройденным этапом, за которым следует новый этап, еще более глобальный и невероятный. Ради этого чувства Андрей готов был рисковать, вкладывать деньги и совершать самые безумные поступки. Не верьте тем, кто говорит, что рискует и побеждает ради чего-то. Для этих людей просто невозможно не рисковать и не побеждать. Кто-то находит себя на войне, кто-то в спорте. Андрей же замахнулся на создание новой Земли.

Он обернулся на сидевших в кресле Марго и Марусю. Точнее, сидела одна Марго, а Маруся забралась к ней на колени и прижалась к няне, обхватив ее шею маленькими ручками.

– В одной белой-белой Арктике, белым-белым днем, на белой-белой льдине...

Теперь Андрей внимательно следил за Марусей. Дочка слушала Марго, затаив дыхание и широко раскрыв рот.

– В белой-белой берлоге... – продолжала Марго, постепенно делая паузы между словами все больше, – жил белый-белый... Медведь!

Маруся вздрогнула от неожиданности. На какое-то мгновение ее брови взлетели вверх, губы задрожали, и казалось, что она вот-вот расплачется.

– Который ел, – как ни в чем не бывало продолжила Марго, – белый-белый...

– Снег? – удивилась Маруся. Любопытство взяло верх над страхом.

– Пломбир!

На губах Маруси заиграла неуверенная улыбка.

– Посыпанный... белым-белым...

– Шоколадом? – осторожно спросила Маруся.

Андрей улыбнулся.

– Хочешь пломбир с шоколадом?

– С медведем!

– А вот, кстати, и медведь! – Марго показала куда-то пальцем и Маруся мгновенно забыла про шоколад и завертелась у нее на коленях, отыскивая глазами медведя.

– Вон, видишь? Кусок льда, похожий на медведя. Спина, голова, приподнятая передняя лапа...

Удивительно, как Марго удается ладить с детьми. Своих у нее нет, братьев и сестер тоже... Андрей испытывал странное чувство нежности, обожания и счастья обладания этой красивой девушкой. Она была так не похожа на Еву, что уживалась в его сердце рядом с ней. Никогда раньше Андрей не понимал, как можно любить двух женщин одновременно, но сейчас это казалось чем-то самым собой разумеющимся. Возможно, это было неправильно и некрасиво по отношению к пропавшей жене. Возможно, это было просто ужасно, по отношению к ней, но ведь Маруся тоже любит их обеих. И маму. И Марго...

– А это котик!

– Где котик?

Маруся ткнула пальцем в окно. Марго прищурилась, пытаясь разглядеть животное.

– И правда, похож!

– Какой же это котик? – втянулся в игру Андрей.

Маруся с возмущением посмотрела на папу.

– Папа, ты что, не видишь?

Андрей сделал серьезное лицо.

– Но это бегемот.

– БЕГЕМОТ? – глаза маленькой девочки округлились.

– Андрей Львович?

Андрей обернулся. За его спиной стояла Надежда Алферова.

– Надя, вы видите бегемота? – невозмутимо спросил ее Андрей.

– Котика! – мгновенно выпалила Маруся.

Алферова смутилась. Она была слишком правильной и серьезной для того чтобы с ходу втягиваться в детские игры.

– Извините?

– Вы бы улыбнулись хоть раз?

Теперь в глазах Надежды появился испуг. Андрей рассмеялся.

– Простите!

– Прислали первые отчеты... – Алферова протянула Андрею аккуратную белую папку. – Я подумала, вам может быть интересно...

– Да, конечно... спасибо.

Андрей раскрыл папку и пролистнул несколько страниц.

– Давай, побегай! А то у меня ножки устали.

Марго помогла Марусе слезть с коленок и та сейчас же прилипла к стеклу панорамного окна.

Андрей оторвался от бумаг и посмотрел в ее сторону. Он вдруг ясно вспомнил, как Маруся прижималась носиком к прозрачной стене кабинки сингапурского колеса обозрения, когда ему показалось, что она сейчас упадет в бездну.

– По-моему она в тебя влюблена. – Марго протянула руку и слегка ущипнула Андрея за плечо.

– Я же ее папа!

– Алферовой? – Марго хитро прищурилась.

– Ты про... – Андрей, понизив голос и кивнул в сторону пульта управления, за которым стояла Надежда.

Марго кивнула.

– Да ты с ума сошла!

– Точно говорю.

– Умеешь читать мысли?
– Влюбленный взгляд женщины может не заметить только мужчина, в которого она влюблена, – усмехнулась Марго, – а другая женщина его заметит сразу.

- Не другая, а ревнивая, – поправил Андрей.
- Ну... тут есть к чему ревновать. Она красотка.
- Не отрицаю, — охотно согласился Андрей.
- Ты правда так считаешь?
- Что она красотка? Ты сама это только что сказала.
- Да, но она не настолько красотка, чтобы...
- Чтобы что?

Андрей развеселился. Марго неожиданно превратилась в девчонку, застигнутую врасплох. Ее глаза заблестели, а на щеках появились розовые пятна.

- Это не смешно, – наконец выговорила Марго.
- Это ужасно смешно, – не согласился Андрей, – Хочешь пломбир с шоколадом?
- Я хочу! – внезапно отозвалась Маруся.
- Ушки на макушке! – потрепала ее по волосам Марго — идем, я тебе сделаю.

- А мне?
- А тебе – по губе! – весело огрызнулась Марго, взяла за руку Марусю и пошла по направлению к лестнице.

Андрей обернулся и поймал взгляд Надеждой Алферовой. Что ж, Марго, похоже, была права...

Гусеничные шасси станции мягко скользили по острову, плавно преодолевая снежные барханы и оставляя за собой исполосованную следами траков белую пустыню. Чтобы обойти небольшую горную гряду, выросшую из пелены тумана прямо перед станцией, Надежда Алферова направила «Землю-2» в сторону побережья, и вскоре все собравшиеся на верхней палубе вновь увидели перед собой свинцовые воды Северного Ледовитого океана.

– Опять море, – воскликнула подруга писателя Жанна. – Но ты же говорил, что мы теперь пойдем до полюса? Нам что, придется возвращаться к кораблю?

Писатель растерянно пожал плечами. Видно было, что он и сам не очень хорошо понимает, как будут развиваться дальнейшие события.

– Не волнуйтесь, мадемуазель, – улыбнулся Арсений Ковалев. – Станция «Земля-2» прекрасно подготовлена для передвижения во всех средах. Она может ездить по земле, летать по воздуху, плавать по морю и даже погружаться в океанские глубины. Так что нам предстоит увлекательная морская прогулка.

– А предусмотрена ли на этой вашей станции система защиты от морской болезни? – поинтересовался Михаил Беленин. Олигарх держал в руках бокал со свежавыжатым грейпфрутовым соком. – У меня на яхте такая есть, это чрезвычайно удобно.

– Да, разумеется, – поспешил успокоить его Ковалев. – Станция оснащена системой Anti Rolling Gyro, в центре ее корпуса находится массивный гироскоп. Когда начинается шторм, электрический мотор вращается в сторону, обратную ходу яхты, таким образом, векторы волнового движения нейтрализуют друг друга, и пассажиры станции не испытывают никаких неприятных ощущений...

– Ага, – довольно сказал Беленин, – у нас, яхтсменов, это называется «вернуться на ровный киль». Что ж, похвальная предусмотрительность.

– А вы сами управляете яхтой? – приоткрыла ротик подруга писателя. – В открытом море, в шторм? Это же ужасно романтично!

– Деточка, – усмехнулся Беленин, – моя яхта побольше этой станции.

– Ой! – Жанна дернула Журавлева-Синицына за рукав. – Видишь, котик, какие бывают яхты! Не то, что посудина, на кото-

рой мы в прошлом году путешествовали по греческим островам! А ты еще говорил, что она ужасно дорогая!

Писатель заметно сконфузился и поспешил сменить тему.

– Было бы неплохо выйти на лед и поохотиться на белых медведей, – проговорил он, ища поддержки у Ковалева. – А потом устроить экзотический пикник между скал. Жареная на углях медвежати́на, а?

– Вообще-то охота на белых медведей у нас в стране запрещена, – помрачнел Ковалев. – Они занесены в Красную книгу, и их поголовье неуклонно сокращается... А наш капитан чрезвычайно принципиальный офицер.

– Ерунда, – фыркнул Беленин. – Как известно, суровость законов в России компенсируется необязательностью их исполнения. Стоит выписать нашему капитану чек на приличную сумму, и он, то есть она, закроет глаза и на Красную книгу, и на белых медведей. Поддерживаю идею насчет охоты! Кстати, давно пора опробовать мой новый африканский штуцер. Я планировал пострелять из него гиппопотамов в Танзании, но арктические медведи ничуть не хуже.

– Если вы договоритесь с капитаном Алферовой, – развел руками Ковалев, – я лично противиться не стану.

Надежда Алферова склонилась над пультом управления и, казалось, не обращала внимания на то, что происходит в рубке. Но стоило Гумилеву направиться к выходу, капитан тут же оторвалась от своего занятия, как будто все время следила за тем, что делает Андрей. Заметив это, он улыбнулся и направился в ее сторону.

– Ну, что скажете? – сказал он, для того, чтобы как-то начать разговор.

– Я же показывала вам отчеты...

– Ну, я думал, может у вас есть свое личное мнение?

– Все хорошо.

- Вам нравится?
- Станция прекрасная, – на губах Алферовой заиграла легкая улыбка.
- Всего лишь?
- Для меня большая честь...
- Надя... Вы можете разговаривать со мной, как с обычным человеком.
- Спасибо.

Надежда задумалась и ее рука, лежащая на пульте, мягко скользнула по кнопкам кончиками пальцев, словно она гладила какое-то гигантское животное.

– Для меня тоже большая честь, что вы согласились сопровождать нас в этом путешествии.

– Это работа, – буднично ответила Надя и убрала руку с пульта.

- Но вы могли отказаться.
- Не могла, – еще более спокойно ответила она. – Я на службе.

– А можно вопрос личного характера?

Было видно, как она напряглась, но кивком головы дала согласие.

– Кто это чудовище, что затащило такую молодую и красивую женщину на службу и превратило маленькую Герду в Снежную Королеву?

Теперь Надя улыбнулась смелее, и Андрей отметил, что так она выглядит еще прекрасней.

– Я люблю свою Родину, – сказала Надя.

Андрей тоже любил свою Родину, но ответ настолько обескуражил его, что он только рассмеялся и отошел в сторону. Что это было? Шутка или искренний патриотизм, который свойственен юным благородным девицам? И почему она так улыбнулась, впервые, кажется, за все время их знакомства. Не хоте-

ла говорить на эту тему? Пыталась отделаться от навязчивого поклонника? А если так, то права ли Марго, заподозрившая ее в пылкой влюбленности?

Неожиданный отпор, который дала Андрею Надежда, лишь разбудил еще больший интерес. Алферова ему действительно нравилась. Высокая, статная, с идеальной осанкой и отличной фигурой, Надежда вряд ли могла оставить равнодушным любого нормального мужчину.

– На всех не женишься, – тихо проговорил Андрей сам себе, вздохнул и направился к лестнице.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Мясо с кровью

*Июль 2009 года, Арктика. Остров Рудольфа, Земля Франца-Иосифа.
Борт станции «Земля-2»*

К вечеру станция успешно преодолела пролив и миновала несколько крохотных островков, называемых Комсомольскими. К вечеру она должна была выйти к небольшому, всего десять километров в поперечнике, острову Рудольфа. Это была самая северная территория России и одновременно самая северная точка Европы. Оттуда ей предстояло продолжить свой путь к полюсу. Пока же перед ней лежал гористый, покрытый вечными льдами остров Винер-Чейштад.

На пути станции встала скалистая гряда в несколько сот метров высотой. Выглядела она устрашающе: кривые каменные клыки торчали из льда, и их острые вершины вспарывали тяжелые снеговые тучи. Чтобы преодолеть такое препятствие, «Земле-2» нужно было подняться в воздух или совершить обходной маневр.

Фрам просчитал оба варианта и предложил перелететь гряде. Путь по льдам в обход скал занял бы слишком много времени. А прыжок через хребет сократил бы дорогу часов на десять.

Алферова запустила программу трансформации силовой установки станции. Это заняло всего несколько минут. Опорные стойки усилились специальными амортизаторами, в днище станции открылись сопла реактивных двигателей управляемой тяги, по бортам выдвинулись короткие стабилизаторы.

В рубку управления набилась толпа народа – все свободные от вахты и научных исследований члены экспедиции, а также

любопытные пассажиры. Андрей, стоя рядом с Марго, разглядывал расстилавшийся за панорамным окном пейзаж. В сумерках он был куда более суров и негостеприимен, чем утром, во время перехода через Землю Вильчека.

У пульта управления стояла Алферова. Она выглядела еще более серьезной и сосредоточенной, чем обычно, и это удивительным образом делало ее еще привлекательнее. На Марго она старалась не смотреть.

– Переходим в режим полета, – Надежда нажала кнопку запуска двигателей. Ровный, свистящий гул наполнил собой рубку, пол под ногами ощутимо задрожал.

– Поехали! – весело крикнул Ковалев.

Едва заметно покачиваясь, «Земля-2» взмыла в воздух и, повинаясь воле капитана, медленно полетела вперед, одновременно набирая высоту.

– Двигатели управляемой тяги позволяют нам совершать маневры во всех плоскостях, – спокойно ведя станцию, объясняла Алферова участникам экспедиции. – «Земля-2» может зависать на одном месте, двигаться вверх, в стороны, даже назад.

На трехсотпятидесятиметровой отметке станция вошла в облака. Видимость резко снизилась, но искусственный интеллект, постоянно получающий информацию с пяти радаров, вывел на обзорный экран зеленоватую картинку компьютерной реконструкции рельефа, проплывающего в данный момент под ногами людей.

Пройдя в полутора десятках метров над вершинами скал, «Земля-2» начала снижаться. Вскоре она приземлилась на каменистом склоне. Противно заскрипели амортизаторы, компенсируя нагрузку на опорные стойки, двигатели взвыли в последний раз и смолкли.

В рубке раздались аплодисменты. Алферова оставила пульт управления, повернулась, чуть смущенно улыбаясь. Андрей снова поймал на себе ее полный скрытой тревоги взгляд.

– Почему бы нам не проделать весь путь до точки погружения по воздуху? – поинтересовался Чен.

– Это приведет к очень большому расходу энергии, а на восполнение запасов уйдет слишком много времени, – покачала головой Надежда. – Когда мы движемся по льдам, плазменные генераторы нагревают нижнюю поверхность опор и между ними и льдом создается водопаровая подушка, обеспечивающая скольжение. Это позволяет экономить до сорока процентов энергии по сравнению с тем, как если бы мы двигались на колесах или гусеницах. А в сравнении с режимом полета экономия составляет до девяноста процентов!

– Экономия, экономия... – проворчал Беленин. – Всюду кризис, господа, даже в Арктике.

– По-моему, все прошло просто замечательно, – сказал, подходя к Андрею, Илюмжинов. – Есть повод отметить наш большой прыжок, как ты считаешь?

Гумилев удивленно взглянул на калмыка. Илюмжинов не производил впечатления человека, который начинает пить с самого утра.

– Отметить?

– Есть пара вопросов, которые нужно обсудить, – понизив голос, сказал Кирсан. – Может, переберемся куда-нибудь в менее людное место?

Мужчины вышли в коридор и не спеша направились к лестнице, ведущей на верхнюю палубу.

– Ты поговорил с Буниным?

– Сказать честно?

– Понял... Но поговоришь?

– Разумеется... Ты для этого меня вытащил?

Кирсан расплылся в улыбке.

– Что у тебя с Алферовой?

– Ну давай теперь еще ты...

– Она как-то странно на тебя смотрит.

– Я заметил.
– Ничего не было?
– Я только днем с ней разговаривал. Отшила меня как малолетку.

Кирсан рассмеялся.

– Возможно ее что-то тревожит, но это явно не любовь.
– Зато это круто тревожит твою подругу...
– Глаз-алмаз. Я смотрю, от тебя ничего не скроешь.
– Кстати, ты поговорил с ней?

Андрей не понял к чему весь этот разговор. Казалось, будто Илюмжинов пытается выудить какую-то информацию, но делает это очень издалека. А такие распросы Андрея здорово раздражали.

– Никакого предмета у нее нет, – сказал он сухо. – И хватит об этом.

– Ты уверен? – словно не слыша его, продолжал допытываться Илюмжинов. – Может быть, какой-то кулон, или брошка... С другой стороны, если бы она его снимала, то глаза у нее снова приобретали естественный цвет... скажи, ты ничего такого не замечал?

– Кирсан, я не хочу это обсуждать. Предмета у нее нет, это точно. Обычные разноцветные глаза.

– Обычные... ну-ну... Я забочусь о тебе, – хитро сощурился Кирсан, – предметы бывают разные. А вдруг она умеет убивать, а ты не знаешь и спокойно живешь с ней рядом?

– Перестань паранойить, – Андрей похлопал друга по плечу, – Марго и мухи не обидит. А с Алферовой я разберусь.

Беседа с Кирсаном напомнила ему про одно важное, но неприятное дело – нужно было поговорить с Буниным на счет недавнего инцидента с единорогом. Одна только мысль об этом портила ему настроение. Возможно, именно по этой причине он как мог оттягивал разговор, малодушно позволяя себе радо-

ваться удачному началу проекта и не желая портить свою бочку меда ложкой дегтя.

Однако, как это всегда и происходит с неприятными мыслями, – чем больше ты пытаешься их прогнать, тем навязчивее они лезут в голову. Андрей откладывал эту встречу, оправдывая себя тем, что не готов, что удар надо производить четко, бить по самым больным местам, подловить в неожиданный момент, сказать правильные слова, схитрить, смухлевать, собрать информацию, но сам же понимал, что это всего лишь отговорки. В какой-то момент он даже решил плюнуть и забыть, махнуть на эту историю рукой — в конце концов, он никогда не питал иллюзий насчет подлости Бунина; и в том, что чокнутый профессор не упустит момент, чтобы заполучить предмет, не было ничего странного — очень в его духе. С другой стороны, факт того, что он использовал для этого его дочь, и предмет был украден у его друга, не позволял спустить все на тормозах. Нужно было раздавить этого подонка. Раздавить и вытащить из него всю информацию.

К счастью Бунин был у себя. Увидев Андрея, он расплылся в улыбке.

– Какие гости... Можно вас поздравить с успешным перелетом...

– Ты зачем ребенка втянул? – резко начал Андрей прямо с порога.

– Какого ребенка и во что втянул? – все еще улыбаясь, спросил Бунин.

Андрей сел за стол, напротив Бунина и посмотрел ему в глаза.

– Откуда у Маруси единорог?

– Может быть, имеет смысл спросить у Маруси?

– Она сказала, что ты попросил его забрать.

– Неожиданный поворот! – рассмеялся Бунин.

- Хочу выслушать твою версию.
- Я понятия не имею откуда у нее единорог.
- То есть, она врет?
- Можешь доказать обратное?

Такой наглости Андрей не ожидал. Почему-то он думал, что внезапное нападение испугает профессора и он, как минимум, начнет оправдываться, на чем его и можно будет подловить.

– Она не врет мне, – уверенно сказал Гумилев.

– Только не ты... Андрей. – Бунин сделал трагичное лицо и разочарованно развел руками. – Ты же такой умный человек... Я понимаю, что это твой ребенок. И у тебя прекрасная дочка, но ключевое слово «ребенок».

– Решил поговорить про детей?

– Решил напомнить про украденную ручку.

Андрей изменился в лице.

– Сколько дней назад? Пять-шесть? Что сказала Маруся? Ммм? Дядя Степан подарил?

– Да, было дело, – сухо согласился Андрей.

– Извини, что пришлось напомнить. И особенно хочу напомнить, что никто ее в воровстве не обвинил, потому что она ребенок. Об этой истории вообще никто не услышал — все осталось строго между нами...

Андрей молчал.

– Увидела красивую ручку, сунула в карман, а когда папа припер с расспросами, испугалась и соврала.

Шах и мат. Сражение было проиграно, а проигрывать Андрей не любил.

– Ты прав. Я должен извиниться.

– Она чудесная девочка. Очень смышленная, симпатичная, ее все любят, но она фантазерка.

Андрей потерял висок. То, что ему напомнили не самую красивую историю, которая произошла с Марусей, было неприятно. То, что ее напомнил Бунин — было неприятно вдвойне. Но еще

более противно было от уверенности в том, что Бунин врет. Умело разыгрывает козырь или, что еще более вероятно, зная, что у него теперь есть козырь, умело воспользовался им, втянув Марусю.

– Не мое дело давать советы, но если девочка украла единорога – его лучше как можно быстрее вернуть. Боюсь, Кирсану не понравится, если он узнает...

– Это действительно не твое дело.

– Да и зачем он ей, считать она еще не умеет, — усмехнулся Бунин, пропуская слова Андрея мимо ушей.

Андрей встал и направился к выходу.

– Ты, кажется, собирался извиниться? – мягко напомнил Бунин, выходя из-за стола.

Андрей остановился и некоторое время стоял, глядя перед собой и пытаясь побороть злость. Ему хотелось убить Бунина. Не потому, что он подлец, а потому, что он так ловко сделал его. Немыслимо...

– Извини.

– Да, ничего страшного! – рассмеялся Бунин. – Не стоило твоих извинений.

Этот измывательский тон только подхлестнул Андрея.

– Ты ведь врешь.

– Тебе, по-моему, понравилось извиняться... – тон Бунина резко изменился.

– А тебе, по-моему, понравилось искать себе проблемы.

– У меня нет проблем, – Бунин подошел к Андрею вплотную, – проблемы есть у тебя... Поэтому Ева от тебя и сбежала.

Этого нельзя было делать ни при каких условиях, и Андрей никогда бы не сделал того, что сделал его кулак. Бунин отлетел назад и упал, ударившись спиной о стену.

– Извини, – с безразличием бросил Андрей и вышел из каюты.

Когда однообразные арктические пейзажи наскучили собравшейся на верхней палубе публике, решено было перейти в кают-компанию. Там, удобно устроившись в мягких креслах, пассажиры продолжали вести разговоры о предстоящем переходе к Северному полюсу. Кто-то достал сигареты, но тут Беленин щелкнул пальцами, и один из сопровождавших его «референтов», высокий жилистый татарин Рашид, принес массивный хьюмидор из испанского кедра. Олигарх щедрым жестом предложил собравшимся угощаться его сигарами, и скоро все курильщики с удовольствием дымили ароматными кубинскими Cohiba. Не стала исключением и подруга Журавлева-Синицына Жанна, хотя она явно не была знакома с ритуалом курения сигар и со стороны выглядела довольно забавно.

– А вы знаете, что кубинские женщины крутят сигары прямо на своих бедрах, – с видом знатока заявила она.

– Прямо-таки на своих? – удивленно спросил Ковалев.

– Ну а на чьих же? – немедленно растерялась Жанна.

– Конечно же на бедрах своих кубинских мужчин! – с уверенностью сообщил Ковалев.

Жанна испуганно вытащила сигару изо рта и внимательно посмотрела на нее.

Беленин закашлялся от смеха.

– Милый, это правда? – спросила Жанна писателя.

– Ну... В некоторых... – писатель встретился взглядом с Ковалевым, – в общем, да.

– Это такой кубинский ритуал, Жанночка. Вроде признания в любви.

– А я читала, что на своих!

– Жанна, неужели такая умная девушка как вы, читает эти дурные газеты? – казалось, что Ковалеву доставляет удовольствие подтрунивать над нелепой подружкой писателя.

– Да нет, ну что вы. Она лежала у подруги. Моя подруга очень любит газеты и покупает их все.

– Странные у вас подруги, – неожиданно строго проговорил Ковалев, чем окончательно смутил Жанну.

– Бывшие подруги, – со вздохом сказала она, – как только я узнала о том, что она читает, мы сразу же перестали общаться.

– Солнце мое, – не выдержал, наконец, писатель и взял Жанну за локоть, – не пора ли тебе спать?

– Ну почему ты всегда прогоняешь меня спать на самом интересном месте?

– Потому что иначе у тебя будут темные круги под глазами.

Жанна скривила личико и отложила сигару на край стола.

– Всем доброй ночи, – поздоровался Андрей, проходя мимо компании.

– Андрей, вы не видели профессора? – снова подала голос Жанна. Похоже она не собиралась идти спать. – Я его с самого момента погружения, то есть, отплытия... ну, то есть, как мы уехали... Ой! У вас кровь на руке!

Только сейчас Андрей обратил внимание на разбитые костяшки.

– Это я в чем-то испачкался, – улыбнулся он, слюнявя палец и оттирая кровь.

– Признавайся, кого убил? – рассмеялся захмелевший Ковалев.

– Того, кто задавал много глупых вопросов, — отшутился Гумилев.

– Понял! Молчу!

– Пойду-ка я спать, пожалуй... – Андрей взял со стола бокал с вином и выпил его одним глотком. – А то будут черные круги под глазами...

Он подмигнул Жанне и, толкнув прыснувшего от смеха Ковалева в плечо, покинул кают-компанию.

Марго трогательно свернулась в кресле, поджав ноги и положив голову на подлокотник. На полу валялась книжка. Види-

мо она выпала из рук, когда Марго уснула. Андрей взял плед и осторожно укрыл девушку.

– Я не сплю...

– Тогда перебирайся в кровать и спи.

– Нет, нет, нет...

Марго выпрямилась и опустила ноги на пол.

– Ты абсолютно сонная.

– Я абсолютно голодная, – улыбнулась Марго.

– Разве девочки едят по ночам?

– Только если никто не видит.

– Хорошо, я отвернусь...

– Я люблю тебя.

Андрей протянул ей руки и помог встать. Сонная Марго казалась ему еще привлекательнее, чем обычно. Припухшие веки, растрепавшиеся волосы... Андрей прижал девушку к себе и поцеловал в шею.

– Щекотно...

– Идем-ка нажарим целую гору мяса... – прошептал Андрей.

– И лопнем?

– Обязательно лопнем.

– Марго тихо рассмеялась.

– Маська давно уснула?

– Часа два как...

– Одевайся.

Марго быстро натянула свитер и тихо выскользнула из каюты. Андрей вышел за ней и остановился, словно налетев на стену. Сцена, которую он увидел, ему не понравилась.

Напротив Марго стояла Надежда. Обе женщины замерли, глядя друг на друга, и в воздухе ощущалось такое напряжение, что Андрей отчего-то почувствовал себя виноватым, словно он являлся причиной этого немого конфликта.

– Доброй ночи, – тихо поздоровался Андрей, прикрывая за собой дверь.

Надежда словно вышла из оцепенения, развернулась и пошла прочь.

– Надежда?

– Что ей было нужно?

Марго, то ли спросонья, то ли еще по какой причине, не скрывала свою злость.

– Сейчас!

Андрей быстро пошел вслед за Алферовой.

– Надя?

– Андрей! – с отчаянием выкрикнула Марго.

Непонятно почему, но сейчас Андрей понимал, что он должен поговорить с Надеждой. Возможно потому, что она хотела поговорить с ним. Возможно хотела, но не решалась. О чем-то важном. Неприятно заколотилось в груди, словно от приближающейся опасности. Андрей ускорил шаг и через несколько секунд уже схватил Алферову за руку.

– Я просто шла мимо.

– Вы хотели поговорить?

– Это потерпит до утра, правда.

– Но вы пришли ко мне ночью.

– Мне очень стыдно, простите.

– Что случилось?

– Ничего.

Теперь ее лицо было спокойно. Она взяла себя в руки.

– Давайте отойдем и вы мне все расскажете?

– Мне нечего вам сказать.

– Надя...

– Отпустите... пожалуйста., – Надежда высвободила руку. – Спокойной ночи.

Алферова быстро сбежала по лестнице. Андрей обернулся и посмотрел на Марго.

Обида навек. Прекрасное окончание дня.

– С каких пор она стала для тебя важней?

- Это работа, Марго.
- Это не работа.
- Она хочет что-то мне сказать, я же вижу.
- Внезапно начал видеть?
- Малыш, ты же умная девочка.
- Я иду спать.
- Очень тебя прошу...
- Спасибо за ужин. Было очень вкусно.
- Марго скрылась за дверью.
- И тебе...

Андрей открыл дверь и вошел на кухню. Ссора с любимой девушкой еще не повод лишать себя ужина. А может быть даже наоборот.

- Не спится?

Андрей огляделся. За столом сидел седой мужчина в длинной вязаной кофте.

- Вы повар?
- А вы Гумилев.

Немного странно было общаться с незнакомым человеком, поваром, который разговаривал на равных. Андрею это скорее нравилось, чем нет, но все равно было непривычно, после всех этих льстивых «Андрей Львовичей».

- Поссорился с подругой, – зачем-то объяснил Андрей.

Повар молча встал из-за стола и только сейчас Андрей обратил внимание на неприметную рюмку с янтарной жидкостью. Уже через минуту точно такую же рюмку повар протягивал и ему.

Они выпили и сели за стол.

- Соорудить чего?
- Было бы круто.
- Стейк сойдет?
- Два.

– Понимаю...

Старик снова встал, вытащил из холодильника несколько кусков мяса и бросил их на сковороду.

– А Надька-то даа... – неожиданно начал он. – Понимаю...

Коньяк быстро ударил в голову, и Андрею уже не хотелось ничего говорить. Он просто слушал, и это было удивительно. Словно все вокруг знали что-то, чего он не знал. И про Надьку, и про все остальное...

– Твоя, конечно, тоже... Чего уж тут... Но когда вот так, – старик развел руками, – с кровью...

На этих словах Андрей встрепенулся.

– С кровью?

– Мясо с кровью?

– Да... Нет.

– Мне все равно, – пожал плечами старик.

– Мне тоже, – устало выдохнул Андрей.

– Понимаю...

Он завидовал ему. Хоть кто-то что-то понимал, и это было хорошо. Хорошо, когда все понимаешь. Андрей не понимал. Не понимал поведения Алферовой, не понимал, почему она ищет с ним встречи и тут же убегает. Не понимал, что такого она могла ему сказать. Он был уверен, что это никак не связано ни с какой любовью. Это было что-то совсем другое, и смущение Алферовой было другое, и взгляд, внимательный, испуганный, и срывающийся голос. На этот раз интуиция Марго подвела. Марго, Марго. Что стало с ней? Откуда вдруг эта ревность? Необъяснимая, беспричинная, агрессивная.

– Она тут одна настоящая... Надежда, – пробубнил старик, ставя перед Андреем тарелку с аппетитными стейками. – Сама по себе.

– Благодарю...

– Самому по себе всегда страшно.

Андрей нахмурился. Его стал тяготить этот разговор.

– Береги ее.

Перед глазами качнулось. Тарелка слетела со стола прямо на колени и оттуда на пол.

Андрей посмотрел на старика, который с трудом удержался на ногах, схватившись руками за край стола.

– Что это было?

Старик закачал головой.

– Не понимаю...

В коридоре, ведущем к рубке управления, Андрей нагнал Ковалева. В руках у Арсения была початая бутылка виски.

– Что происходит? – жестко спросил Андрей. – Ты почему на за пультом?

– Ну, подумаешь, решил выпить стаканчик... И тут вдруг такое!

Бронированная дверь рубки управления была приоткрыта. Едва перешагнув порог, Гумилев понял – случилась беда.

Помещение было наполнено сизым дымом, противно пахло паленым пластиком. Главный пульт управления был разворочен какой-то неведомой силой, в его недрах потрескивали и искрили разорванные электрические провода.

А на полу, перед пультом, лежало что-то черное. Андрею понадобилось несколько секунд, чтобы его мозг примирился с очевидным: это было человеческое тело, изломанное и изуродованное так, будто его выплюнула огромная мясорубка. Правая рука была вывернута под неестественным углом, левая, по-видимому, была раздроблена в нескольких местах. Ноги перебиты в коленях, шея скручена так, что затылок прижат к позвоночнику, окровавленные, сломанные ключицы торчат сквозь черную ткань кителя. Не человек – кукла, разбитая безумным и жестоким кукольным.

Залитые кровью мертвые глаза смотрели куда-то сквозь Андрея. Лицо было искажено гримасой боли так, что узнать его казалось совершенно невозможным. «Мясо, – подумал Андрей, – мясо с кровью...» И тут же ужаснулся своей мысли, поняв, кто перед ним.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Братство Небесного Огня

Июль 2008 года (за год до описываемых событий). Сингапур, Юго-Восточная Азия. Офисное здание «Империял Плаза», 52-й этаж

– Прошу вас, сэр!

Невысокий малаец в безукоризненном белом костюме распахнул перед гостем двери орехового дерева.

За дверью находился просторный полукруглый зал с огромным панорамным окном во всю стену. Мерцающие золотые огни ночного Сингапура казались вплавленными в стекло звездами.

Хозяин кабинета поднялся навстречу гостю из-за стола, изогнутого в форме полумесяца. Это был знак особого уважения – человек, которому принадлежал не только небоскреб «Империял Плаза», но и добрый десяток других высотных зданий Сингапура, не каждого приветствует даже простым кивком головы. Гость быстро, но не теряя достоинства, подошел к столу и пожал протянутую пухлую ладонь. Ладонь человека, стоившего семь миллиардов долларов.

– Рад видеть вас, господин Чен, – приятным бархатным голосом произнес хозяин кабинета.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, господин Мао, – вежливо ответил гость, рассматривая булавку с крупным бриллиантом, небрежно торчавшую из отворота пиджака хозяина. Если бы не эта булавка, господина Мао можно было бы принять за простого менеджера – недорогой пиджак, сорочка ценой в сотню долларов, разношенные туфли из обычной кожи. И булавка с голубоватым бриллиантом в пять каратов. «Стильного человека видно сразу», – подумал господин Чен.

– Прошу вас, господин Чен, садитесь. Что будете пить?

– Минеральную воду, пожалуйста, – гость поклонился и мягким кошачьим движением опустился в кресло. Господин Мао улыбнулся и щелкнул пальцами. Спустя минуту вышколенный малаец внес в кабинет поднос с квадратной бутылкой «Скон Хилл», вазочкой с колотым льдом, изящной бутылочкой «Перье» и двумя пузатыми бокалами.

– Признаюсь, я давно хотел встретиться с вами, господин Чен, – сказал Мао, наливая себе виски. – Мне приходилось слышать много интересного о вашем обществе.

– Прошу меня простить, господин Мао, но если вы действительно слышали о нашем обществе, то это наш недосмотр, – едва заметно улыбнулся Чен.

– Позвольте напомнить вам, что мои возможности несколько отличаются от возможностей обычного человека. В том числе и в такой тонкой сфере, как добыча информации.

– Ни секунды в этом не сомневаюсь, господин Мао.

Оба замолчали. Мао отхлебнул виски, Чен попробовал минеральную воду. Обмен любезностями закончился, можно было переходить к делу.

– Некоторое время назад в поле зрения моей службы безопасности попал некто Фархад, – проговорил, наконец, Мао, внимательно следя за реакцией собеседника.

– Вот как, – вежливо произнес Чен, сохраняя бесстрастное выражение лица.

Фархад погиб в автокатастрофе в Шанхае в апреле прошлого года. Во всяком случае, таково было официальное мнение. Члены Братства – тоже люди, и как все люди, они порой становятся жертвами роковых случайностей. Фархад был координатором китайского сектора организации и знал очень много, поэтому его смерть расследовали весьма тщательно. Но Чену не приходилось слышать, чтобы расследование натыкалось бы на какие-либо подозрительные детали.

– К сожалению, тогда мы еще очень плохо были осведомлены о вашем обществе, – сокрушенно вздохнул Мао. – Мы приняли Фархада за представителя конкурирующего концерна и обошлись с ним несколько... жестко. Но нельзя отрицать, что та информация, которую мы получили от Фархада, позволила нам существенно расширить горизонты своего мировоззрения.

– Что вы с ним сделали? – напрямую спросил Чен. Лицо его напоминало теперь каменную маску.

Мао пожал плечами.

– Ну, пытаться мы его не стали. Химические препараты в основном... уверяю вас, с ним работали лучшие специалисты. Фархад прожил достаточно долго, чтобы рассказать о вашем обществе много интересного.

– Кто же погиб в автокатастрофе? – прищурился Чен.

– Клон, – просто ответил Мао. – Биологически идентичная копия вашего человека, правда, абсолютно неразумная. Но ведь для трупа это не такой уж большой недостаток, не правда ли?

Чен задумался. ДНК-анализ, проведенный экспертами Братства, не оставлял сомнений в том, что жертвой шанхайской катастрофы стал именно Фархад. Версию с клоном, разумеется, никто не рассматривал.

– Наш агент взял образец ДНК Фархада за полгода до случившейся... неприятности. Вполне достаточное время, чтобы вырастить клона.

– Вы умеете клонировать людей? – недоверчиво спросил Чен. – Причем сразу взрослых?

Мао довольно усмехнулся.

– Мы многое умеем, господин Чен. Полагаю, если мы объединим наши усилия, то обе стороны от этого только выиграют.

Братство никогда не вступало в союзы, и если Фархад действительно многое рассказал о нем людям Мао, то уж об этом-то хозяин кабинета должен был знать. Поэтому Чен промолчал, выжидательно глядя на миллиардера.

– Я высоко ценю доверие, которое вы оказали мне, согласившись прийти на нашу встречу, – продолжал Мао. – Но я позволил себе некоторую вольность, пригласив на нее человека, о котором вы не были предупреждены. Надеюсь, вы простите меня.

Чен смотрел на него холодным взглядом рептилии.

– Позвольте представить вам господина Лотара Эйзентрегера, – Мао слегка пошевелил пальцами, и в казавшейся монолитной стене распахнулась металлическая дверь. В комнату вступил высокий пожилой европеец с жестким ежиком седых волос и слегка лошадиным лицом. В отличие от Мао, он был в очень дорогом костюме от Бриони и туфлях из крокодиловой кожи. – Это давний друг нашего концерна, представитель крупной промышленной корпорации, имеющей интересы буквально по всему земному шару.

Лотар Эйзентрегер четким военным шагом приблизился к креслу, в котором сидел Чен и протянул ему руку. Чену, хочешь не хочешь, пришлось вставать и пожимать сухую ладонь нового гостя.

– Организация, которую я представляю, – сказал он, жестко выговаривая английские слова, – не менее засекречена, чем ваша, господин Чен. – По сути дела, мы тут оба с вами нелегалы, единственный законопослушный бизнесмен здесь – наш любезный хозяин.

Это, очевидно, была шутка, потому что бесцветные губы Лотара раздвинулись в подобии улыбки. Чен вежливо поклонился.

– Что вы будете пить, мой друг? – спросил Мао. Эйзентрегер взглянул на бутылку «Скон Хилла», подумал и кивнул.

– То же, что и вы, мой друг. Виски ценой в пять тысяч долларов за бутылку предлагают не каждый день.

«Для представителя могущественной корпорации он чересчур вульгарен», – подумал Чен. Впрочем, возможно, он просто не привык к оригинальному чувству юмора господина Эйзентрегера.

– Итак, о деле, – сказал Мао, когда малаец вновь наполнил бокалы. – С тех самых пор, как я узнал о существовании вашего общества от несчастного покойного Фархада, мне не давала покоя мысль о том, что три наши организации могли бы оказаться весьма полезными друг другу. У моего концерна есть деньги и влияние в странах Юго-восточной Азии.

– Говорят, вы контролируете все Триады от Шанхая до Макао, – довольно невежливо перебил его Чен.

Мао усмехнулся.

– И половину Триад западного побережья США. Организация, которую представляет господин Эйзентрегер, занимается разработками в области высоких технологий и, как бы это получше выразиться, нетрадиционной науки. Достаточно сказать, что методика клонирования взрослых существ была любезно предоставлена нам именно этой организацией.

«А вот это уже интересно», – подумал Чен, но вслух, разумеется, ничего не сказал.

– И, наконец, ваше общество. Или, как вы его называете, Братство Небесного Огня.

– Да, – хохотнул Эйзентрегер. – Очень впечатляющее название.

Мао взболтал кубики льда, медленно растворявшиеся в светло-коричневом виски.

– Признаться, мне трудно было поверить, что за всеми впечатляющими событиями последних десяти лет стоит одна-единственная организация. Принцесса Диана, 11 сентября, взрывы в Лондоне, Мадриде, Москве... И не какая-нибудь ближневосточная самодеятельность вроде «Аль-Каиды», а солидная структура, имеющая своих людей в правительствах и разведках многих стран. Настоящий Черный Интернационал!

– Черным Интернационалом называли себя террористы шестидесятых, – заметил Чен. – Они были любителями. А мы – профессионалы.

«Фархад действительно многое успел им рассказать, – подумал он. – А значит, надо срочно искать выход из положения. Конечно, проще всего было бы убить обоих и навсегда покинуть Сингапур... Но ведь Мао наверняка предусмотрел такой вариант. Скорее всего, я сейчас на мушке у снайпера... а кроме того, информация, которую они получили, наверняка известна кому-то еще. Что ж, остается сидеть и ждать, что они мне предложат».

– Вы, конечно, понимаете, что я говорю это не для того, чтобы подчеркнуть свою осведомленность, – Мао внезапно стал очень серьезным. – Дело в том, что у наших организаций – я имею в виду свой концерн и корпорацию господина Эйзентрегера – есть некий совместный проект, осуществление которого требует помощи со стороны таких профессионалов как вы. Проект этот очень необычен, но в случае успеха он обещает такие дивиденды, которые не может дать ни одно другое предприятие.

– Что за проект? – сухо спросил Чен.

– Позвольте мне кое-что вам показать, – Мао, не дожидаясь ответа, нажал кнопку на лежавшем перед ним маленьком пульте. В зале немедленно померк свет, перестали светить золотые звезды за окном – стекло мгновенно потеряло прозрачность. – Это видеозапись, сделанная одним подводным исследователем в труднодоступных районах Северного Ледовитого океана.

Вспыхнул луч проектора, и на превратившемся в белый экран стекле панорамного окна замелькали кадры документального фильма. Сначала камера ползала по занесенным снегом торосам, несколько раз в кадр попадали державшиеся в отдалении белые медведи, затем на экране появилась огромная полынья и медленно погружавшийся в воду небольшой серебристый батискаф. На борту батискафа были начертаны символы, показавшиеся Чену смутно знакомыми – кажется, это были древнескандинавские руны.

– Съемка велась в августе две тысячи третьего года, – пояснил Мао.

Батискаф опускался под воду, шаря лучом прожектора по темным океанским глубинам. Мелькнула стайка серебристых рыб, быстро проплыло какое-то животное, похожее на тюленя. Затем в объективе камеры оказался полого уходящий под воду склон горы, усеянный крупными валунами. Батискаф неторопливо опускался параллельно склону, пока, наконец, не завис над широкой каменистой равниной, представлявшей собой что-то вроде лавового плато. Прожектор несколько раз метнулся из стороны в сторону, словно выискивая какую-то цель. Потом уперся в темную громаду, вырastaвшую из самого склона горы. Изображение придвинулось. На экране возникла башня, сложенная из больших глыб черного камня, чрезвычайно искусно подогнанных друг к другу. Ни окон, ни дверей в башне видно не было. Батискаф медленно, будто нехотя, приблизился к башне, обогнул ее, потом поднялся и завис над ее верхушкой. Крыша башни была плоской, обнесенной невысокой оградой из треугольных камней. Никаких следов люка или входного отверстия – просто сплошной камень. Потом в объектив попало приближавшееся к башне существо, похожее на тюленя. Оно подплыло к основанию строения и замерло, совершая волнообразные движения хвостом. Чен не поверил своим глазам – в лапах у существа появилось что-то, похожее на кувалду. Этой кувалдой «тюлень» попробовал нанести удар по стене башни. В следующее мгновение инструмент вырвался у него из лап и, медленно кружась, начал падать на грунт. Сам «тюлень» вздрогнул, как будто от удара электрическим током, и, растопырив лапы, поплыл прочь от загадочного сооружения.

Экран светился ровным белым светом. Пленка кончилась. Вспыхнул свет. Мао, склонив голову, наблюдал за Ченом.

– Что это было? – спросил тот.

– Черная Башня, – ответил Лотар Эйзентрегер лязгающим голосом. – Невероятно древнее строение, возведенное неизвестной цивилизацией много тысяч лет назад. Всего их было семь, но большая часть сейчас пуста и не представляет никакого интереса. Мы предполагаем, что эта башня – главная, и в ней находится ключ к власти над миром.

Чен с интересом посмотрел на него. Возможно, у Эйзентрегера действительно было оригинальное чувство юмора, но на этот раз, он, кажется, не шутил.

– Могу я поинтересоваться, кого вы имеете ввиду под словом «МЫ»?

– Научное сообщество, которое я представляю. несколько лет назад мы обнаружили это сооружение на дне Северного Ледовитого океана... к счастью, оно расположено неглубоко. Моя корпорация построила рядом научную базу, которая занимается изучением Башни.

– Тоже подводную?

Чену показалось, что Лотар замялся.

– Не совсем. Скорее, подземную. Однако мы так и не смогли проникнуть внутрь башни. То, что вы видели на пленке – ерунда, наглядный пример. Материал, из которого сложена Башня, не поддается даже лучу лазера с ядерной накачкой.

– Ваш проект заключается в том, чтобы проникнуть внутрь? – спросил Чен.

На этот раз ему ответил Мао.

– Ну, в общих чертах, да. Проблема в том, что способ проникнуть в Башню существует, но он, как бы это выразиться, лежит за пределами технологии.

– То есть?

– Магия, – хрипло каркнул Лотар. – В Башню можно войти, обладая определенными предметами – артефактами. И мы знаем, у кого находятся эти артефакты.

– По счастливому совпадению, – подхватил Мао, – эти люди, владельцы артефактов, собираются организовать экспедицию в тот самый район Арктики, где находится Черная Башня. При этом о самой Башне они, скорее всего, ничего не знают.

– Откровенно говоря, в этом мы не можем быть уверены, – заметил Лотар.

– Кто же эти люди?

– Русские. Их спецслужбы чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы взять под свой контроль стратегические запасы нефти и газа в этом районе. Но подобная экспедиция требует значительного финансирования, поэтому они ищут спонсоров.

Чен помолчал, подумал.

– Если я правильно понял вас, господа, вы хотите финансировать их экспедицию?

Мао расхохотался.

– Конечно же, нет! Спонсор экспедиции уже найден – это некто Андрей Гумилев, русский миллиардер, делающий деньги на высоких технологиях. Мы хотим просто использовать эту экспедицию для решения наших собственных задач. Минимум вложений, максимум прибыли. Очень хороший бизнес!

– Возможно, – не стал спорить Чен. – Но я до сих пор не понимаю, зачем вы искали контакты с Братством Небесного Огня.

Мао озабоченно потер рукой пухлую щеку.

– Во-первых, мы хотели бы, чтобы вы приняли участие в экспедиции, господин Чен. Да-да, вы лично. Мы имеем представление о ваших способностях, и кое-что слышали о роли, которую вы сыграли в истории с бегством Бен Ладена из Тора-Бора.

«Все-таки они слишком много знают, – подумал Чен. – Эту проблему рано или поздно необходимо решить».

– Разумеется, ваше участие будет достойным образом вознаграждено, – добавил Эйзентрегер. – Уже сейчас мы могли бы предложить вам кое-что... в знак наших добрых намерений.

– Что же? – холодно спросил Чен.

Вместо ответа Лотар извлек из кармана стеклянную пробирку и, открыв крышечку, поднес ее прямо к лицу Чена.

– Не считите за труд плюнуть сюда, – оскалился он.

– Плюнуть?

– Именно.

Чен пожал плечами и плюнул. Эйзентрегер удовлетворенно закрыл пробирку и спрятал ее обратно в карман.

– Теперь у нас есть образец вашей ДНК, господин Чен. Если вы не возражаете, то через месяц мы вырастим вашего клона. Пока что это всего лишь бессмысленный кусок мяса, который нужно кормить, поить и водить на прогулку для тренировки мышц, но все его внутренние органы будут идентичны вашим. Если вам понадобится новая почка или, скажем, легкое – клон всегда будет у вас под рукой. Это, так сказать, маленький подарок от нашей фирмы.

– Признателен, – пробормотал ошеломленный Чен. Все-таки этим двоим удалось вывести его из равновесия.

– Но, разумеется, оплата участия в проекте будет гораздо более щедрой, – продолжал Мао. – Что вы скажете о сумме в пятьдесят миллионов долларов?

Чен усмехнулся.

– Скажу, что сумма в сто миллионов выглядит гораздо симпатичнее. Но для начала мне хотелось бы узнать, за что мне собираются заплатить такие деньги?

– Вы должны наладить доверительные отношения с Андреем Гумилевым и убедить его включить вас в состав экспедиции. А когда русские приблизятся к Черной Башне, вам нужно будет вступить в контакт с коллегами господина Эйзентрегера и нейтрализовать охрану русских. При этом следует иметь в виду, что охрана может быть как официальная, так и тайная – все мы знаем маниакальное пристрастие русских к конспирации.

– Короче говоря, вы хотите, чтобы я захватил русский корабль? Мао покачал головой.

– Мы не знаем, будет ли это корабль или иное транспортное средство. В любом случае, вы должны сделать так, чтобы обладатели предметов, о которых говорил Лотар, попали в руки его коллег. С другой стороны, русские не должны сообщить на большую землю о том, что с ними произошло. Это ключевой момент операции. Достаточно сложная задача, не так ли?

– Сложная, – согласился Чен, – и вполне заслуживающая вознаграждения в сто миллионов. Однако я по-прежнему не понимаю, почему вы не наняли для ее выполнения кого-либо из специалистов, не связанных с Братством Небесного Огня. Братство – не корпорация наемных убийц, как, возможно, вам представляется. Мы занимаемся террором, как искусством, и всегда остаемся за кулисами. Кнопки детонаторов и спусковые крючки пистолетов нажимают другие, мы же всегда выступаем только в роли режиссеров.

Мао помедлил с ответом.

– Вы нужны нам, господин Чен, это правда, но Братство нужно нам еще больше. Если что-то пойдет не так, если у вас не получится выполнить поставленную задачу или информация о захвате будет передана в Москву – русские не станут медлить с ответом. Их ударная авиация немедленно поднимется с арктических аэродромов, их ядерные ракеты нацелятся на то место, где находится Черная Башня. А там, как вы помните, расположена еще и научная база, построенная корпорацией господина Эйзенрегера. Мы не можем позволить себе рисковать ее судьбой, она слишком важна для... гм, для наших общих интересов.

– Прошу вас, договаривайте.

– На этот случай Братство должно быть готово предъявить русским властям свой ультиматум.

– И не только русским, – голос Лотара стал скрипучим, как кровельное железо. – Возможно, американцы тоже захотят вмешаться.

– Согласен. Мы надеемся, что Братство подготовит операции в России и Соединенных Штатах – ну, что-нибудь вроде широкомасштабного захвата заложников или минирования общественных зданий, вам, в общем, виднее. И если русские или американцы захотят нанести удар по арктической базе корпорации господина Лотара, Братство не позволит им это сделать.

– Это утопия, – сказал Чен. – Угроза террористического акта может задержать военную операцию, но очень ненадолго. День-два, максимум три.

– Этого хватит, – усмехнулся Лотар. – Мы должны иметь страховку именно от неожиданного сбоя в тщательно проработанной последовательности действий. Потому что в конечном итоге победа все равно останется за нами.

Чен помолчал. То, о чем просили его собеседники, было не то чтобы немислимым, но очень, очень рискованным. Организовывая атаку самолетов на башни-близнецы и Пентагон 11 сентября 2001 года Братство тоже выполняло заказ – заказ неформального клуба военных промышленников и нефтяных магнатов США – но там переговоры велись с уважаемыми и хорошо известными людьми, чьи имена сами по себе были гарантией конфиденциальности. Что не менее важно, эти люди не представляли себе до конца, с какой организацией имеют дело. Здесь же все было наоборот. Мао и Лотар были прекрасно осведомлены об особенностях Братства, а Чен, напротив, до обидного мало знал о Мао и совсем ничего об Эйзентрегере.

– Могу я поинтересоваться, – спросил он, наконец, – как называется та корпорация, которую представляет уважаемый Лотар?

Мао почему-то заулыбался. Эйзентрегер откинулся в кресле и поднял к глазам бокал, в котором уже почти ничего не осталось.

– Разумеется, можете, господин Чен, – сказал он надменно. – Теперь вы имеете право знать.

Прозвучало это довольно зловеще, и Чен подумал, что при неблагоприятном повороте разговора имеет хороший шанс покинуть «Империял Плаза» в пластиковом мешке.

– У моей корпорации много имен, – продолжал, между тем, Эйзентрегер. – Возможно, некоторые из них вы даже встречали в сводках биржевых новостей. Но у нее есть еще одно имя, которое известно только избранным. И поскольку вы, господин Чен, отныне входите в их число, я скажу вам его. Четвертый Рейх.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Код доступа

*Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан.
Борт станции «Земля-2»*

В рубке было тихо. Андрей в легком оцепенении стоял рядом с телом Надежды не в силах оторвать взгляд от ее лица. На самом деле, видел он совершенно другое. Он видел ее прозрачные сияющие глаза, легкую улыбку, аккуратное ушко и непослушную прядку, выбившуюся из строгой тугой прически. Вспомнил, как она удивленно приподнимала брови, если слышала вопрос «не по уставу», ее привычку крутить пуговицу на кителе, если она о чем-то глубоко задумывалась, ее голос – тихий, ровный, спокойный. Он так и не увидел, как она смеется. Не смог рассмешить ее настолько, чтобы она, хоть на секунду, вышла из своего образа. Не увидел такой, какой ее видели близкие. Где-нибудь на даче под Питером, в легком ситцевом платье и шлепках на босу ногу, с распущенными волосами, с миской черешни, красивую, веселую, без умолку болтающую со своей любимой сестрой. Андрей представил, какой она была в школе, с белыми бантами и длинной косой, и как мальчишки дергали ее за эту косу, чтобы хоть как-то обратить на себя внимание, а она даже не смотрела в их сторону; представлял строгой студенткой военно-морского училища в окружении юных раздолбаев. Девочка, в которую влюблялись все, но влюблялась ли она когда-нибудь?

В рубку зашел Свиридов.

– Мне доложили, – с порога объяснил он и подошел к телу. – Знакомая картина.

– Знаете что это? – Андрей пришел в себя и включился в беседу.
– Ничего хорошего, – ответил Свиридов не вдаваясь в подробности, – еще жертвы есть?

Только сейчас до Андрея дошло, что он не подумал. Он не подумал, что нападение могло быть не единичным. Возможно, это был какой-то заговор, теракт, что угодно.

– Прекрасно, – с возмущением проворчал генерал. – Поздняя.

К генералу сразу подошел его помощник.

– Осмотрите всю станцию. Где, что, какие повреждения. Кто где находится и... у нас есть возможность посмотреть, кто где находился в момент убийства? – обратился он уже к Андрею.

– Сейчас проверяем.

– Что вы тут делали все это время?

Андрей посмотрел на часы. С момента, как они с Ковалевым обнаружили тело Алферовой прошло четыре минуты.

– Как дети! – генерал здорово рассердился. – Тело, надеюсь, не трогали?

Андрей отрицательно мотнул головой. Что с ним? Как баба. Где собранность, где логика, где действия? Впал в какие-то глупые фантазии...

– Входы и выходы заблокировали?

– Нет.

– Теперь бессмысленно.

– Так что мне делать?

– Кто знает о том, что произошло?

Андрей осмотрелся. В рубке кроме него был только Ковалев. Он сидел в кресле, обхватив голову руками и ушел в себя настолько глубоко, что ничего не видел и не слышал.

– Видели только мы, но толчок от остановки двигателя почувствовали, видимо, все.

– Эти товарищи в кают-компании не заметили бы даже ядерного взрыва, – с брезгливостью бросил генерал. – А остальные спали.

– В рубке были только мы, – повторил Гумилев.

– Включите полное освещение, я хочу осмотреть тело. И уведите куда-нибудь вашего друга — лишние люди мне здесь не нужны. Мне нужен полный доступ ко всей информации, если он у вас есть, — закончил генерал, глядя на развороченный пульт управления.

Андрей кивнул, толкнул Ковалева, и они направились к выходу. Сначала Гумилев решил навестить Марго.

– Возвращайтесь, вы мне понадобятся, – хмуро бросил Свиридов, – и захватите какой-нибудь мешок.

Андрей шел к своей каюте и думал. Думал о том, почему первым делом он проверил Марусю и даже не «заглянул» к Марго. Почему он не бросился к ней? Он достал свой коммуникатор и послал вызов на видеоняню, установленную в комнате дочки — успокоился, что вот она, спит, но никак не связался с любимой? «Предметы бывают разные» – крутились в голове слова Кирсана. – «А вдруг она умеет убивать, а ты не знаешь и спокойно живешь с ней рядом?». Думал ли он о том, что Марго может быть причастна к убийству Алферовой? Думал? Есть вещи, в которых сложно признаться. «Конечно, не думал», – успокаивал себя Гумилев, – «Тогда чего ты боялся увидеть?», – спрашивал тот же голос. И не давая ответ на этот вопрос, Андрей, тем не менее, знал что.

Он стоял перед дверью, прислушиваясь и не решаясь войти. Она либо спит, либо... Андрей осторожно приоткрыл дверь. Он увидел кровать, которую, видимо, еще не расстелили. Мебель, съехавшую в один угол — последствия резкого торможения, рассыпавшиеся фрукты. Марго стояла спиной к нему и смотрела в окно. Андрей направился к ней. Даже услышав его шаги, она не обернулась. Это было странно, обычно Марго, которая очень страдала от своего чуткого слуха, замечала его приближение сразу. Сколько раз он

пытался тайком приблизиться к ней и никогда у него это не получалось. Едва сделав первый шаг по мягкому ворсистому ковру, абсолютно, казалось бы, бесшумный, он сразу обнаруживал себя — девушка оборачивалась и улыбалась. «Крадешься?». Сейчас же она никак не отреагировала, даже когда он встал за ее спиной и положил ей руки на плечи. Может все еще дуется?

– Марго?

Он ощутил, как ее тело задрожало. Андрею стало нехорошо. Что-то было не так. Все было не так.

– Что случилось?

Марго ничего не отвечала. Тогда он резко развернул ее к себе лицом, но она тут же опустила его и уткнулась в плечо, словно пряча глаза. Андрей растеряннo огляделся. Теперь он заметил кофточку, валяющуюся тут же на полу. Она вся была испачкана кровью.

– Марго! – Андрей встряхнул девушку.

Марго подняла к нему лицо. Пустой отрешенный взгляд.

– Ты пьяна?!

Она была не просто пьяна. Она была абсолютно никакая. Приехали! Марго, которая позволяла себе пару глотков вина по праздникам, обмякла и повисла на руках Андрея. Он отнес ее на кровать и аккуратно положил поверх покрывала.

– Зачем ты напилась?

Марго пьяно застонала.

– Откуда кровь, Марго?

Стало страшно. В голове рисовалась ужасная картина. Ревность, обида, злость. Это она убила Алферову. Напилась, после его ухода и решила разобраться с соперницей. Она не контролировала себя. И у нее есть предмет, который может превратить человека в бесформенную грудку костей и мяса!

– Я люблю тебя... – еле слышно прошептал Марго.

– Я тоже тебя люблю, только Расскажи мне...

– Ты всегда будешь меня любить? – Марго попыталась сесть. Ее глаза с трудом фокусировались на Андрее, – даже если узнаешь про меня что-то ужасное?

Самые страшные опасения подтверждались. Андрей собрал все силы, чтобы не поддаться панике, а повод запаниковать был очень веский.

– Марго, откуда кровь?

– Я упала.

Марго закатала рукав свитера и показала руку, кое-как перетянутую бинтом.

– Обо что ты так порезалась?

– Столик...

Только сейчас Андрей заметил, что маленький стеклянный столик был разбит. Все это с трудом укладывалось в голове и никак не хотело вытеснить страшное подозрение, но пока версия Марго подтверждалась.

Андрей встал с кровати и направился в ванную комнату. Раковина была заляпана кровью, и пол, и даже отпечаток пальцев на стене. Значит, не она? Значит, он с такой легкостью заподозрил любимую девушку в убийстве? Но что-то все равно было не так, не давало расслабиться и окончательно поверить.

В конце концов, он ничего не знал про Марго. Конечно же, она рассказывала о своей прошлой жизни, о том, что происходило с ней до знакомства с Андреем, но это все могло быть просто легендой. В тот момент, когда они стали жить вместе, начальник службы безопасности Санич предложил Андрею проверить прошлое девушки. Почему-то Андрею тогда это показалось неэтичным, подлым... Девушка так нравилась его маленькой дочке, да и ему... Ну не могла она быть замешана ни в какой фигне. Слишком чистая, слишком честная. Начальник службы безопасности думал по-другому, но это входило в его обязанности — он вообще всех подозревал. Особенно тех, кто появлялся ниоткуда. И особенно женщин. Видимо зная, что это

самое слабое место Андрея, который, как любой нормальный мужчина, легко западал на красавиц. Андрей же успокаивал себя тем, что, в первую очередь западает на умниц, а умницы подлыми быть не могут. «Умная баба страшнее войны», – не соглашался с ним Санич. В глубине души, Андрей понимал, что начальник прав, но все же полагался на свою интуицию сильнее, чем на любую службу безопасности.

Андрей вернулся к Марго.

– Давай я перевяжу тебе руку.

– Завтра...

– Марго.

– Я очень хочу спать... пожалуйста... я обработала.

Ее голова откинулась в ямку между подушками, глаза закрылись, а дыхание стало ровным и глубоким.

– Завтра так завтра, – сказал Андрей уже, скорее, самому себе.

Он направился к выходу, но перед самой дверью остановился. Надо было убить все сомнения. Гумилев вернулся, поднял с пола окровавленную кофточку, завернул в газету и после этого вышел.

В лаборатории работали проверенные люди. Он знал их лично, многих даже хорошо. Им можно было доверять, можно было поставить задачу, не объясняя причин. Можно было быть уверенным в том, что информация не распространится и все будет строго конфиденциально. Практически всех этих людей Гумилев лично вытащил из нищих студенческих общежитий и воспитал, дав им блестящее образование, работу, дом и приличную зарплату. Дал им возможность развиваться, строить и создавать будущее своими руками. Он знал, что между собой они называют его «папа» и искренне любил их, как своих детей.

Даже сейчас, среди ночи, в лаборатории кипела работа. Андрей улыбнулся — эта картина грела ему сердце. Детишки

были одержимы работой и, значит, он в них не ошибся. Увидев Андрея, многие привстали с места, как школьники в момент, когда заходит учитель. Андрей кивнул и направился к дальнему столу, за которым сидел его маленький гений Захар. Захару было 25, но выглядел он на 15, отчего ужасно комплексовал. Его нашли в какой-то Богом забытой деревне под Иркутском. Мальчик выигрывал международные олимпиады по химии, заставляя иностранцев заучивать наизусть свою невыговариваемую фамилию Билялетдинов. Огненно рыжий, с головы до ног покрытый мелкими желтыми веснушками, с огромными голубыми глазами и тоненькой шеей — Захар Билялетдинов внезапно стал достоянием нации. И именно в этот момент Андрей его пригласил.

Подойдя к столу Захара, Андрей положил на стол сверток с кофточкой Марго и осторожно тронул химика за плечо. Захар оторвался от монитора и посмотрел на Гумилева.

– Проверь чья кровь.

Захар скосил глаза на сверток и коротко кивнул.

– Сообщи, как будет готово.

Еще один кивок и обратно к таблицам. Больше можно было ни о чем не говорить. С Захаром дела делались быстро и четко.

Андрей возвращался в рубку. По коридорам сновали какие-то люди, которых он несколько раз видел и считал рабочими, даже не запоминая в лицо, но, как теперь оказалось, это были сотрудники спецслужб. Почему-то ему казалось, что они смотрят на него с осуждением. Странное чувство вины засело в сердце, хотя в чем он был виноват? В том, что так и не поговорил с Надеждой? Не узнал, о чем она хотела предупредить. А если именно об этом? Знала ли она, что ей угрожает опасность или знала еще что-то более страшное. Но тогда почему не рассказала, почему только собиралась? Не была уверена? Подозревала, но не имела доказательств? Хотела справиться со всем сама?

Сама-сама-сама, эти самостоятельные женщины иногда могут причинить столько бед, стесняясь попросить о помощи, даже когда она им так нужна, взваливают на себя всю ответственность и не справляются. Не потому, что женщины, а потому что есть ситуации, в которых один не сдюжишь. Мужик в таком случае пойдет к друзьям, к профессионалам, к кому угодно. Он будет действовать рационально. Он рассчитает силы и если поймет, что одному никак, попросить о помощи без зазрений совести. А вот самостоятельная женщина – нет. Она и в горящую избу, и коня, и против татаро-монгольского ига на хромой лошади выйдет. Ну и кому ты что доказала? Чувство вины незаметно превратилось в злость. Андрей вспомнил Еву. Сильная, самостоятельная — и где ты теперь? Жива ли? Можно ли тебя спасти и надо ли? Так впору и в женоненавистники податься... Впрочем, чего-чего, а уж это Андрею никогда не грозило.

Он спустился по лестнице на нижнюю палубу и столкнулся с Кирсаном.

– Авария? – любопытствовал Илюмжинов.

– Иди спать, – устало ответил Андрей.

Илюжинов был ему симпатичен, в какие-то моменты он относился к нему, как к другу, но иногда, как сейчас, понимал, что это все же случайный человек на станции. Кирсан не был в числе заинтересованных олигархов, не принадлежал к спецслужбам, не входил в состав исследовательской группы. Он был обычный сторонний наблюдатель – мудрый и любопытный парень. Иногда Кирсан был крайне полезен, иногда мешался под ногами и лез куда не надо. Для Андрея экспедиция была делом всей его жизни, а для Кирсана всего лишь увлекательное путешествие в духе Жюль Верна.

– Вот так вот, да? – Кирсан удивился недружелюбному ответу.

– Хреново все, Кирсан.

- Это я уже понял.
- Алферову убили.
- Кирсан нахмурил брови.
- Переломали так, будто с самолета сбросили.
- Я слышал о таком предмете.
- Станция повреждена. Двигаться можем, а что с Фрамом пока непонятно.
- Ты пытался связаться?
- Он не реагирует на голос, но, возможно, это легкое повреждение на уровне потери контакта. А может, и нет.
- Так, может, пойдем, проверим.
- Слушай, давай без обид, но я бы не хотел никого сюда втягивать. Предстоит расследование...
- Конечно...
- Пока о случившемся знают немногие. О том, что делать дальше, мы не говорили. Я не хочу сообщать о смерти Алферовой. С другой стороны, ты сам понимаешь... Появятся вопросы.
- Но ты уже мне рассказал! – удивленно воскликнул Илюмжинов.
- Андрей заметил человека, который стоял чуть в стороне и внимательно наблюдал за их, с Кирсаном, разговором.
- Везде уши.
- Уши, ум, честь и совесть. Пойдем. Я все равно теперь не усну, а так, может, еще пригожусь.
- Друзья развернулись и пошли в сторону узла связи.

Разумеется, голосовое управление было ложью. Вернее, оно было, но больше в качестве эффектной и удобной функции. На самом деле, станция была привязана к Андрею совсем иным способом. На неприметных для глаза прозрачных пластырях, расположенных прямо на теле, на внутренней стороне наручных часов и даже в стельках обуви — располагались дат-

чики, которые днем и ночью слушали его сердце, следили за психоэмоциональным состоянием, уровнем сахара и скачками давления. При любом резком изменении показателей станция посылала запрос, на который Андрей должен был ответить, передавая данные для биометрического анализа (а, проще говоря, прикладывая большой палец правой руки к специальной пластине) и вводя специальные коды — это означало, что он жив, здоров и полностью контролирует ситуацию. Если же, в течении определенного времени с момента получения сигнала подтверждение не поступало, либо, если были введены неправильные коды, либо специальные коды, означающие опасность (на случай, если авторизацию придется производить под пыткой) — станция впадала в анабиоз. Эта многоступенчатая защита давала уверенность в том, что станцией не могут завладеть никакие другие люди и миллиарды Андрея, вложенные в терраформирующий проект, не улетят коту под хвост.

То, что Фрам не работал на уровне голосового управления, еще не было поводом для паники. Произошло какое-то нарушение в системе связи, которое Андрей довольно быстро сможет наладить сам, а если и не сможет — не велика потеря. Гораздо сильнее пугало другое, только недавно Андрей осознал, что «Земля-2» не посылает запросов. Она не удивилась его сильнейшему потрясению во время обнаружения тела Алферовой, не удивилась, когда Андрей заподозрил Марго — а ведь его состояние менялось тогда с такой бешеной скоростью, что не заметить это было невозможно даже невооруженным глазом — не то, что сверхчувствительными датчиками...

Почему станция замолчала? Возможно, в суматохе он пропустил запрос и не ответил? Это было единственное объяснение, которое приходило сейчас в голову. Ну не украли же ее. Украсть или переключить станцию было невозможно. Для этого нужен был другой человек, обладающий такой же системой взаимосвязи, как и Андрей, но его не могло быть, потому, что не могло

быть вообще. Во-первых, это стоило невероятных денег, хотя чего уж там, на станции хватало богатых людей, но кроме финансирования, требовалось кое-что еще — создать такую систему могла только одна организация, в которой Андрей был уверен... Хотя в чем сейчас можно быть уверенным? Внезапно Андрей почувствовал себя мальчишкой, которого обманули. За всю свою жизнь такой обман был в его жизни лишь однажды, во время дефолта 98-го года, но тогда всех обмануло государство... Свиридов... Могли ли эти ушлые парни с Лубянки создать такую же систему опознавания и переключить ее на другого человека? Возможно, и могли. А если не они, то кто?

Усилием воли Андрей отогнал глупые мысли. Пока еще ничего не выяснено, а он уже ищет виноватых. Возможно, настройка системы дело пяти минут. Он сам всегда учил своих подопечных, что никогда нельзя паниковать раньше времени. Главное — выдержка. С другой стороны, лучше все просчитать на десять ходов вперед. Но сейчас Андрей не столько просчитывал, сколько пугал сам себя. Даже если станцию увели, и даже если ее увеличи люди с Лубянки, что эта информация дает ему? Ничего. Ну так и нечего думать об этом. Да и на кой черт терраформирующая станция понадобилась органам? Смешно...

Узел связи располагался на нижней палубе. Здесь всегда было очень светло и прохладно.

– Как в холодильнике, – сразу пошутил Кирсан.

– Ноги должны быть в тепле, а голова в холоде, как говорила моя бабушка. Это мозг станции, значит, все правильно.

– Как мозг мог повредиться из-за удара по пульта управления?

– В том то и дело, что не мог. Удар по пульту сделал его уязвимым к... – Андрей остановился перед высокой панелью с миллионом разнообразных соединений, – к проникновению в систему.

– Фрама могли хакнуть?

– Он хоть и интеллект, но искусственный. А все искусственное можно хакнуть. Возможно, кто-то мог подумать, что если переключить голосовое управление на себя, то станция сразу же подчинится новому хозяину, как джин из бутылки. Даже если такое бы и произошло, управлять «Землей-2» этот человек будет недолго.

Почему-то Андрей снова вспомнил свою бабушку. Когда он установил ей первый компьютер, для связи с внуками, бабушка, видимо по аналогии с телевизором, считала, что компьютер – это монитор. Большую серую коробку, расположенную рядом с монитором она никак не воспринимала.

– Как ты поймешь, что он... ну если он уже? – спросил Кирсан.

Андрей отвернул ворот свитера и достал тонкую пластину, подвешенную на цепочку.

Со стороны она была похожа на прозрачную пластиковую визитку, но если посмотреть на просвет, в ней можно было заметить множество еле заметных линий, сплетавшихся в сложный лабиринт.

– Я смотрю, у тебя тоже есть предмет, — улыбнулся Кирсан.

– Это ключ.

Андрей подошел вплотную к панели и вставил ключ в тонкую узкую щель. Панель замигала микроскопическими лампочками, издала три протяжных писка и погасла.

– Теперь тихо. Не произноси не звука. Он должен опознать мой голос.

Прошло еще три секунды, и панель проснулась.

– Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, — громко и отчетливо проговорил Андрей.

Лампочки замигали, перерабатывая информацию, после чего панель перезагрузилась.

– Хреново... – тихо сам себе сказал Андрей.

Когда лампочки снова замигали, Андрей повторил попытку «опознания». И снова перезагрузка.

– Не узнает?

Андрей помотал головой.

– Попробуй еще!

– Если он меня снова не опознает, включится сигнализация и нас заблокирует.

– Он ведь не работает.

– Он не хочет работать.

– Фрам больше никого не слушается?

– Фрам больше не слушается меня, – разочарованно сказал Андрей, вынимая ключ. – А кого он теперь слушается, мы, видимо, скоро узнаем.

Они распрощались с Кирсаном там же, где и встретились. Договорились не болтать и разошлись каждый в свою сторону. Андрей испытывал обиду. Глупо признаваться, но потеря контакта с искусственным интеллектом воспринималась, как предательство. Конечно же, Фрам был не виноват, или, судя по его голосу, не виновата — Андрей грустно усмехнулся про себя, может быть именно в этом кроется причина обиды? Очередное женское коварство? Ее украли и теперь она больше не принадлежала ему.

С неработающей системой взаимосвязи она была бесполезна. Она может болтать, но не может выполнять приказы. Вся разница была только в том, что теперь она будет болтать не с ним.

Правда пока она вообще никак не проявляла себя. Она просто пропала без вести... как и его безумная жена.

Попрощавшись с Кирсаном, Андрей снова вернулся в узел связи. Теперь ему предстояло сделать кое-что не предназначенное для чужих глаз. Он вручную заблокировал дверь, подошел

к той же самой панели с лампочками, снял с шеи ключ и вставил его в щель.

– Двадцать ноль два две тысячи двадцать двенадцать — произнес он туда, где на панели находились микрофоны.

С легким жужжанием из панели выехала пластина, подсвеченная красным лучом. Андрей приложил большой палец правой руки. Луч быстро скользнул по подушечке пальца и пластина убралась обратно. На мониторе, расположенном за его спиной, дрогнуло изображение и появилось маленькое черное окошко с текстом. Несколько абзацев из малоизвестного произведения с пропущенными предложениями. Эти тексты Андрей заучивал наизусть сам и под гипнозом, он знал их на зубок — разбуди среди ночи и он безошибочно повторит. Много-много страниц выученного текста, подобранного индивидуально под определенного клиента. Назови кому-нибудь эти книги или их авторов — человек нахмурит лоб, силясь вспомнить, и, в конце-концов, лишь разведет руками. Этих авторов никто не знал и книги эти давно пылились на книжных складах или были отправлены в переработку. Это и был код. Код, который не подберешь в уме, не подберешь при помощи устройств, не просчитаешь... Код, который хранился только в голове Андрея.

Тексты были не самые сложные и самые разные. Сказки, детективы, рассказы о животных и даже пошлые любовные романы. В данном случае содержание не имело никакого значения.

Андрей подключил клавиатуру, нажал «ввод» и на экране появился курсор. Он появился сразу на том месте, где было пропущено первое предложение. Теперь Андрей внимательно перечитал текст, чтобы безошибочно выловить его из глубин памяти.

«Их поход продолжался уже несколько дней», – начал читать Андрей и сразу запнулся. Он не помнил этот текст. Не то, чтобы не помнил наизусть, он вообще никогда раньше его не видел!

«Ширяев был измотан — он очень давно не ел, да и воду приходилось экономить.....Они вышли из леса ровно в тот момент, как солнце провалилось за горизонт. Небо стало си.....

Наконец, впереди заблестели огни. Это была деревня «.....а». «Мы пришли», – сказала Алена.– «Видишь тот дом?».

Ширяев посмотрел в ту сторону, куда указывала московская журналист ка.....
.....подошли к забору.

.....
.....

Ширяев взял в руки замок и покрутил его в руках. «Какой холодный», – подумал Ширяев. Он достал из кармана спортивной куртки ключ и вставил в скажину. Ключ не проворачивался. «Не подходит», – сказал Ширяев Алене. «Видимо, кто-то сменил ключ, пока нас не было».

На лбу выступил холодный пот. Не подходит.... Ключ не подходит. Андрей никогда не видел этот текст и, соответственно, не знал его наизусть. Он мог бы подумать про что угодно, про ошибку, выкинувшую в качестве пароля незнакомый отрывок, про ошибку инструктора, натаскивавшего его на изучение текстов, но содержание текста было настолько двусмысленным! Текст был ключом. Текст был ключом, который не подходит.

Заканчивался отрывок еще более издевательски.

«Кто мог сменить ключ? – спросил Алену Ширяев. «.....» – сказала она. Это мог быть только он».

Никаких сомнений не оставалась. Станцию захватили. Произошло то, чего не могло произойти, потому что не могло произойти никогда.

Андрей не знал, сколько времени он провел вот так, стоя перед монитором и перечитывая текст. Один, два, десять, сто раз.

Это было абсолютно бессмысленное занятие, но прекратить его он не мог. Он искал скрытый смысл, еще более скрытый смысл. Подсказки, шифры, что угодно. Фамилия Ширяев была ему незнакома. То, есть, конечно, он знал людей с такой фамилией, но они никак не могли относиться к делу. Алена? Нет. Московская журналистка? Он знал тысячи московских журналисток, но никак не мог найти ниточек, которые связали бы их с его проектом. Деревня? Лес? Поход. Только поход и несколько дней в пути. И усталость. Вода на исходе? Вряд ли. С водой на станции проблем не было и не могло быть — вокруг тонны чистейшего льда. Тогда запасы чего были на исходе? Замок. Замок был очень холодным. Андрей представил себе очень холодный замок. Холодный, потому что из металла. Металлические предметы были очень холодными — могло ли это быть связью? Был ли в этом смысл? Андрей снова перечитал текст. Перечитал его задом наперед. Сложил все заглавные буквы... ничего. В этом тексте не было иного смысла, кроме циничного издевательства.

Это было по-настоящему страшно. Страшно не столько потому, что Андрей все-таки потерял управление над собственной станцией, а значит, видимо, и деньги вложенные в нее. Страшно было то, что контроль у кого-то другого и этот другой мог заблокировать двери кают, отключить системы воздухообмена, сделать с людьми, находящимися на станции все, что угодно... Маруся, Марго, он сам — все были в опасности и находились в руках неизвестного персонажа с неизвестными планами. Заложники.

Мысли хаотично перепрыгивали одна на другую. Кто мог это сделать? Неизвестно. Рассказать обо всем Свиридову? А если это сделал он? Выдать себя? Но тот, кто оставил Гумилеву это послание знал, что он придет сюда и попытается связаться со станцией. Забрать Марго, Марусю и свалить? Куда? Пешком до ледокола? Это было верное самоубийство.

Нужно было связаться с Саничем. Сейчас он находился в больнице — сорокалетний мужик свалился с инфарктом среди бела дня, теперь это, к сожалению, не редкость. Даже многочисленные импланты, заменявшие его начальнику службы безопасности некоторые внутренние органы, не спасли от сердечного приступа. Поехать с Гумилевым он не мог, но все равно все, что касалось безопасности Андрея, замыкалось на этом человеке. Он мог подсказать решение. Мог сказать, что делать, а что точно не надо делать...

Андрей перешел в соседнюю комнату. Это был крохотный кабинет, оборудованный специально для Гумилева. Андрей сел за стол, надел наушники с микрофоном и послал запрос. Это была специальная частота, выделенная для разговоров с начальником службы безопасности. Воспользоваться ей мог только Андрей и сам Санич.

– Да, – раздалось из динамиков.

– Приветствую...

Андрей старался говорить спокойным голосом, но удавалось это плохо.

– Что случилось?

– Станцию забрали.

– Как забрали?

Андрей отметил, что голос Санича был слабым. Ему стало страшно тревожить его. Заставить нервничать человека, только что перенесшего инфаркт... С другой стороны, это была его работа.

– Произошла авария и убийство. Алферова.

Санич выматерился.

– Голосовое управление не работает. Синхронизироваться со станцией не получается, не могу пройти авторизацию.

– Забыли?

– Нет, не забыл. Станция выдала текст, который я никогда не видел.

- Это невозможно.
- Как, видишь, возможно.
- Что за текст?

Андрей быстро пересказал прочитанное в черном окошке. После постоянных тренировок памяти, тексты он запоминал на лету. А если учесть, сколько раз Гумилев перечитал этот отрывок... обезьяна бы выучила.

- Будьте там. Я перезвоню.
- Отбой.

Андрей замер. Санич слишком резко прервал разговор. Похоже, то, что он услышал, было для него каким-то сигналом. Или узнал знакомый почерк? Или что?

Теперь время тянулось невыносимо долго. Хотелось сделать сразу тысячу дел, но пока руки были связаны. Нужно было принять какое-то решение, а уж потом начинать действовать и либо спасать, либо бежать, либо стрелять... либо и то и другое вместе.

Раздался сигнал вызова. Андрей нажал на «прием».

- Посмотрите на потолок. В углу три круглых динамика.

Андрей осмотрел потолок.

- Вижу...

– На одном из них метка — три красные точки треугольником. Отсюда не видно, надо будет подняться туда.

- Понял.

– Надавите на динамик рукой и проверните по часовой стрелке. Когда услышите легкий щелчок, крутите его влево. Три полных оборота.

- Так.

– Динамик отстегнется от платформы. Отложите его куда-нибудь. Теперь засуньте руку внутрь и нащупайте кнопку. Она маленькая, но вы ее найдете. Нажмите на нее. Я перезвоню. Конец связи.

Андрей быстро сорвал наушники, схватил кресло и подтащил его в угол. Забрался. Вот динамики, до них легко дотянуться

рукой. Никаких красных точек! Андрей глубоко вдохнул. Надо успокоиться. Напряг зрение и осмотрел еще раз. Есть. Точки настолько маленькие, что заметить их сложно. К тому же, тут не самое лучшее освещение. Возможно, специально. Надавил рукой на динамик, словно втопив его внутрь, и провернул по часовой. Щелчок. Провернул в обратную сторону. Три полных... Так! Динамик выпал в руку. Андрей нагнулся и осторожно положил его на стол. Теперь кнопка. Внутри отверстия гладкая пластиковая труба, куда легко проникает рука. Быстро провел ладонью внутри. Где же она... Маленькая кнопка... Если она такая же маленькая, как эти три точки... Нет, вот она. Размером с ячменное зернышко. Андрей надавил на кнопку и в кабинете погас свет. Оригинально... Снова сигнал вызова. Андрей спрыгнул с кресла, подбежал к столу, надел наушники.

– Прием.

– Что произошло?

– Погас свет.

– Возвращайтесь к главной панели. Скажите код. Проведите биометрию — дальше все запустится автоматически. Перезвоню. Конец связи.

Андрей на ощупь добрался до двери, открыл и проник в узел связи. Здесь было так же темно — свет от микроскопических лампочек не особо помогал делу. Вот панель. Вот щель для ключа. Андрей вставил карточку.

– Двадцать ноль два две тысячи двадцать двенадцать — произнес он свой персональный код для запуска биометрического анализа.

Снова выехала пластина, подсвеченная красным лучом, но теперь в темноте, луч не рассеивался и казался лазерной указкой. Андрей опустил голову и увидел цифры, словно нарисованные на его груди. Прочитать это было невозможно. Он быстро отошел в сторону и посмотрел на стену — теперь отражение проецировалось туда. Пентаграмма означаю-

щая ввод, пентаграмма означающая обратный отсчет, затем длинный код из двадцати четырех цифр, пентаграмма означающая его личный код и пентаграмма, означающая завершение работы.

Код надо было быстро заучить, причем в обратном порядке. Андрей несколько раз перечитал его справа налево. Надавил на пластину для биометрического анализа, и она плавно утонула в панели. Теперь никаких подсказок не было и можно было надеяться только на собственную память.

Андрей нащупал кнопку «ввода». Нажал.

– Семь ноль семь ноль один девять четыре четыре два восемь три девять девять три семь семь семь четыре два три девять ноль ноль девять, – прочитал Андрей код в обраном порядке, – двадцать ноль два две тысячи двадцать двенадцать.

Кнопка «конец работы».

В кабинете зажегся свет. Больше ничего не произошло.

Андрей попытался вытащить карточку, но ничего не получилось. Она словно пропала там. Панель сожрала ее так же, как сжирает карточки неисправный банкомат.

Раздался очередной сигнал вызова.

– Да!

– Получилось?

– Он сожрал мой ключ.

– Все правильно.

– И что теперь?

– Теперь все.

– Ты не объяснишь мне, что я только что сделал?

– Вы отключили станцию.

– То есть?

– Система полностью уничтожена. Теперь ей не сможет воспользоваться вообще никто.

У Андрея пересохло в горле.

– Я собственными руками уничтожил то, что так долго строил?

– Механика станции не повреждена. Вы можете передвигаться на ручном управлении, – спокойно объяснил Санич. – Раньше станция полностью подчинялась вам. Потом стала подчиняться кому-то другому. Теперь она ничья. Это просто машина для передвижения и управляет ей тот, кто стоит у руля. Надеюсь, у руля будете стоять вы. Извините, это все, что я мог сделать в такой ситуации. Вам лучше всего вернуться на ледокол, а я скоро вылечу к вам. Конец связи.

Когда шок прошел, Андрей выдохнул. Казалось, будто он не дышал все это время, пока производил манипуляции под диктовку Санича. Конечно же, он был прав. Да, управление станцией вернулось на уровень девятнадцатого века, зато и использовать станцию против ее пассажиров было теперь невозможно. Работали элементарные функции, которые мог контролировать кто угодно. Все по-честному, если не считать предметов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Опасные игры

*Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан.
Борт станции «Земля-2»*

Андрей возвращался в капитанскую рубку к Свиридову. Он поднялся на этаж выше и теперь медленно шел по коридору, разминая плечи. Дыхание стало ровным, в голове прояснилось, а сердце пришло в свой обычный режим.

Теперь надо сделать вид, как будто ничего не случилось. Не выдавать себя. Вместе со всеми удивиться отключению системы и попытаться взять ситуацию в свои руки. На этой мысли его снова кольнуло. Потеря контроля приводила в бешенство, как будто его корабль захватили пираты и вот он, еще недавно легендарный и непобедимый, теперь стал обычным, ничего не значащим человеком, у которого вся власть заключалась в его кулаках. Да еще, похоже, единственным, у кого не было никакой магической силы, зато были отягчающие обстоятельства в виде двух любимых и беззащитных девчонок...

Дверь в капитанскую рубку оказалась закрыта изнутри. Андрей постучал.

– Кто? – из-за двери раздался незнакомый мужской голос.

– Гумилев, – ответил Андрей.

Вот так, теперь даже для того, чтобы попасть в рубку приходится объясняться с какими-то чужими людьми.

«Открой», – услышал Андрей голос Свиридова.

Дверь щелкнула и отползла в сторону. Гумилев вошел.

– Вас только за смертью посылать... – недовольно проворчал Свиридов.

– Я что-то должен был сделать? – не понял Андрей.

– Уже ничего не надо.

Андрей посмотрел туда, где еще недавно лежало тело Алферовой. Теперь там было пятно, которое старательно оттирали те самые люди с незапоминающимися лицами. Он вспомнил, что Свиридов просил захватить мешок. Как будто у него тут везде расставлены мешки для трупов.

– Фрам не работает, – сообщил, как бы между прочим, Андрей.

– То есть, мы не сможем получить никакую информацию о произошедшем?

– От него — нет.

– Сколько времени понадобится, чтобы наладить работу?

– Без понятия. Я даже не представляю, какого рода повреждения ему нанесены.

– Надеюсь, у вас есть специалисты, которые могут заняться этим вопросом?

– Уже занимаются.

Генерал нахмурил брови.

– О чем вы разговаривали с Илюмжиновым?

– Не ваше дело, — сердито огрызнулся Гумилев. Еще не хватало, чтобы ему устраивали допрос.

Их разговор прервал стук в дверь.

– Кто? – снова спросил человек в черном свитере.

– Ковалев, – раздалось из-за двери.

– Пусть катится к черту, – скомандовал Свиридов.

– Впустите его, – жестко сказал Андрей.

Они переглянулись со Свиридовым, и тот кивнул своему человеку. Дверь открылась.

– Я кое-что вспомнил, – начал Ковалев прямо от порога.

– Рассказывай.

– У Алферовой в Питере есть сестра и мать. Мать сейчас в больнице. Она уже давно болеет, но сейчас все стало совсем

хреново. Алферова каждый день звонила сестре примерно в это время. Она не любила распространяться о своей личной жизни, поэтому выходила на связь довольно поздно ночью, когда все расходились...

– Вы что, использовали специальные частоты дальней связи для личных разговоров? – возмутился генерал.

На его слова никто не обратил внимание.

– Если они разговаривали сегодня, то, вполне возможно, сестра могла что-то заметить. Может быть, Алферова делилась с ней своими опасениями или выглядела как-то не так...

– Откуда она выходила на связь?

– Да прямо отсюда! Позвольте?

– Бардак! – Свиридов отошел в сторону, пропуская Ковалева к пульту управления.

– Какой бы правильной она ни была, все равно ж женщина. Они не могут без разговоров...

Ковалев сел в кресло и развернулся к монитору. Через какое-то время он победно хлопнул себя рукой по коленке.

– Так и есть. Сегодня... Минут за двадцать до убийства.

Свиридов посмотрел на своих людей.

– Свяжитесь с ней и допросите.

– Только помягче... У людей несчастье все-таки, – добавил Андрей.

– Не учите нас работать, – строго оборвал его генерал. – Действуйте!

В кармане завибрировал телефон. Андрей вытащил трубку и поднес к уху.

– Да.

– Выйди на минуту.

Это был голос Илюмжинова.

– Сейчас.

Гумилев направился к выходу.

– Куда вы собрались?

- Сейчас вернусь.
- Вы так и будете всю ночь ходить туда-сюда?
- Если понадобится.

Почему генерал разговаривал таким тоном? Он, как будто, стал еще жестче и агрессивней. Почувствовал запах крови и пытается установить здесь собственную власть? Или бесится от беспомощности, ведь если это они пытались захватить станцию, то теперь столкнулись с провалом операции, а это может разозлить кого угодно.

Гумилев вышел в коридор и осмотрелся. Кирсан ждал его у лестницы.

- Ты почему не спишь?
 - Попробуй тут уснуть после таких новостей...
 - Неизвестно как еще обернется вся эта ситуация, так что лучше экономить силы и высыпаться.
 - Ты что-то еще узнал?
 - Лучше бы не знал... Извини, не могу распространяться, просто будь начеку.
 - Я, собственно, об этом и хотел поговорить...
 - О чем?
 - Понимаю, что могу вызвать твой гнев...
 - Многообещающее начало.
 - Андрей, я слишком хорошо знаком с предметами и их действием.
 - И что?
 - Многие из них крайне опасны.
- Андрей уже понял, куда он клонит.
- Тебя раздражает, когда я говорю об этом, но в свете последних событий... Я не могу уснуть, постоянно думаю о ней. Все сходится, понимаешь? Ее разноцветные глаза, странное появление в твоей жизни, ревность к Алферовой...
 - Я думал об этом.

– Возможно, она сама не понимает, чем именно обладает.

– Да.

– А может быть, она тут не одна.

Эта мысль была еще неприятней, чем предположение, что Марго замешана в убийстве.

– Ты виделся с ней после...

– После убийства. Да.

– И что?

– И ничего.

– Ты уверен, что это не она?

Телефон в руке Андрея мигнул, и на экране появилось уведомление. Это было сообщение из лаборатории. Андрей быстро пробежался глазами по тексту и посмотрел на Кирсана.

– Теперь уверен.

За толстым стеклом панорамного окна стало совсем светло. Мела метель и, хотя стекло не пропускало звук, Андрею казалось, что он слышит завывания ветра. Все находившиеся в рубке, так и остались в ней до самого утра. Пол блестел чистотой, а лица присутствующих были мрачными и усталыми.

Свиридов разговаривал со своими людьми по рации и выглядел крайне недовольным.

– И что? Что значит, не смогли связаться? Попробуйте еще! Жду.

– Кто будет завтракать? – спросил Ковалев, поднимаясь с кресла.

Андрей отмахнулся. Аппетита не было, хотя без подкрепления организм чувствовал слабость.

– Может кофе?

– Да, давай... Кофе буду.

– Что-нибудь еще?

Андрей заметил, что слова Ковалева еще сильнее выводили Свиридова из себя, поэтому жестами стал прогонять его.

– Просто предложил... – виновато сказал Ковалев и вышел из рубки.

– Скоро начнут просыпаться люди, – начал Гумилев, – что мы им скажем?

– Скажем, что произошло убийство.

– Какие меры собираетесь предпринять?

– А какие меры я могу предпринять? Закрыть вас всех по каютам и устроить допрос с пристрастием?

– Вы сообщили в штаб?

– Сообщили.

– И что? Будем двигаться дальше?

– Не вижу причин для иных действий.

– Механики проверили станцию. Все работает исправно, можем двигаться.

– Этот ваш Ковалев, он сможет один управлять «Землей-2»?

– Не вижу причин для иных действий, — процитировал генерала Гумилев.

Рация Свиридова зашипела.

– На связи, – громко выкрикнул он. – Ни черта не слышу, поднимись в рубку.

Андрей выглянул в коридор. У порога стояли два человека Свиридова, больше пока никто не появился.

– Они связались с Питером, – сказал генерал.

– Хорошо...

Из-за угла выскочил Ковалев с двумя бумажными стаканами кофе.

– Из автомата!

– Все равно, лишь бы горячий... – Андрей протянул руку и взял свой стакан.

Следом за Ковалевым в рубку зашел помощник Свиридова подполковник Поздняк.

– Связались с сестрой...

– Лирику опустим, давай к делу.

– Она описала человека, который попал в зону видимости камеры.

Андрей затаил дыхание.

– Кто-то подошел к Алферовой сзади, когда она разговаривала. Алферова обернулась и стала быстро прощаться с сестрой. Встревоженной не выглядела, видимо, человек был знакомый.

– Кто это был?! – не выдержал долгого рассказа Свиридов.

– Невысокий мужчина около сорока лет, короткие волосы с сединой, очки, усы, небольшая борода.

Андрей и Ковалев переглянулись. Под это описание подходил только один человек, и это был Бунин.

На небольшом совещании, которое было проведено в капитанской рубке, было решено, что Бунина надо брать быстро, в момент, когда он не будет этого ожидать. Если у него в руках был предмет, позволяющий мгновенно убивать — приходиться к нему с вопросами было нелепо. Правда между Гумилевым и Свиридовым опять возник небольшой спор: Свиридов требовал произвести захват молниеносно, с применением грубой силы, а Гумилев предлагал сначала поговорить. При всей не любви к Бунину, Андрей чувствовал, что пазл не складывается, и в глубине души не верил, что Бунин способен на такое. Он мог украсть, подставить, обмануть, плести интриги — но быть замешанным в убийстве и самому принять непосредственное участие? Нет... К тому же у Бунина не было ни малейших причин убивать Алферову, а если даже допустить, что он имел какой-то замысел по захвату станции, сошел с ума или находился под воздействием какого-то другого предмета, то почему убил только ее? Человек с подобным предметом мог легко уничтожить всех неугодных пассажиров — неужели единственным препятствием к осуществлению цели была Надежда?

И самое главное, Бунин не мог переключить на себя управление станцией. У него не хватило бы денег и связей, а допустить,

что некто профинансировал эту операцию и доверил ее Бунину, было совсем уж глупо. Не тот это человек, совсем не тот!

Аргументы Свиридова были другими. Он не хотел разбираться в логичности поступка. Для него человек, появившийся в рубке за несколько минут до убийства, был наиболее вероятным кандидатом на роль преступника. В любом случае, как уверял Свиридов, он должен был что-то увидеть, стать свидетелем, и если он не пришел сам, значит, ему есть, что скрывать. Что говорить, для генерала никогда не было проблемой ошибиться. Лучше перебдеть, чем недобдеть, лучше арестовать невиновного, чем упустить виноватого и, к тому же, отсутствие записей с камер наблюдения делало генерала уязвимым в глазах сотрудников. Если в месте, где находился Свиридов, происходило преступление — виновного надо было обнаружить в первые же минуты и то, что информацию получали в течение нескольких часов, уже порядочно взбесило генерала, словно от скорости реакции зависела его репутация.

Андрея немного пугала эта решимость Свиридова. У него сложилось впечатление, что Свиридов пытается подставить Бунина, хочет отделаться от него. На самом деле никто не слышал, что в действительности сказала сестра покойной, да и связывались ли с ней вообще? Разумеется, Гумилев не мог потребовать доказательств — ему бы их никто не дал, поэтому приходилось верить на слово, подыгрывать и наблюдать, наблюдать, наблюдать...

В конце концов, собравшиеся пришли к единому решению — каким-то образом Бунина надо было выманить из каюты, а уж потом произвести задержание. Выманивать Бунина выпало Андрею, отчего-то он был уверен в том, что на него профессор не нападет. «Он слишком сильно ненавидит меня, – аргументировал Гумилев, – и если бы хотел, уже давно убил бы меня к чертям собачьим».

Конечно, было в этом что-то подлое. Андрей терпеть не мог подобные игры и считал, что лучше действовать прямо, но, с

другой стороны, представив, как могли бы развиваться события, начни они следовать плану Свиридова, он решил, что вышло бы еще подлее, а жертв было бы больше.

Дверь в каюту Бунина была приоткрыта. Он сидел за рабочим столом, закинув на него босые ноги, жевал сухой крекер и меланхолично крутил маленький настольный глобус. Андрей зашел. Профессор лениво перевел на него взгляд и крутанул глобус.

– Бить будете? – жалостливо спросил он.

Андрей напрягся. В этот момент, ему показалось, что Бунин обо всем догадался. Но потом он вспомнил, чем закончилась их последняя встреча, и понял, что профессор как всегда паясничает.

– Есть разговор...

– Говори.

– Не здесь.

– Пришли письмом.

– Не можешь выйти?

– Мне лениво...

Паясничал или все же догадался? Что позволяло ему вести себя настолько нагло? Быть может, знание о собственной силе? Он был гораздо слабее Андрея и физически, и морально, но держался так, будто был бессмертен, либо как человек, который может постоять за себя.

– Степан, не валяй дурака. Я бы не пришел, если бы это не было важно.

– Важно для кого?

– Для всех.

– Так иди и разговаривай со всеми, я-то тут при чем?

– Есть новости про Еву.

У Андрея екнуло внутри. Это был его последний козырь, единственные, пожалуй, слова, которые действовали на Бунина безотказно, но использовать имя пропавшей жены, чтобы

выманить из каюты влюбленного в нее профессора? Плохо. Очень плохо, Андрей. Стоп. Хватит.

Тем не менее, уловка и правда сработала. Бунин быстро натянул туфли на голые ноги и вышел из-за стола.

– Поговорим у меня, – глухо сказал Андрей.

Теперь они должны были дойти до конца коридора, а там, на лестнице, их уже ждали. Однако все пошло не совсем так, как договаривались. Не успел Бунин пересечь порог каюты, как на его голову обрушился удар. Профессор обмяк и упал на пол.

– Хорошая работа, – похвалил Свиридов, – про Еву вы удачно придумали.

От этих слов Андрею стало тошно. Хотелось выйти на свежий воздух, уйти по льду и остаться жить среди полярных медведей. Там все было куда честней.

Бунина заперли в технической комнате. Здесь не было окон, только голые стены и коробки с контейнерами для образцов грунта. Помимо Бунина в комнате находились Свиридов, Поздняк и Андрей. Конечно, Свиридов был против присутствия Андрея, так что пришлось проявить всю жесткость характера, чтобы оказаться с ними здесь же. Для контроля над ситуацией он должен был знать обо всем, что происходило на станции. Достаточно того, что разговор с Питером прошел мимо его ушей. Доверить этим же людям допрос Гумилев не мог.

За время, пока профессор не пришел в себя, его обыскали. В заднем кармане бесформенных вельветовых брюк обнаружили металлический предмет в форме осьминога. На шее – пошлый серебряный медальон с фотографией Евы. Когда Свиридов сорвал с шеи Бунина цепочку и раскрыл медальон, он посмотрел на Гумилева так, что Андрею захотелось провалиться сквозь землю. Он сразу же понял, что там, и, хотя это ничего не означало, чувство было такое, как будто посторонние люди застали его жену с любовником. Свиридов покрутил медальон в

руках и потом, со снисходительным видом, протянул Гумилеву. Фотография в рамочке была сделана несколько лет назад, во время второго медового месяца, как его называла Ева, сразу же после рождения Муськи. Этот снимок Андрей делал сам и любил его больше остальных. На нем Ева была настолько прекрасной, счастливой и родной — в этот момент она принадлежала ему одному и все эти безумные радостные и интимные чувства, словно передались фотографии, запечатлелись на пленке, которую Андрей сам же потом и проявлял. Ему казалось, что снимки с этого путешествия были настолько семейными, что их нельзя было доверить никому... И вот эта фотография на груди у другого мужчины. Андрей знал, или ему так казалось... Андрею хотелось верить, что Еву и Бунина связывает только работа и дружба. Но почему она отдала ему именно этот снимок? Почему она вообще отдала ему свою фотографию?

– Кретины... – Бунин очнулся и выплюнул кровь изо рта.

– Пришел в себя? – Свиридов встал прямо над телом Бунина, нависая над ним скалой.

Бунин метнул в сторону Андрея полный ненависти взгляд и получил в ответ ровно такой же. Если бы сейчас они остались наедине, неизвестно, чем бы это все закончилось. У Андрея кипела кровь, а градус ревности в крови явно превышал допустимые нормы.

– Что за моча вам ударила в голову? – Бунин пытался сесть, морщась от боли и потирая затылок.

– Что это за предмет? – Свиридов вытянул руку со спрутом.

– А вы не знаете? – криво усмехнулся Бунин.

– С помощью него была убита Алферова?

На какое-то мгновение на лице Бунина появилась растерянность.

– Алферову убили?

– А ты не знал?

– Откуда?

- Зачем ты заходил к ней этой ночью?
- С чего вы взяли, что я вообще к ней...
- Сестра погибшей описала нам тебя. Ты попал в зону видимости камеры.
- Ну, хорошо. Допустим, заходил. И что? Вы считаете, что я убил ее после того, как засветился? Или засветился перед тем, как убить?
- Мы пока никак не считаем. Хотелось бы услышать твою версию.
- Я приходил к ней по личному делу.
- По какому?
- По личному!
- Подробнее...
- Вас это не касается.
- Теперь касается.
- Бунин рассмеялся.
- Какие способности дает осьминог? – вернулся к прежней теме Свиридов.
- Это спрут, – поправил Бунин.
- Как он действует?
- Генерал выглядел непрошибаемым.
- Проверьте! – весело предложил Бунин. – например, попробуйте убить меня.
- Это я могу сделать и без предмета, – с какой-то равнодушной холодностью произнес Свиридов.
- Судя по его тону — это было правдой.
- Спрут позволяет видеть и находить другие предметы.
- Каким образом?
- Каким-каким... Держите его в руке, настраивайтесь на определенную волну и словно бы видите перед глазами сложную трехмерную карту. На то, чтобы научиться поймать волну у меня ушло полгода, на то, чтобы увидеть карту целиком во всех измерениях и уметь правильно масштабировать ее, у меня

ушел год. На то, чтобы научиться считывать с нее информацию с точностью до конкретного человека, у которого находится предмет — лет пять...

В комнате повисло молчание. Слова Бунина произвели впечатление.

– Ты не врешь?

– Попробуйте сами — мне не жалко. На этой станции нет ни одного человека, который мог бы пользоваться спрутом. Для вас это просто железная безделушка. Можете отдать ее Марусе, — Бунин приторно улыбнулся и посмотрел на Гумилева.

– Пожалуй, я оставлю его себе... — сказал Свиридов и как-то странно посмотрел на Бунина.

Это было более чем странно, но Андрею показалось, что генерал подмигнул профессору.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Олигарх

*Июль 2008 (за год до описываемых событий). Сен-Тропе,
Лазурный Берег, Франция. Яхта «Андромеда»*

1

Михаил Борисович Беленин плавал в бассейне. Бассейн находился на верхней палубе его шестидесятиметровой яхты «Андромеда», построенной по специальному заказу в доках Плимута. Вода в бассейне была морская, но пропущенная через японский молекулярный фильтр и обогащенная ионами серебра. Час купания в такой воде, если верить доктору Кодзи, омолаживал организм на месяц.

Михаил Борисович мечтал быть вечно молодым. Еще в студенческие годы ему запали в душу слова песни немецкой группы «Альфавилль» – «Forever young I want to be, forever young». Поэтому Михаил Борисович брезгливо морщился, слушая песню «Смысловых галлюцинаций» «Вечно молодой, вечно пьяный», – она казалась ему бездарной подделкой под немецкий шедевр его юности. К тому же Беленин никогда не напивался пьяным – в молодости не давали расслабиться ответственные посты, которые он занимал в комсомоле, позже – интересы бизнеса. При этом пить-то ему приходилось много, и в комсомоле, и в бизнесе – без этого было никуда, но вот не напивался Беленин ни разу. Железный самоконтроль плюс отработанная схема приема специальных лекарственных препаратов позволяли ему сохранять трезвый ум и хладнокровие во время самых безумных попоек. Но притворяться все равно приходилось, и это было унижительно. К тому же лекарства, нейтрализовавшие

действие алкоголя, били по печени с силой и меткостью Майкла Тайсона. А Михаил Борисович собирался жить долго.

Поэтому в последние годы Беленин не пил ничего, кроме сухого красного вина. По словам доктора Кодзи, красное вино благотворно влияло на кроветворную функцию организма и выводило из него разнообразные токсины. К тому же это был едва ли не единственный алкогольный напиток, вкус которого действительно нравился Беленину.

Михаил Борисович нырнул и, задержав дыхание, замер у самого дна бассейна. Это было нелегко, потому что соленая морская вода так и норовила вытолкнуть его наверх. Но Беленин держался изо всех сил и отсчитывал про себя секунды. Досчитав до ста восьмидесяти, он решил, что это вполне приличный результат и, оттолкнувшись ладонями от дна, всплыл на поверхность.

В шезлонге на краю бассейна сидел незнакомый ему азиат и потягивал что-то из высокого запотевшего бокала.

Михаил Борисович не любил незваных гостей. Особенно он не любил их на своей яхте, которую не без оснований считал своим маленьким, но суверенным государством.

«Что, черт возьми, себе позволяет охрана? – раздраженно подумал Беленин. – Выгоню этого мерзавца Рашида к чертовой матери!»

Мерзавец Рашид стоял в двух шагах позади азиата и мял в руках пляжное полотенце. Походил он при этом не на телохранителя могущественного нефтяного магната, а на официанта, нечаянно опрокинувшего бокал с вином на смокинг клиента и простившегося с надеждой на чаевые.

Михаил Борисович шумно отфыркался и поплыл к краю бассейна.

– Извините, что я прибыл без приглашения, – сказал азиат на хорошем русском языке, поднимаясь из шезлонга. – Мое имя Чен.

– А мое имя – Михаил Борисович Беленин, – мрачно проговорил олигарх, вылезая из воды. Рашид бросился к нему с полотенцем. Беленин вырвал полотенце у него из рук и принялся вытираться. – И ты наверняка обо мне слышал, а вот я о тебе слышу впервые. Рашид, почему посторонние на палубе?

Рашид не успел ответить, впрочем, кажется, он не особенно и спешил.

– Возможно, вы не слышали обо мне, господин Беленин, – сказал азиат. – Но вы наверняка слышали о человеке, которого я представляю. Это Уильям Уорвик, председатель совета директоров компании «Уорвик Петролеум».

Беленин, разумеется, знал Уорвика. После техасского рейнджера Дика Чейни старик Уорвик считался самым могущественным нефтяным королем Североамериканского континента. Но их отношения никак нельзя было назвать дружескими – особенно после торговой войны, которую с подачи Уорвика Конгресс США объявил дочерним предприятиям сырьевой империи Беленина.

– И что от меня нужно Уорвику? – довольно надменно спросил Михаил Борисович.

– Собственно говоря, мистеру Уорвику не нужно от вас ничего, – с обезоруживающей откровенностью отозвался азиат. – Наоборот, он хочет предложить вам чрезвычайно выгодный проект, касающийся разработки нефтяных месторождений арктического шельфа и прокладки трубопровода через...

– Дела я обсуждаю в офисе, – оборвал его Беленин. – А сейчас, Чен-или-как-тебя-там, я отдыхаю. Потрудись покинуть яхту. Рашид!

– Михаил Борисович, – лицо телохранителя приобрело еще более жалкое выражение. – Я бы с удовольствием, но сами видите...

Он страдальчески поднял брови. Беленин, проследив направление его взгляда, обернулся и замер.

На палубе было полным-полно посторонних людей в черной, незнакомой Беленину форме, с короткими автоматами в руках. Все они стояли довольно далеко от бассейна, но было понятно, что стоит проклятому азиату моргнуть, и автоматы их застрекочут, как швейные машинки.

Михаилу Борисовичу стало страшно. Он привык к тому, что на Лазурном Берегу можно отдыхать, не опасаясь ни визитов российских бандюганов, ни наездов местной мафии – здешняя полиция работала четко. На самый крайний случай на яхте имелаась охрана – восемь бывших спецназовцев и верный, как пес, Рашид, знакомый Беленину еще по родной Казани. Но охранников нигде не было видно, а Рашид пребывал в полнейшей прострации.

– С вашими людьми все в порядке, – поспешил успокоить Беленина Чен. – Они внизу, заперты в кают-компании. Никому из них не причинят никакого вреда.

– С каких пор старик Уорвик связался с мафией? – охрипшим голосом спросил Беленин.

– О, – сказал Чен, – во-первых, это не мафия. Во-вторых, это исключительно моя инициатива. Дело в том, Михаил Борисович, что я решил дополнить предложение мистера Уорвика своим собственным. А для того, чтобы вы меня все-таки выслушали, я позволил себе привести с собой своих друзей.

«Друзей» было человек двадцать, не считая тех, кто стерег охрану, запертую в кают-компании. «Ничего не скажешь, с размахом работает азиат», – подумал Беленин, понемногу успокаиваясь. Он уже понял, что убивать его не станут – скорее всего, просто попытаются прогнать на предмет участия в международном консорциуме по нефти и газу.

Однако он ошибся.

– Я бы предпочел поговорить с вами с глазу на глаз, – сказал Чен. – Может, вы попросите вашего человека приготовить нам парочку коктейлей? Лично я предпочитаю в это время суток безалкогольный мохито.

– Рашид, – махнул рукой Беленин, – исчезни.

Михаил Борисович поплотнее завернулся в пушистое полотенце – несмотря на жаркое южное солнце, его начал бить озноб – и опустил в шезлонг.

– Вы слышали об организации, которая называется «Арктический Клуб»? – спросил Чен.

– Допустим, – хмуро ответил олигарх. – И что из этого?

– Я сейчас вам все объясню, – с готовностью отозвался Чен. – Видите ли, Михаил Борисович, меня попросили поговорить с вами люди, крайне заинтересованные в прокладке нефтепровода по дну Северного Ледовитого океана...

2

Чен со своими «друзьями» давно отбыл на двух полицейских катерах, а Михаил Борисович Беленин все еще не мог прийти в себя, чтобы как следует обдумать события последних шести часов.

Он заперся в своей каюте, приказав подать туда бутылку «Шато де Молэ» шестьдесят восьмого года и тарелку земляники. Проштрафившийся Рашид, оттолкнув в сторону стюарда, немедленно принес ему все требуемое. Принес, поставил на ореховый столик, сноровисто откупорил бутылку, и, пятясь спиной вперед, исчез за дверью. Яхта «Андромеда» замерла в ожидании грозы. Даже последнее увлечение Михаила Борисовича, украинская поп-звезда Юлия, обычно посвящавшая вокалу не меньше четырех часов в день, почувствовав настроение олигарха, спряталась у себя и сидела там тише мыши.

Михаил Борисович не знал, радоваться ему или рвать на себе волосы. Ему сделали то самое предложение, от которого нельзя отказаться – и он погрешил бы против истины, если бы сказал, что действительно хочет от него отказаться.

Чен предложил ему фантастически выгодную сделку. Вот только условия этой сделки тоже были фантастическими – причем в буквальном смысле этого слова.

По словам Чена, на дне Северного Ледовитого океана располагалась старая нацистская база, в которой жили сбежавшие из Германии эсэсовцы. Чем не фантастика? Если бы не вооруженные автоматами бойцы на палубе, Беленин после таких сказок собственноручно швырнул бы Чена в море. А так приходилось слушать и кивать. Дальше – больше. Эти недобитые фашисты, оказывается, нашли там, на дне, остатки древней цивилизации, владевшей невероятно продвинутыми технологиями. Нашли-то нашли, но по малопонятным причинам воспользоваться этими технологиями не могут – чего-то им для этого не хватает, вроде бы каких-то ключей. Ключи эти, утерянные после разгрома Третьего Рейха, оказались в руках советской госбезопасности. Госбезопасность, в свою очередь, не в курсе существования нацистской базы, и как использовать ключи тоже представляет себе вполне приблизительно. Не говоря уже о том, что последние двадцать лет она не советская, а российская, четко ориентированная на бизнес, в том числе сырьевой.

Этого Чен мог Беленину не объяснять – Михаил Борисович стал тем, кем он стал, только благодаря умению договариваться с сильными мира сего, и нравы российских чекистов знал очень хорошо.

И тут Чен подошел к самому интересному месту своего рассказа. Он назвал Беленину имя Андрея Гумилева.

«Наш пострел везде поспел», – с раздражением подумал Михаил Борисович. Он не любил Гумилева, возможно, потому, что такие, как Гумилев своим существованием доказывали: большие деньги можно делать, не только выкачивая из российских недр нефть и газ. Но их бизнес-интересы почти не пересекались, и Беленин только скептически хмыкал, читая в новостях о том,

что Андрей Гумилев вкладывает деньги в разработку того или иного хай-тек проекта.

О том, что Гумилев основал «Арктический клуб», Михаил Борисович слышал, но как-то подзабыл. По словам Чена, выходило, что экспедицию к Северному полюсу, которую готовит с помощью «Арктического клуба» Гумилев, собираются использовать в своих целях чекисты. А допустить этого было ни в коем случае нельзя, потому что, добравшись до богатейших месторождений нефти и газа на шельфе Северного Ледовитого океана, чекисты немедленно наложат на них свою лапу и займут все ключевые позиции в арктическом сырьевом консорциуме.

– И что же я могу сделать? – усмехнулся Беленин. – Разорить Гумилева так, чтобы он забыл о своих арктических проектах?

– Ни в коем случае, – Чен выглядел очень серьезным. – Наоборот, вы должны вступить в Арктический клуб, принять участие в финансировании экспедиции к полюсу и отправиться туда лично.

– Я не люблю холод, – возразил на это Михаил Борисович.

– Поверьте, и я его терпеть не могу, – улыбнулся Чен. – Но я тоже поеду на Северный полюс вместе с вами, если, конечно, господин Гумилев не станет возражать.

– И чем мы будем на этом полюсе заниматься? – скептически осведомился Беленин.

– Да в общем-то, ничем особенным. Можете рассматривать эту экспедицию как экзотическую морскую прогулку. Единственное – вам нужно будет ввести в состав экспедиции нескольких своих людей и нескольких людей из списка, который я дам вам несколько позже. Полагаю, при ваших финансовых возможностях это не составит труда.

– И зачем это?

– Когда мы прибудем на место, нам потребуется обезопасить обитателей базы от возможной агрессии со стороны чекистов. Ну и заодно отобрать ключи и передать их законным владельцам.

– Я человек простой, – сказал Беленин, подумав. – И привык называть вещи своими именами. Ты что, предлагаешь мне перебить эфэсбэшников, которые будут с нами в экспедиции? А что я потом буду делать, когда вернусь на родину? Рукавички шить в Краснокаменске? Или возвращение планом не предусмотрено?

– Отнюдь. Никаких «перебить» – просто аккуратно нейтрализовать. А когда хозяева базы с помощью ключей войдут в Башню, ваши эфэсбэшники уже никого не будут интересовать.

– Это почему? У спецслужб длинная память.

– Кардинально изменится геополитическая ситуация, – ответил Чен. – Ни Россия, ни Америка, ни, увы, Китай, уже не будут играть сколько нибудь значительной роли в мировой политике. Ситуация изменится, но нефть будет нужна по-прежнему, а может быть, даже больше. И тут идея субарктического нефтепровода придется как раз кстати.

– Если мне не изменяет память, Уорвик всегда был противником участия России в нефтегазовом консорциуме, – проворчал Беленин.

– Мистеру Уорвику сделали аналогичное предложение, – рассмеялся Чен. – И он, оценив все открывающиеся перед ним выгоды, его принял.

– Так что, старый хрыч тоже поплывет с нами к Северному полюсу? – не понял Беленин.

– Нет, для него в этой пьесе предназначена совсем другая роль. Впрочем, это неважно. Вам нужно только знать, что Уильям Уорвик снимает все возражения против участия России, а точнее, концерна «БелНафта» в арктическом консорциуме. Более того, он готов предоставить вашему концерну необходимые технологии для бурения скважин на шельфе Северного Ледовитого океана.

Чен вытащил откуда-то запечатанный конверт с золотым тиснением и протянул его олигарху.

– Это письменное обязательство мистера Уорвика, – пояснил он.

Беленин принял конверт слегка дрожащей рукой. О таком моменте он мог только мечтать – согласие Уорвика открывало «БелНафте» путь на североамериканский рынок, а технологии «Уорвик Петролеум» удваивали капитализацию концерна. Странно, но торжества он при этом почему-то не чувствовал. Может быть, из-за внутреннего голоса, твердившего, что его где-то хотят по-крупному кинуть?

Беленин привык доверять внутреннему голосу. Он не раз помогал ему еще в казанских разборках, давал дельные советы и позже.

– Где гарантии? – хрипло спросил он. – Не от Уорвика, от вас и ваших друзей? Что вам стоит убрать меня там же, на дне, после того, как я помогу вам справиться с чекистами?

Чен развел руками.

– Ну, Михаил Борисович, вы голливудских боевиков насмотрелись, что ли... Зачем же вас убивать? Вы стратегический игрок, на вас завязана половина нефтяных месторождений Восточной Сибири... Дружить с вами гораздо выгоднее!

Тогда это звучало убедительно, но сейчас, допивая третий бокал старого французского вина и заедая его сочной земляникой, Михаил Борисович не мог избавиться от ощущения, что его развели, как лоха.

Допустим, он вступит в этот «Арктический клуб». Допустим даже, даст согласие на финансирование экспедиции к полюсу. Но как объяснить это Гумилеву? Он же наверняка заподозрит неладное. Значит, надо искать какие-то подставные фигуры, придумывать комбинации, разыгрывать целый спектакль – будто не он захотел принять участие в полярной аванюре Гумилева, а какие-то их общие знакомые с трудом его уговорили...

Потом, легко сказать – внедри в экспедицию своих людей. Если в операции будут замешаны чекисты, они просветят всех, как рентгеном. И если, не дай бог, что-то случится, потом ведь не отмоешься...

И вообще, он бизнесмен, а не специалист по тайным акциям!

Откажись, шептал ему внутренний голос. Откажись и забудь о предложении Чена. Тем более, что хитрый китаец не припирал его к стенке, не угрожал карами, в случае, если Беленин захочет рассказать кому-нибудь о его визите. Просто обрисовал перспективы, которые могут открыться перед Михаилом Борисовичем, если он согласится помочь Чену и его друзьям.

А друзья у него жутковатые, подумал Михаил Борисович. Он так и не рассмотрел ни одного из них вблизи, но его не оставляло ощущение, что они все похожи друг на друга, словно близнецы. Хотя, возможно, так казалось из-за черной униформы и одинаковых автоматов.

Отказаться? Забыть?

Но арктический нефтегазовый консорциум! Но технологии «Уорвик Петролеум»!

Миллиарды, миллиарды, а главное – невероятное, сказочное могущество, по сравнению с которым его нынешнее влияние – пустячок, безделица.

И, возможно, вечная молодость.

Чен намекнул, что чудеса подводной цивилизации, обнаруженной нацистами, могут касаться и продления жизни. Есть вроде бы какие-то таинственные предметы, дающие своим хозяевам различные сверхъестественные способности, в том числе, и бессмертие. Беленин никогда не верил в сказки, но в эту очень хотелось поверить. В конце концов, если Дерипаска тратит сотни миллионов на исследования «гена долголетия», чем он, Беленин, хуже?

К одиннадцати часам вечера Михаил Борисович Беленин принял решение.

Он вызвал к себе Рашида и передал ему несколько коротких распоряжений. Во-первых, немедленно доставить из Москвы полковника Гудкова. Бывший офицер МУРа Гудков был когда-то одним из лучших сыскарей Советского Союза. В середине 90-х не сумел найти общий язык с новым «демократическим» руководством и ушел в отставку. Оставшись без любимого дела, начал пить. Некоторое время мыкался во второразрядном ЧОПе, а потом попал в поле зрения Беленина и перешел на новое, куда более высокооплачиваемое, место работы. Первое, что сделал Беленин, по достоинству оценивший профессиональные способности бывшего сыскаря – отправил его в элитную швейцарскую клинику, где полковника за три месяца навсегда отучили пить спиртные напитки.

Гудкову Михаил Борисович решил поручить сбор всей информации по Андрею Гумилеву – и не только по нему самому, но и по членам его семьи. Если уж Беленину предстояло отправляться с Гумилевым в экспедицию, то узнать его следовало досконально, со всех сторон.

Вторым распоряжением было связаться с Анри Лакомбом, одним из лучших финансовых аналитиков Европы, работавшем последнее время на Институт перспективных исследований ЕС. Анри Лакомбу Михаил Борисович намеревался заказать анализ стратегии крупнейших нефтегазовых компаний США и Европы в отношении арктического консорциума. Особенное внимание должно было при этом быть уделено компании «Уорвик Петролеум».

В-третьих, Михаил Борисович распорядился поднять якорь и держать курс на остров Майорка. На этом острове у него была вилла, выстроенная в стиле замка крестоносцев. После

визита Чена и его молчаливых друзей Беленину очень хотелось почувствовать себя под защитой надежных крепостных стен.

В-четвертых, олигарх приказал Рашиду принести в каюту еще две бутылки вина и привести украинскую поп-звезду Юлию. Что Рашид немедленно и исполнил.

Пока «Андромеда», запустив на полную мощность моторы, ходко шла к берегам Майорки, Юлия компенсировала пропущенные занятия вокалом, издавая разнообразные громкие звуки. Переживший нервное потрясение, Михаил Борисович набросился на нее с таким пылом, что ей даже почти не приходилось притворяться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Морской Конек

Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан.

Борт станции «Земля-2»

Теперь Андрей спешил к Марго и Маруське. Было уже позднее утро, ближе к полудню — они все явно проснулись, и он хотел рассказать им обо всем сам, в какой-нибудь более мягкой форме. Конечно же, не обеим своим девочкам, а только Марго — Марусе про убийство знать не следовало. Да и вообще, сейчас Гумилев чувствовал, что ужасно соскучился и после всех этих неприятных потрясений ему хотелось на минутку расслабиться, взять на руки дочь, поцеловать Марго и выпить с ними хотя бы чашечку кофе.

Сначала Андрей даже не понял, что это за звук. Подойдя ближе, он стал различать громкие всхлипывания и страшный протяжный вой. Плакала женщина. От этих звуков у него всегда сжималось сердце — ядерная смесь жалости и раздражения. На станции было не так много женщин, но это точно не Марго. Конечно, Марго тоже плакала время от времени, но делала это тихо, стараясь, чтобы никто не заметил. Представить ее голосащей на всю станцию было невозможно.

Андрей вошел в кают-компанию и увидел Жанну, которая сидела прямо на полу, обнимая за ноги писателя, склонившего над ней и что-то тихо бормотавшего. Заметив Андрея, Жанна заголосила еще громче. Журавлев-Синицын растерянно посмотрел на нее, потом на Гумилева и бессильно развел руками.

– Эта история очень потрясла Жанну...

Прекрасно! Пока они решали, рассказывать или не рассказывать экипажу о случившемся, экипаж узнал обо всем сам. И кто же так постарался?

– Это ужаснооо... ужасно! Господи! Мамочки моииии...

Жанна отпустила ноги писателя и повалилась на пол.

– Я так не могу... Я не могу здесь больше находиться!

Девушка снова подскочила и схватила писателя за колени.

– Увези меня! Слышишь? Немедленно увези отсюда!

– Жанна...

– Мужчина ты или нет?

– Давай-ка встанем с пола... – Журавлев-Синицын попытался ее поднять. – Сядь на диван.

– Ты можешь увезти меня?

Писатель снова посмотрел на Гумилева.

– Это решение принимаю не я, – сухо сказал Андрей. – Дайте ей воды или что-нибудь... не знаю. Что ее успокаивает?

– Ее ничего не успокаивает, – с отчаянием промямлил Журавлев-Синицын. – Это женщина.

– Как это могло случиться? Кто это сделал? Андрей! – теперь Жанна обращалась к Гумилеву, – вы знаете, кто это сделал?

– Жанна, прекратите истерику! – устало отмахнулся Андрей. – И без вас тошно.

– Господи! Что же это такое? Кто мог сделать такое?

В кают-компанию заглянул Ковалев.

– Что случилось?

– Действие непреодолимой силы...

– Уже вижу.

– Журавлев, вы бы забрали свою даму и увели ее куда-нибудь, пока она тут всех не собрала! – Андрей почувствовал, что теряет терпение.

– Жанночка, вставай... Вставай, маленькая...

– Ты увезешь меня?

– Увезу... Конечно же, увезу...

– Увезет-увезет, – уверенно подтвердил Ковалев, – я ему даже лыжи под это дело выделю.

Андрей резко пихнул друга в бок.

– Извини, вырвалось, — оправдался Ковалев. – У меня от бабских истерик — истерика.

– Вы прокляты! Все вы тут прокляты! Потому что сердца у вас нет!

– Ну... начинается... – Ковалев схватился за голову.

– Поэтому и сдохнете тут все!

Теперь Жанна стояла на коленях и с ненавистью смотрела на собравшихся.

– А ты? – она обернулась к писателю, – стоишь и слушаешь, как оскорбляют твою женщину? Тебе тоже все равно? Вам всем все равно? Вам даже не жалко ее, вы остались такими же жестокими и циничными тварями. Я не-на-ви-жу вас!!!

В дверном проеме появился Кирсан. За его спиной стояли еще какие-то люди. Андрей разглядел китайца Чена, Чилингарова и Марго. Марго была бледная, испуганная и настолько беззащитная, что Гумилев сейчас же пошел ей на встречу.

– Что тут у вас? Бунт на корабле? – спросил Илюмжинов.

– Крысы бегут с корабля...

Гумилев подошел к Марго и обнял ее.

– Ты как?

– Андрей, это ужасно...

– Тебе уже тоже рассказали...

– Какой-то человек собрал нас утром...

– Идем отсюда.

Марго вытянула шею, внимательно наблюдая за Жанной. В ее глазах было столько тревоги, что Андрею стало стыдно за свои вчерашние подозрения.

– Как твоя рука?

– Лучше... Только что пришла медсестра делать Муське массаж и заодно перевязала мне руку. Я вышла на минутку, потеряла тебя.

– Умничка.

Взгляд Марго опять обратился в сторону Жанны.

– Тебе лучше этого не видеть.

– Она напугана... – тихо сказала Марго.

– Это обычная истерика.

– Это не истерика. Она ужасно напугана.

– Марго, пойдем.

– И я тоже!

– Понимаю.

Гумилев снова посмотрел на Марго и взял ее за руку.

– Не кисни.

– Вообще... в ее словах есть что-то разумное, – внезапно проговорил Кирсан, – и, хотя я не в праве советовать...

– Предлагаешь бросить станцию и пешком добираться до ледокола?

– Думаю, в сложившейся ситуации не очень правильно продолжать экспедицию.

– Я пока не знаю, как правильно поступать.

– Посмотри на Марго, – Кирсан кивнул на девушку, – посмотри на Марусю. Я думаю, сердце тебе подскажет.

Андрей помрачнел чернее тучи. Кирсан ударил по самым больным местам. Конечно, первым делом надо было подумать о безопасности своих близких. Экспедиция, сколь бы ценной она не была, не стоила того, чтобы рисковать самым дорогим, что было в его жизни. Но как это сделать? Решения принимал не он один. Нужно было собрать совещание... Убедить всех.

– Ты как всегда прав. – кивнул Гумилев.

– Пожалуйста... – Марго заглянула Андрею прямо в глаза, – увези нас отсюда.

На огромном плазменном экране шел мультик про белого медвежонка. Не отрывая взгляда от мультфильма, Маруся прыгала на кровати, расставив руки в стороны и, время от времени, плюхаясь на подушки.

– Не свались, – предупредила ее Марго.

Она сидела в кресле, обняв себя за колени, и тоже с интересом наблюдала за происходящим на экране.

Маруся со смехом рухнула на кровать, тут же поднялась на ноги и продолжила свои акробатические занятия.

– Сейчас ты раскачаешь станцию, и она перевернется!

– Не перевернется!

– Смотри, видишь, как наклонилась? – Марго показала в сторону окна.

Маруся мигом спрыгнула на ковер и подбежала к окну.

– Там мишки!

– Тут очень много мишек. Они здесь живут, – улыбнулась Марго. – Хочешь, почитаю тебе про них?

– Давай заберем Мишку с собой? – предложила Маруся. Видимо книжка ее интересовала куда меньше медведей.

– Мишке в Москве будет жарко, он же привык жить на севере.

– Здесь тоже жарко! – резонно заметила Маруся, которая сейчас была одета в трусики и маечку.

– Жарко только у нас на станции, а там очень холодно.

– Давай пустим мишек к себе погреться?

Андрей вышел из душа. Наконец-то он почувствовал себя человеком. Он с легкостью мог провести ночь без сна, но вот без душа было совсем плохо.

– Кофе хочешь? – с улыбкой спросила Марго.

– Обязательно! – бодро ответил Гумилев.

Полчаса в окружении семьи подействовали на него так благотворно, как будто он на курорте отдохнул. И правда, по сравнению со всем, что происходило сейчас на станции, их теплая уютная каюта с мультиками, детским смехом и ласковой подругой, казалась ему раем.

– Папа, мишки замерзли!

Андрей посмотрел на любимую дочь и рассмеялся.

– Сначала она прыгала так, что раскачала станцию... – Марго с наигранной строгостью посмотрела на Марусю, – а теперь хочет забрать сюда мишек.

– Ты зачем нам тут все раскачиваешь? – Андрей схватил Марусю подмышки и поднял в воздух.

– Сколько же в ней энергии! – удивленно покачала головой Марго.

– Конечно, столько мороженого есть! – ответил Андрей. – Если бы я ел столько мороженого...

– А мишки, правда, едят мороженое? – спросила Маруся, забираясь к отцу на шею.

– Они обожают мороженое. Только оно у них из рыбы.

– Фууууу...

– Ты когда-нибудь пробовала мороженое из рыбы?

– Нет!

В динамиках заиграла любимая Марусина песня.

– Громче, громче, громче!

Марго взяла пульт и прибавила громкость. Андрей упал на кровать вместе с Марусей, застонал и закрыл себе уши. Маруся схватила его за руки и стала оттягивать их от ушей.

– Слушай!

– Маша, ты уже сто тысяч раз смотрела этот мультик, я столько не могу...

– Папа, ну слушай! – обиженно насупилась Маруся.

Марго принесла кофе и поставила на прикроватную тумбочку.

– Пожалуйста, давай сделаем потише? – взмолился Андрей.

– А мишек пустим погреться?

– Так, Марго! – Андрей сел на кровати и нахмурился, – Марусе больше мороженого не давать! Она слишком энергичная. Думаю, надо кормить ее рыбой.

Маленькая бестия кубарем скатилась с кровати, схватила пульт и убавила звук.

– Не надо рыбы!

- Дай папе спокойно попить кофе...
 - Пойду рисовать! – важно сказала Маруся.
 - Отличная идея! – в один голос подхватили Андрей и Марго. Маруся взяла со стола карандаши и убежала в свою комнату.
 - Вот же чертенок неугомонный, – улыбнулся Гумилев, – завидую я ей! Прыгает, носится и никаких проблем.
 - Может, поспишь часочек? – предложила Марго, забираясь на кровать и делая Андрею массаж шеи.
 - Звучит соблазнительно... Но надо еще кое-что сделать...
 - Это не может подождать?
- Андрей обернулся к Марго, поймал ее руки и прижал к своей груди.
- Я смогу уснуть только когда мы будем в полной безопасности...
 - И когда это будет?
 - Когда мы вернемся в Москву.

Допрос Бунина оставил на душе неприятный осадок. Профессор явно что-то знал, но не торопился раскрывать карты. Возможно, он боялся Свиридова или был с ним заодно — в любом случае, последний разговор не внес в ситуацию ясность, а именно этого Андрею сейчас очень не хватало. Все, что Бунин рассказал про спрута, могло быть обманом, ведь если предмет нельзя проверить в действии, то как понять, что он именно такой, каким его представляют. Возможно, Бунин приврал насчет его сложности, а может быть, вообще изменил суть предмета. Возможно, с помощью спрута он убил Алферову, да, Андрей не верил в эту версию, но все же, все же...

Механизм замка щелкнул, и Гумилев оказался в маленькой каюте без иллюминатора, заполненной стеллажами и коробками. Бунин дремал, вытянувшись на коробках и подложив под голову свои туфли.

Андрей включил верхний свет. Профессор поморщился, повернул голову и посмотрел на вошедшего.

– Стучаться надо...

Андрей прикрыл за собой дверь и защелкнул замок.

– Если ты пришел задавать мне вопросы, то можешь идти обратно.

– Хочу поговорить наедине.

– Похоже ты ко мне равнодушен, а, Гумилев?

– Не надоело выпендриваться?

– Чья бы корова...

– Мне кажется, ты в крайне хреновой ситуации, где каждое неверное слово может быть использовано против тебя, – спокойно разъяснил Андрей.

– Поэтому я и не собираюсь говорить... – лениво ответил Бунин, закидывая ногу на ногу и пялясь в потолок.

– Сядь-ка...

– Не вижу смысла.

– Сядь, я тебе сказал! – в голосе Андрея появились металлические нотки.

Бунин сел, скинул под ноги туфли и пригладил волосы.

– Только не надо тут мышцами играть, я не девка.

– Расскажи, что случилось.

– Я буду говорить только в присутствии своего адвоката.

– Бунин, не будь идиотом.

– А что, только тебе можно?

Андрей ничего не ответил. Он как будто задумался о чем-то, внимательно рассматривая стены каюты. Бунин вытащил из кармана мятую пачку сигарет и закурил.

– Что? Фигово дело? – с фальшивым сочувствием спросил он.

– Все пошло не так, как ты планировал?

Андрей пропустил слова Бунина мимо ушей.

– Думал, ты тут рулишь процессом, а оказалось вот оно как. И эксперимент твой межпланетный никому не уперся. – Бунин выпустил струю дыма в сторону Гумилева. – Тебя использовали... Алферову жалко, конечно... Она, похоже, была в тебя влюблена...

– Мне кажется, ты выбрал довольно извращенный способ самоубийства... – наконец очнулся Андрей.

– А что ты со мной сделаешь?

– Выпущу проветриться и забуду забрать обратно.

– Мне уже страшно! – усмехнулся Бунин.

– Знаешь, что это? – Гумилев кивнул на полукруглую сферу, в стене.

– Детектор лжи?

– Именно!

Андрей подошел к полусфере и открыл находившуюся тут же в стене маленькую дверцу, размером с ладонь. За дверцей скрывалась кнопочная панель.

– Это аварийный люк... Отсюда идет прямой коридор в боковой отсек, а оттуда выход куда? Давай, ты же у нас догадливый...

– Думаешь, если меня не найдут, сможешь скрыть убийство? – в голосе Бунина появилось легкое смятение.

– Обувайся...

– Это бред...

– Возможно.

– Я не убивал ее.

– Очень может быть.

– Ты готов лишиться человека жизни за то, чего он не делал?

– И даже испытать от этого удовольствие. Обувайся.

– Ничего я не буду...

– Без ботинок на снегу прохладно.

– Переживаешь, чтобы я не простудился?

– Мне нравится твое непрошибаемое чувство юмора! Надеюсь, белые медведи его тоже оценят.

– А если я никуда не пойду? Потасишь меня силой?

– На руках понесу.

– Тебя посадят.

– А тебя съедят.

Бунин опустил глаза и уперся взглядом в свои туфли. Потом, словно решившись на что-то, резко вскинул голову и посмотрел на Андрея.

– На станции человек с Морским Коньком. Если ты не найдешь его, убийства будут продолжаться.

– Что делает конек? – сразу перешел к делу Андрей.

– Разрушает. И ему совершенно все равно, что разрушать. Он с одинаковой легкостью превратит человека в фарш, а твою станцию – в груды металлолома.

– То есть, Алферову убили при помощи конька?

– Да! Как тебе еще объяснить?

– А как ты докажешь, что это сделал не ты?

– Да никак! Как я могу доказать? Но ты так же не можешь доказать, что я это сделал...

– Я не верю, что ты способен на убийство.

– Это так благородно с вашей стороны, Андрей Львович! Прямо не знаю, как вас благодарить за оказанную мне честь... – Бунин склонился в поклоне, картинно взмахнув в воздухе рукой.

– Но ты мог принимать какое-то другое участие, – продолжил свою мысль Андрей.

– Какое? Прийти к Алферовой за пять минут до убийства и засветить свою рожу в камере? Гумилев, ну ты же не тупой, как эти кретины с портретом Дзержинского в спальне!

– Я смотрю, ты их не любишь?

– А за что их любить? За то, что они собирают предметы и, ни хрена в них не разбираясь, прячут в сейф? Это между прочим, уникальная... самая уникальная из всех существующих на земле загадок! Возможно, связь с инопланетным разумом. Возможно, что-то еще не менее поразительное. Сплав, из которого сделаны предметы, обладает энергией, с которой не сравнится ни одно вещество, когда-либо обнаруженное на земле либо синтезированное искусственным образом!

Андрей понял, что задел большую тему Бунина. Это было ему на руку.

– Так значит, Свиридов тоже собирает предметы?
– Откуда мне знать? – резко пожал плечами профессор.
– Ты только что сам сказал об этом.
– Фамилия Свиридов ни разу не прозвучала.
– Но ты это имел в виду?
– Хочешь знать, есть ли у Свиридова предметы?
– Хочу.
– Ну так спроси его сам! – Бунин снова перешел на ернический тон.

Все-таки что-то их связывало... Он явно изменился, когда Андрей напомнил ему про генерала.

– У Свиридова может быть этот конек?
– Я же сказал...
– Бунин... Мне кажется, ты дал понять, что не любишь медведей.
– Да у тебя кишка тонка выкинуть меня к ним. Ты ведь положительный герой — у тебя вон молодая любовница, дочка, огромная корпорация, толпы голодных студентов, которых ты выкармливаешь...

Андрей устало вздохнул.

– Зачем ты приходил к Алферовой той ночью? – спросил он, захлопывая дверцу рядом с люком.

– Я уже могу вздохнуть с облегчением? – улыбнулся Бунин, кивая в сторону полусферы.

– Не пытайся перевести тему.

– Это было свидание.

– Не ври.

– Считаешь, что она не могла пригласить меня на свидание?

– Считаю, что ты был ей противен.

– А твоя жена находила меня привлекательным.

Андрей заставил себя не поддаваться на провокации.

– Перестань упоминать Еву, – как можно более спокойно сказал он.

– Все время о ней думаю... а ты?

- Это моя жена.
 - Которая от тебя сбежала.
 - Она пропала без вести.
 - Она сбежала от тебя, так же, как и Марго...
 - Что Марго? – не понял Андрей.
 - Сбежит, – уверенно ответил Бунин.
 - Зачем сбегать Марго?
 - Придет время — узнаешь...
- Андрей почувствовал удушье и приложил руку к груди.
- Что, поплохело?
 - То есть, про Алферову ты говорить отказываешься?
 - Я хотел предупредить ее об опасности.
 - О какой опасности?
 - О тебе. Видел, как ты начал крутиться вокруг нее и не хотел, чтобы она стала еще одной жертвой...
 - Бунин, ты же псих...
 - Верни мне спрута.
 - Об этом не может быть и речи.
 - Тогда убийства продолжатся.
- Гумилев замолчал, о чем-то напряженно думая.
- Почему я должен тебе верить?
 - Повторяю для тупых. У тебя на станции человек с мощнейшим оружием. Капитан убит и это только начало. У меня нет оружия, но я знаю, как его найти. Ты можешь посадить меня на землю, скормить медведям, сожрать сам — но это никак не изменит ситуацию. А теперь, если твои интеллектуальные способности не позволяют тебе самому сделать правильное логическое заключение, подсказка — единственный человек, который может хоть как-то тебе помочь, это я.
 - Пять минут назад, ты отказывался мне помогать.
- Бунин лег на коробки и лениво потянулся.
- Я передумал.

Андрей вышел в коридор и закрыл дверь на ключ. Судя по всему, Бунин говорил правду и даже больше того, чем Гумилев рассчитывал услышать. Ясности этот разговор не внес, наоборот, вопросов стало больше, но тем не менее Андрей испытывал удовлетворение от проведенной беседы. Теперь оставалось каким-то образом добыть спрута и уповать на то, что Бунин принесет хоть какую-то пользу.

В кармане завибрировал телефон. Андрей вытащил трубку и поднес ее к уху.

– Ты где пропадаешь? – услышал он взволнованный голос Ковалева.

– Нужно было поговорить кое с кем... А что случилось?

– У нас тут снова убийство!

Андрей остановился посреди коридора не в силах сделать шаг.

– Кто?

– Да эта долбанутая...

– Какая долбанутая?

– Ну, подруга писателя...

– Жанна?

– Она.

– Где тело?

– В каюте Журавлева... если это можно назвать телом. Капец, Андрей, я минут десять блевал, не мог голову вытащить из унитаза...

В каюте Журавлева-Синицина уже суетились ребята Свиридова. Сам генерал курил в коридоре, внимательно изучая ковер под ногами и ковыряя его носком острых ботинок. Свиридов никак не отреагировал на появление Андрея, да и остальные, надо сказать, особого интереса не проявили.

– Иди сам... я это видеть не могу, – закрыв рот рукой, пробурчал Арсений. – пойду выпью, что-нибудь... Капец... спать теперь неделю не буду...

Андрей похлопал друга по плечу и заглянул в каюту писателя.

То, что он увидел, вызвало в его голове одну единственную мысль — по сравнению с этим, убийство Алферовой можно было назвать гуманным.

– Впечатлительный у вас мальчик... – услышал Андрей глухой голос Свиридова, – всю ванну изосрал, несчастный.

– А вас это никак не впечатляет? – спросил Андрей.

– Обыкновенное убийство, – выдохнул дым генерал.

– Так уж и обыкновенное?

– Не вижу никакой разницы в том, каким образом произошло умерщвление, – буднично возразил Свиридов.

– Железные у вас нервы.

Свиридов ничего не ответил.

– А где сам этот...

– «Сам этот» хорошенечко рехнулся... Все произошло у него на глазах.

Теперь и Андрей почувствовал подступившую к горлу тошноту. На это невозможно было смотреть в конечном варианте, а уж представить себе, каково это наблюдать в процессе...

– Разумеется, никого не заметил. Смотрел, не отрываясь, как его птичку подвесили в воздухе и разделали в пух и прах. Говорит, что голову оторвали последней, так что все время, пока ее кромсали, она орала. – Генерал сплюнул в напольную пепельницу и затушил сигариллу.

– Даже зубы разлетелись, – с животным удовольствием сказал он и оттолкнул кончиком ботинка какой-то мелкий осколок.

Андрею стало жутко. Помимо зверского убийства, которое затмевало все, что он видел в самых страшных фильмах ужасов, его особо впечатлял такой же зверский цинизм Свиридова. И если, с одной стороны, Андрею все еще казалось диким, заподозрить его во всех этих убийствах, с другой стороны возникал резонный вопрос — кто еще мог быть способен на такое?

На этот раз Андрей решил не ждать, пока информация распространится естественным путем, превращаясь из сухого факта в душераздирающий рассказ с множеством кровавых деталей. Он захотел сам обо всем рассказать Марго, опустив подробности, и тут же сразу успокоить. Держать ее в изоляции от внешнего мира все равно не предоставлялось возможным.

Благо их каюта находилась на другой палубе и, значит, была вероятность того, что ни Марго ни Маська не слышали никаких криков.

Пока Андрей шел к ним по коридору, он думал о том, кому была выгодна смерть безобидной подружки писателя. И если смерть капитана была нелепой, но все же могла нести какое-то стратегическое значение для убийцы, то гибель Жанны казалось ему из ряда вон выходящей. И тем не менее... Андрей никак не мог допустить, что Жанну убили просто так, без причины. Да, она многих раздражала, хотя, скорее, ее безумное поведение вызывало у людей смех. И Жанна, и писатель воспринимались здесь, на станции, как пара клоунов. Ну есть они, ну утомляют, но не до такой же степени, и, главное, все это не было поводом для настоящего убийцы. Гумилев не знал, откуда в нем такая уверенность, но вывод, сделанный им, казался ему логичным. Все это было звеньями одной цепочки, в которой и одна и другая жертвы каким-то образом мешали исполнению планов. Только неизвестно каких и неизвестно кому.

В каюте никого не было. На столе лежала записка, на которой ровным аккуратным почерком было выведено: «Мы в столовой», а рядом старательно нарисованное красным карандашом сердце с улыбкой — фирменный знак Маруси.

Андрей быстро вытащил из шкафа теплый свитер и натянул на себя. То ли от усталости и недосыпа, то ли из-за переживаний, связанных с последними событиями, его здорово знобило. «Не хватало еще свалиться», — подумал он, запирая каюту. — «Сто лет не болел и тут на тебе».

Марусю он заметил еще издалека. Она носилась между столиками, зажав что-то в руке, гудя и изображая, видимо, само-

лет. Марго сидела в самом дальнем углу, устало подперев голову рукой и машинально размешивая сахар в чашечке кофе. Заметив Андрея, она приняла более бодрый вид, поправила волосы и улыбнулась.

– Пью шестую чашку, – пожаловалась Марго. – Не представляю, как ты держишься, я просто засыпаю...

– Да меня что-то тоже... – Андрей подсел к столику и махнул рукой официанту.

– Замерз? – удивленно спросила Марго.

– Колотит...

Марго протянула руку и приложила ко лбу Андрея.

– Да ты весь горишь.

К столику подошел официант и коротко поклонился.

– Мне что-нибудь покрепче... В смысле кофе. Что-нибудь такое...

– Понял! – бодро отрапортовал официант и поспешил выполнять заказ.

– Тебе надо выспаться...

– Я хочу тебе кое-что рассказать, – перебил девушку Андрей.

– Только после того, как выпьешь какое-нибудь жаропонижающее.

– Не шантажируй.

[illegible]

Только теперь Андрей рассмотрел, что в руке у дочки была зажата обычная сосиска.

– Папа, мой самолет хочет на посадку! Открой рот!

– Муська! – строго прикрикнула на нее Марго.

– Иди побегай, мне надо поговорить... – Андрей ласково шлепнул Марусю по попе.

– А самолет?

– Самолет не заправлен. Лети вон к тому дяде и попроси его заправить самолет горчицей.– Андрей указал Марусе в сторону официанта.

Парень быстро смекнул в чем дело и жестами стал подзывать Марусю к себе. Маруся мгновенно переключилась на новую «жертву» и убежала на кухню.

– Я решил тебе сам рассказать об этом... – начал Андрей и посмотрел на Марго, – ты чего так напряглась?

– Что-то случилось?

– Случилось...

– Опять убийство?

– Да... убили Жанну.

Андрей замолчал, заметив приближающегося стюарда.

– Ваш кофе, – сказал стюард и сразу же обернулся назад, услышав звук подлетающего «самолета». – Нет, нет, нет! Без кетчупа самолет не долетит, – выкрикнул парень, бросаясь на встречу Марусе. – Полетели на базу!

– Как это произошло? – наконец вымолвила Марго.

– Малыш, это не важно. Давай не будем вдаваться в подробности...

Марго закрыла лицо руками. Андрей пододвинулся поближе и обнял ее, словно закрывая своим телом.

– Ты только не бойся. Просто надо потерпеть чуть-чуть... Хорошо? Мы сейчас же соберем совещание и примем решение развернуть станцию обратно.

– Ты уверен, что вы его примете?

– Думаю, да... Мне кажется, все уже поняли, что продолжать экспедицию опасно.

– Почему они убивают только женщин?

– Я думаю, это никак не связано с женщинами...

– Здесь так мало женщин и двое убитых...

– Малыш...

– Я буду третьей?

– Нет.

– Кому это могло понадобиться?

Андрей пожал плечами. Он повернул голову и посмотрел на Марусю, которая стояла за соседним столиком с огромной бутылкой кетчу-

па и обильно заправляла свой «самолет» топливом. Залив сосиску так, что она полностью утонула в томатном соусе, Маруся облизала пальцы и, с чувством выполненного долга, посмотрела на официанта.

– Забирай Марусю и возвращайтесь в каюту. Запри дверь...

– Да что же это такое...

– Я попрошу кого-нибудь последить за вами. Держи телефон рядом.

– Андрей... – Марго подняла голову и посмотрела на него.

– Ничего не бойся... Я все решу.

– Папа!

Андрей вздрогнул, он не заметил, как Маруся тихо подошла к нему. В ее руках была тарелка до краев наполненная кетчупом.

– А можно я теперь буду есть только кетчуп?

– Если есть только кетчуп, будет болеть животик, – включилась Марго.

Андрей обрадовался, как быстро она взяла себя в руки.

– А где твой самолет? – спросил Андрей, пытаясь улыбнуться.

– Это теперь подводная лодка, – радостно сообщила Маруся и поставила тарелку на стол перед отцом.

Провести совещание решили в конференц-зале. Все расселись за длинным столом и ждали, когда подтянутся опаздывающие. Наконец, в зал вошел последний из приглашенных гостей — это был Беленин. Олигарх нехотя извинился и занял свое место.

– Как вам известно, у нас произошло еще одно ЧП... – начал Андрей. – Давайте сразу же отбросим официальщину и будем говорить нормально, спокойно и по делу.

– Согласен, – пробасил Чилингаров.

– Я, правда, не совсем понимаю, зачем нас всех тут собрали... – вставил свою реплику Беленин, он выглядел недовольным.

Андрей покосился на Свиридова. Тот, как ни странно, сидел тихо, уткнувшись немигающим взглядом в стол и, казалось, не слушал, о чем говорят собеседники.

– Так как в этом походе принимают участие сразу несколько заинтересованных сторон, принимать решение придется всем вместе.

– Да уж я надеюсь, – снова встрепенулся Беленин.

– Есть предложение прекратить экспедицию и вернуться на ледокол, – объявил Андрей.

– Чье предложение? – сердито выкрикнул Беленин, словно он только и ждал, когда прозвучат эти слова.

– Мое! – спокойно ответил Андрей. – Теперь я хочу знать, кто с ним согласен, а кто нет, и чтобы те, кто не согласен с решением, аргументированно объяснили, ради чего они готовы рисковать жизнями людей.

– Я согласен, – поднял руку Илюмжинов. – Все с самого начала пошло не так...

– А откуда у вас вообще право голоса? – возмутился Беленин.
– При всем уважении, Кирсан Николаевич, вы сюда деньги вкладывали?

Кирсан невозмутимо посмотрел на Беленина, продолжая держать руку поднятой.

– Поддерживаю, – откликнулся Чилингаров, – хотя и жаль...

– Да вы рехнулись тут все! – Беленин аж выпрыгнул из кресла. – Какой «согласен»? Из-за чего? Из-за того, что убили какую-то шизанутую идиотку?

– Беленин, следите за языком! – резко выкрикнул Андрей.

– Я уж молчу про то, что все из рук вон плохо организовано! Во что я вкладывал деньги? И что получил? Почему станция не работает? На что она была рассчитана, на увеселительные прогулки на поляне? Что значит, не смогли починить? Что значит, потеряли контроль над системой управления? Кто строил эту станцию и почему...

– На станции происходят убийства!

– А почему они здесь происходят? Не потому ли, что вы притащили сюда всякую шушеру, не имеющую никакого отношения к экспедиции? Кто была эта Жанна? Ценный член экипажа? Незаменимый сотрудник?

– Не более незаменимый, чем ваш Рашид, который таскает за вами хьюмидор.

– Вы видите моего Рашида? Его словно тут и нет! А эта истеричка...

– С которой вы так мило кокетничали... – добавил Ковалев.

– Вот это кто? – Беленин вытянул палец и указал им на Ковалева. – И что он тут делает?

– Управляю станцией, – невозмутимо ответил Арсений.

– И блюет, как школьник, – внезапно подал голос Свиридов, – Беленин прав, на станции много посторонних людей.

– Не вам говорить о посторонних, – неожиданно резко вступил Андрей, – я до сих пор не понимаю, какое вы принимаете участие в экспедиции.

– Тихо-тихо, – поднялся из-за стола Чилингаров, – давайте будем рассуждать, как взрослые люди...

– В этот проект действительно было много вложено, помимо того на него возлагались большие надежды, но продолжать экспедицию в то время, как здесь происходят убийства... при том, что убийца еще не найден...

– Тебе крышка, Гумилев... После такого провала ты уже не встанешь! – злорадно бросил Беленин. – Ты даже не представляешь, какие последствия...

– Объявляю голосование, – усталым голосом перебил Беленин Андрей. – Кто за то, чтобы станция повернула обратно?

Он поднял руку и осмотрел присутствующих. Руки подняли Кирсан, Ковалев, Чилингаров и некоторые другие члены экипажа.

– Кто против?

– Тебе это будет дорогого стоить! – никак не унимался Беленин.

– Кто против?! – еще громче повторил Андрей.

Теперь руки подняли Беленин, Свиридов и Поздняк.

– Наибольшим количеством голосов было принято решение повернуть станцию и вернуться на ледокол, – официальным тоном объявил Андрей, – всем спасибо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Игры Валькирий

Июнь 2009 года. Арктика, окрестности базы «Ultima Thule»

Катарина фон Белов стояла перед своим медведем Суртом и кормила его сырым тюленьим мясом. Огромная морда зверя наклонялась к ее лицу, медведь разевал огромную пасть, усеянную острыми, как бритва, зубами и осторожно брал у Катаринины с руки длинные куски сизого мяса. Катарина знала, что медведю ничего не стоит перекусить ей руку или оторвать голову, но она знала также, что Сурт никогда этого не сделает.

Сурт был ее зверем, с самого детства, с трех или четырех лет, когда малышку Катарину привели в медвежьи загоны и она впервые вдохнула запах, который теперь стал ей таким знакомым, а тогда напугал. Это был запах крови, запах медвежьего меха, экскрементов, мокрой шерсти. Катарину вели вдоль массивных стальных решеток, некоторые из которых выглядели так, будто их долго и упорно грызли чудовищные челюсти, а из темноты за ней внимательно наблюдали умные и злые глаза. Около одной решетки малышка остановилась и бесстрашно ухватила за стальные прутья. С той стороны клетки тотчас прибежал и ткнулся влажным носом в ее пальцы небольшой медвежонок с неправдоподобно белой, словно бы снежной, шерстью. Катарина просунула руку сквозь решетку и погладила медвежонка по лобастой голове. Так состоялось их знакомство, которое впоследствии переросло в дружбу – самую крепкую из тех, которые могут связывать двух наиболее опасных хищников планеты Земля.

– Хороший мальчик, – сказала Катарина фон Белов и погладила Сурта по кожаной нашлепке на носу. Нашлепка, которая когда-то была не больше наперстка, теперь походила на чайное блюдце. Рост Сурта в холке достигал полтора метра, а весил он около тонны. – Ешь как следует, нам предстоит сегодня выиграть скачку Одина.

Некоторые Валькирии не кормили своих медведей перед состязаниями, опасаясь, что звери отяжелеют. Катарине это всегда казалось глупостью: чтобы по-настоящему отяжелеть, гигант вроде Сурта должен сожрать двух тюленей. А она принесла ему всего каких-то два килограмма.

Внезапно медведь поднял голову и заворчал. Катарина обернулась – по проходу между клетками шла ее старшая сестра, Маргарет, постукивая тонким стеком по отвороту своих высоких ботфорт. Сурт, разумеется, знал ее, но он хранил верность только одному человеку, и человеком этим была Катарина. Все остальные люди делились на две категории – друзья Катарины и враги Катарины. К первым Сурт ревновал, ко вторым испытывал ненависть.

– Привет, сестренка, – сказала Маргарет, предусмотрительно останавливаясь в нескольких шагах от Катарины. Сурт сидел на цепи, но бывали случаи, когда рванувшийся медведь легко выдирает цепь вместе с крестообразным креплением, вмонтированным в стену. Стальная решетка клетки была поднята – Катарина собиралась вывести медведя наружу. – Готова к гонке?

– Как никогда, – улыбнулась Катарина. – Мы с Суртом порвем этих хваленых чемпионок еще на первом круге.

– Чемпионки довольно сильны, – нахмурилась Маргарет. – Эльза фон Лютцов выигрывала две скачки Одина – в две тысячи пятом и две тысячи седьмом году и была фаворитом в командных играх две тысячи шестого.

Маргарет уже вышла из возраста Валькирий, но не пропускала ни одного состязания и могла, не задумываясь, ответить,

кто какое занял место в том или ином соревновании даже десять лет тому назад.

– Я ее сделаю, – упрямо повторила Катарина. – Точнее, мы ее сделаем.

– И ее Фафнир очень силен. В прошлом году он задрал медведя Моники Хильшер.

– Ты пришла пожелать мне удачи или подорвать мой боевой дух? – рассмеялась Катарина.

– Всего лишь предупредить, – в голубых глазах Маргарет мелькнуло что-то, похожее на сомнение. – Эльзе фон Лютцов очень нужна победа на этих Играх. Если она выиграет третью скачку Одина, бабушке придется дать ей звание штурмбанн-фюрера и сделать капитаном стражи Большого Периметра. А это то, чего она уже очень долго добивается.

– Скачку выиграю я, – Катарина перестала улыбаться. – Бабушке не придется краснеть за меня.

– Надеюсь, – Маргарет приобняла сестру за плечи. В то же мгновение Сурт грозно заворчал. – Я буду наблюдать за тобой. Удачи, сестренка!..

За пять минут до полудня Катарина фон Белов, одетая в легкую белую парку на гагачьем пуху и пуховые сапожки со стальными подковками, вышла на искрящийся голубой снег Долины Испытаний. Долиной – место, по которому проходила трасса скачек Одина – было названо весьма условно, на самом деле это было пространство между двумя рядами довольно хаотично разбросанных ледяных глыб и торосов, тянувшееся на три километра в направлении Северного полюса. В южной горловине долины находилось замаскированное отверстие, через которое можно было спуститься в подземную полость, где находилась база «Ultima Thule». В двадцати шагах от этого отверстия стояли сейчас шестеро победительниц командных испытаний первого дня Игр Валькирий, которым предстояло

померяться силами в самом сложном испытании Игр – скачке Одина. У ног их лежали шесть огромных белых медведей.

Испытание называлось так в честь скачки, которую Один устроил перед последней битвой богов – Рагнарёком. Тогда с ним соперничал каменный великан Хрунгнир, а скакунами у обоих были белые жеребцы Асгарда. Историю эту все Валькирии знали с детства, поскольку официальная религия Туле признавала скандинавский пантеон богов. Правда, жеребцов на базе не было, да они и не смогли бы долго скакать по снегу и льду. Зато белые медведи с их мощными лапами и огромными острыми когтями были словно предназначены для скачки Одина.

Разумеется, их приходилось долго обучать. Но среди ученых Туле было много великолепных биологов и бихевиористов, и их знания помогли вывести специальную породу гончих медведей. Шестеро огромных зверей, лежавших сейчас у ног своих наездниц у южного края Долины Испытаний, были лучшими из лучших.

Самым большим из них был Фафнир – медведь Эльзы фон Лютцов. По сравнению с этим гигантом даже Сурт казался медвежонком. Два метра в холке, вес около полутора тонн, и при этом поразительная быстрота реакции, умение передвигаться с невероятной скоростью и дикая злоба к соперникам. Катарине еще не приходилось встречаться с Фафниром во время испытаний, и она, конечно, волновалась, хотя и уговаривала себя, что ее Сурту зверь, названный в честь огромного дракона, ничего сделать не сможет.

На морде Фафнира красовалась устрашающего вида маска из бериллиевой бронзы. По правилам соревнований, маски надевались на всех зверей в первом и во втором круге. Их разрешено было снимать только двум вышедшим в финал медведям, чтобы острые клыки и мощные челюсти довершили то, чего не смогло решить мастерство наездников.

Катарина извлекла из рюкзака легкую титановую маску и ласково поманила Сурта пальчиком. Медведь, недовольно ворча, наклонил голову и прикрыл глаза, давая понять, что хотя он и позволяет хозяйке издеваться над собой, процедура ему совсем не нравится.

Катарина надела на него маску и защелкнула надежные запоры. Теперь, даже если Сурт захочет отгрызть кому-то лапу или руку, у него это не получится.

– Потерпи, маленький, – прошептала Катарина в заросшее толстым волосом розовое ухо зверя. – Скоро я сниму эту дурацкую маску, и ты сможешь кусаться, сколько захочешь!

– Внимание, фройляйн! – голос старого Ганса Хоссбаха, усиленный мегафоном, прокатился над заснеженной пустыней. – Через минуту прозвучит сигнал к началу соревнований! Проверьте, все ли в порядке у вас и ваших скакунов и можете садиться в седла!

Хоссбах был одним из немногих оставшихся на базе Туле мужчин – если быть точным, то одним из ста двадцати четырех – и одним из самых старых. Когда-то, совсем еще юная Катарина спросила свою бабушку, почему вокруг почти одни женщины. Бабушка Мария объяснила ей, что когда Туле только заселялось, мужчин и женщин было здесь поровну. Но уже в первом поколении, родившемся в подледной пещере, девочек было почти семьдесят процентов, а во втором – уже девяносто пять, причем из мальчиков выжил лишь один.

– Как же будут рождаться дети дальше? – спросила Катарина. Мария фон Белов улыбнулась и погладила ее по голове.

– К счастью, мы уже не так зависим от мужчин, как раньше, – ответила она. – В нашем распоряжении есть такая удивительная наука, как генная инженерия – с ее помощью можно рожать детей, даже не приближаясь к мужчине, если, конечно, это не врач.

Бабушка захихикала, хотя Катарина не видела в ее словах ничего смешного.

– Но вот беда: даже с помощью генной инженерии мы не можем наладить воспроизводство мальчиков! Как будто что-то мешает, понимаешь? С девочками мы научились творить чудеса. Все твои сверстницы принадлежат к чистому арийскому типу – высокие, светловолосые, с голубыми глазами. И это, как ты догадываешься, не случайность. О, рейхсфюрер Гиммлер был бы очень доволен нашими достижениями! То, чего он кустарным образом пытался добиться в своих Домах Жизни, мы поставили на конвейер. И только с мальчиками какая-то заковыка. Не получаются у нас мальчишки, и все тут!

– А может быть, они не так уж нужны? – осмелилась предположить Катарина. Бабушку ее реплика опять очень рассмешила.

– Ты права, крошка! Мужчины все только портят и усложняют. Впрочем, великий фюрер тоже был мужчиной, и его жизнь оправдывает все грехи этой породы... Знаешь, что? Я, кажется, догадываюсь, в чем тут дело...

Бабушка сделала таинственную гримасу, и Катарина приблизила свое ухо к ее губам.

– Это все Черная Башня, – прошептала бабушка. – От нее исходит какое-то излучение, которое не дает рождаться мальчикам. Возможно, цивилизация, которая ее построила, тоже была цивилизацией женщин...

Зычный голос Хоссбаха вырвал Катарину из задумчивости.

– Тридцать секунд до сигнала, фройляйн!

Быстро подтянув ремни упряжи, Катарина фон Белов изящно взлетела в седло. Сурт, недовольно рыча, поднялся на все четыре лапы и приготовился сорваться с места.

Катарина огляделась. Слева от нее прильнула к холке мохнатого серого Гарма остролицая Хельга Мюллер. Справа громогрозился белый, в рыжих подпалинах великан Рудра Лизы фон Гримау. Чудовищный Фафнир, на спине которого восседала надменная Эльза фон Лютцов, занимал крайнюю левую позицию – очень неудобную для новичка, но дающую извест-

ные преимущества опытному наезднику. А Эльза была крайне опытным наездником.

И она хотела стать капитаном стражи Большого периметра.

Прогремел выстрел из стартового пистолета. Катарина слегка ударила Сурта пятками по ребрам, но это, в общем, было излишне – умница-медведь и так уже несясь вперед, вздымая облака снежной пыли.

Им сразу же удалось занять третье место в шестерке – не так плохо, если учесть, что номером первым шел легкий и быстрый Гарм, а номером вторым – хитрый и опасный Локи, принадлежавший Анне Зиверс. Тяжелый Рудра топал за Суртом, отсекая его от Фафнира. Катарина обернулась и бросила быстрый взгляд на замыкающих. Эльза фон Лютцов, казалось, вовсе не была обеспокоена тем, что идет лишь пятой. Можно было подумать, что она выехала на прогулку и любит пейзажем, а не участвует в скачке Одина. Что касается последнего наездника, то им на этот раз оказалась Инга Шеффер, хозяйка медведицы по имени Лотта. Считалось, что медведицы уступают самцам в скорости, и это, в общем, было правдой, но Шеффер редко проигрывала гонки благодаря одной хитрости: дело в том, что белый медведь, боец свирепый и грозный, никогда не поднимет лапу на самку. Поэтому в конце скачки, когда в ход вовсю идут клыки и когти, Лотта получала огромное преимущество.

Особенность Долины Испытаний состояла в том, что ее первая треть была узкой, как бутылочное горлышко: здесь наездники могли скакать только в том порядке, который им удавалось занять в первые секунды гонки. Катарина, зная Долину лучше, чем маршрут от собственной спальни до ванной комнаты, успела подготовиться к моменту, когда пространство между нагромождениями ледяных глыб распахнулось на ширину двадцати с лишним метров, открывая простор для обгонов, финтов и маневров. Длина широкого участка была невелика – всего метров двести, так что следовало поторопиться.

Катарина упала на шею Сурту, крепко обхватила ее руками и изо всех сил пришпорила зверя пятками. Медведь послушно прибавил скорость, догоняя Локи. Как и предполагала Катарина, Анна Зиверс слегка потянула повод, отклоняя своего медведя вправо – таким образом, Сурт врезался бы в массивный зад Локи и сбил бы с шага. А Локи был достаточно коварен для того, чтобы для верности пнуть его задней лапой.

Катарина была готова к такому повороту событий, поэтому тоже приняла вправо – теряя в скорости, но выигрывая в маневренности. Сурт пронесся вплотную к синей стене тороса – девушка едва успела отдернуть ногу. А в Локи, так и не успевшего понять, что случилось, врезался массивный Рудра.

У Катарины не было времени смотреть, что происходит за ее спиной, она и так догадывалась, что звери Анны Зиверс и Лизы фон Гримау сшибли друг друга и ворочаются теперь в снегу, пытаясь подняться. Обычное дело для первого круга – один или два наездника всегда выбывают здесь из игры.

Она уже почти нагнала Гарма, когда мимо нее, с громоподобным рычанием, пролетел Фафнир. Эльза фон Лютцов казалась все такой же невозмутимой и бесстрастной, как и в начале гонки. Она даже не думала натягивать поводья – просто сидела, чуть откинувшись назад, и предоставляя зрителям догадываться, как ей удастся удерживать равновесие на спине исполинского зверя, мчащегося вперед со скоростью пули.

За скачкой Одина наблюдали сейчас все обитатели Туле. В Последнем Убежище было не так много развлечений, и Игры Валькирий неизменно приковывали к себе всеобщее внимание. Вдоль всей Долины Испытаний были размещены поворачивающиеся на оси камеры.

Фафнир обошел Гарма так легко, как опытный атлет обходитковыляющего на костылях инвалида. При этом он повернул свою морду в бериллиевой маске и коротко рыкнул на соперника, да так, что Гарм шархнулся в сторону, едва не сбросив свою наездницу.

Это был шанс, которым следовало во что бы то ни стало воспользоваться. Катарина изо всех сил натянула поводья Сурта, и ее медведь помчался по следу, проложенному Фафниром, мимо ошарашенного Гарма.

Первым финишировал Фафнир. За ним – Сурт, потом Лотта и только за ней – Гарм. Рудра и Локи, как и предполагала Катарина, просто не уложились в отведенное на прохождение первого круга время. Таким образом, их осталось четверо.

Пока медведи приходили в себя, шумно лакая воду, Катарина незаметно наблюдала за фаворитом гонки. Эльза фон Лютцов по-прежнему ничуть не интересовалась происходящим вокруг – просто стояла рядом со своим монстром, терпеливо ожидая, пока он напьется.

Хельга Мюллер подошла к ней и резким тоном произнесла несколько слов – каких именно, Катарина не услышала. Эльза усмехнулась – так могла бы улыбаться Снежная Королева – и коротко что-то ответила. Наездница Гарма побледнела, закусила губу и быстро вернулась к своему зверю.

– Ничего, мой мальчик, – ласково прошептала Катарина на ухо Сурту. – Пусть злятся друг на друга, пусть говорят друг другу гадости... А мы просто у них выиграем!

Второй круг скачки Одина проходил по местности, известной как Озерный край. Никаких озер тут, разумеется, не было – просто среди торосов тут и там чернели трещины и ямы, заполненные ледяной водой. Наиболее распространенной тактикой на втором круге было сталкивание противника в эти ямы. Белые медведи прекрасно плавали и любили воду, но для наездника даже минутное пребывание в ледяной купели оборачивалось термическим шоком и автоматическим выбыванием из гонки. Поэтому опытные наездники, почувствовав, что их зверя сталкивают в воду, старались выскочить из седла и упасть в снег, что на большой скорости было довольно опасно. На прошлых Играх именно в Озерном

крае погибла лучшая подруга Катарины Марта Хирт – она прыгнула со спины летевшего в трещину с водой медведя и раскроила себе череп о таившийся под снегом острый край тороса.

Катарина сразу пустила Сурта в карьер, выбрав маршрут, проходивший через несколько довольно узких трещин. Сурт был хорошо обучен брать препятствия, и девушка надеялась, что эти трещины он перепрыгнет.

Пару раз это действительно сработало, но потом ее нагнал Фафнир и начал оттеснять вправо, явно намереваясь столкнуть в большую круглую полынью. Катарине пришлось притормозить, и Фафнир, довольно рыкнув, умчался вперед, подняв целую тучу снежной пыли. Задержка стоила Катарине дорого – ее обогнали Гарм и Лотта. Около полыньи Гарм вдруг упал на лед, словно кто-то подрезал ему сухожилия на всех четырех лапах. Налетевшая на него Лотта круто изменила свою траекторию и заскользила к краю полыньи. Ее наездница, Инга Шеффер, успела соскочить и кубарем покатилась в снег. Гарм вскочил, как ни в чем не бывало, и бросился догонять Фафнира. Катарина еще успела увидеть, как изрыгающая проклятия Инга мечется вдоль края полыньи, уговаривая Лотту вылезти на лед и продолжить гонку; потом мир для нее вновь сузился до мелькающей впереди серой туши Гарма и уверенно лидирующего Фафнира.

Гарма она обошла уже у самого финиша – просто рванула вслепую через торосы, не заботясь о том, что под тонким льдом могут оказаться полные водой ямы. Никаких подлых приемов, просто кураж и немного везения. В результате, Хельга Мюллер пришла третьей и выбыла из числа претендентов, поскольку в третьем круге скачки Одина соревновались лишь двое. Но Фафнир и его наездница снова были лидерами.

На сей раз Эльза фон Лютцов снизошла до того, чтобы поговорить с ней. Подошла и покровительственно похлопала по плечу.

– А ты молодец, девочка. Уверена, твоя бабушка тобой гордится.

– Ты знаешь мою бабушку? – спросила Катарина ровным тоном.

– Конечно, – улыбнулась Эльза. Она была небольшого роста, очень изящная, с маленькими руками и длинными пальцами пианистки. Почему-то именно эти пальцы бесили Катарину больше всего. – После сегодняшних гонок я подам ей рапорт о назначении меня капитаном стражи Большого Периметра. Ты же знаешь закон, девочка? Трехкратный победитель Игр имеет право на любую военную должность вплоть до полковничьей.

– Но ты же вроде еще не полковник, – хмуро сказала Катарина.

– После этих Игр я им стану.

– Тогда тебе остался пустячок, – Катарина постаралась, чтобы ее голос звучал как можно более спокойно. – Победить меня и Сурта в третьем круге.

Эльза фон Лютцов бросила на нее снисходительный взгляд.

– Знаешь, девочка, – сказала она, – мне бы не хотелось, чтобы Фафнир причинил вред твоему любимцу. В конце концов, зачем мне обижать внучку самого рейхсфюрера?

– На Играх все равны, – перебила ее Катарина. Эльза махнула рукой.

– Короче говоря, я не стану снимать с Фафнира маску. Это мое право, и оно тебя ни к чему не обязывает. Фафнир в любом случае сильнее твоего... гм... медвежонка.

Катарина почувствовала себя униженной. Как будто ее Сурта на глазах у всего Туле облили помоями.

– Это мы еще посмотрим, – проговорила она с угрозой. – Можешь снимать маску, можешь не снимать маску – нам это безразлично.

Третий круг скачки Одина проходил на гигантском ледяном торосе, в полном соответствии со скандинавской мифологией

получившем названием моста Биврёст. Длина тороса составляла немногим более километра, высота колебалась от десяти до тридцати метров. Падение с края Биврёста на острые ледяные глыбы внизу означало неминуемую гибель. В конце моста высилась сложенная из исполинских глыб льда арка – Врата Одина. Наездник, первым проехавший под этой аркой, считался победителем скачек.

Перед аркой торос расширялся, но поверхность его была здесь особенно скользкой. На этой площадке, расположенной слегка под наклоном, происходили финальные схватки скачек – то, ради чего, собственно, и принимали к экранам визоров изголодавшиеся по кровавым зрелищам обитатели колонии Туле.

Именно здесь медведи рвали на части друг друга и вражеских наездников. Мощные челюсти смыкались на горле противника, остро заточенные или окованные сталью когти вонзались в податливую плоть. Довольно часто поверженный зверь, оставляя за собой кровавый след, бессильно скользил вниз к краю площадки и падал к подножию Биврёста – один или со своим наездником. Дважды, напомнила себе Катарина, такое происходило с противниками Фафнира и его надменной хозяйки.

У нее был готов план действий – он заключался в том, чтобы избежать финального сражения. Фафнир постарается забежать вперед и перегородить ей дорогу, и произойдет это неподалеку от Врат Одина. Единственный способ предотвратить столкновение, в котором у нее не слишком много шансов на победу – это не пропустить его вперед, бежать зигзагами, заставить Эльзу рискнуть и попытаться обойти ее слева, там, где край Биврёста особенно скользок. Фафнир тяжел, может быть, судьба будет благосклонна к Катарине, и он сорвется с края тороса. А если нет... что ж, она попытается использовать те немногие шансы, которые у нее все-таки остаются.

План был хорош, но у него имелся единственный недостаток – Эльза фон Лютцов давно его просчитала. Вместо того, чтобы

проскользнуть слева от Сурта, она бросила Фафнира прямо на него. Фафнир зарычал и упал на медведя Катарина сзади. Девушке показалось, что ее спину через куртку обожгло огненное дыхание дракона. Огромные лапы со сверкающими сталью когтями оставили кровавые отметины на снежно-белых боках медведя Катарина. Сурт взревел от боли и обиды и круто повернулся к врагу – так круто, что Катарина едва удержалась в седле.

Фафнир ударил его головой в грудь.

Маска из бериллиевой бронзы сделала этот удар сокрушительным. Так же, как свинцовый кастет делает сильнее обычный удар кулаком. Катарина с запозданием поняла, что в отказе Эльзы снять маску со своего зверя не было ни капли благородства.

Сурт попятился и сел на снег. Катарина, чтобы не упасть, вцепилась в его шерсть так, что онемели пальцы.

Теперь Фафнир мог спокойно обежать противника и достичь Врат Одина первым. Сурт явно пребывал в состоянии, которое у людей называлось бы нокаутом.

Вместо этого Фафнир поднял огромную лапу и изо всех сил ударил Сурта по морде.

Сурт закричал. Катарина впервые слышала, как кричит ее зверь – обычно он или рычал, или взревывал, но подобный звук вырвался из его груди впервые. Это был пронзительный, почти детский крик, полный страдания и боли. Катарина увидела, как снежная морда медведя окрашивается кровью, увидела какой-то черный ошметок, болтающийся на конце стального когтя Фафнира...

Фафнир вырвал ее медведю глаз!

На мгновение Катарине показалось, будто она сама ослепла. Острая боль пронзила виски. Плохо соображая, что делает, она изо всех сил натянула поводья Сурта, заставляя медведя встать на задние лапы.

Фафнир был куда больше Сурта, но он стоял на четырех лапах. Поднявшийся на дыбы Сурт, ополоумевший от боли, ревел и кричал, нависая над противником. Его тяжелые лапы с когтями, мало уступавшими когтям Фафнира, беспорядочно рассекали воздух.

– Вперед, мальчик! – отчаянно крикнула Катарина, чувствуя, что соскальзывает с хребта медведя и цепляясь за кожаные поводья. – Вперед!

Сурт, ничего не видя и не понимая, шагнул вперед. Удар его лапы сшиб Эльзу фон Лютцов со спины Фафнира также легко, как шар сбивает кеглю в кегельбане.

Фафнир прыгнул назад, но было уже поздно. Сурт навалился на него и беспорядочно замолотил лапами по спине. Фафнир рванулся, отбрасывая врага в сторону, но Сурт вцепился зубами ему в бок, и оба гиганта медленно заскользили к ледяному краю Биврёста.

Когда медведи, обхватив друг друга лапами, словно два лучших друга, тяжело рухнули в пропасть, Катарина заставила себя подняться и медленно подошла к безжизненно распластанному на снегу телу Эльзы фон Лютцов.

Эльза была жива – просто потеряла сознание от удара. Катарина отцепила от пояса фляжку со шнапсом и тонкой струйкой стала лить его в рот бывшей сопернице.

– Проклятье, – произнесла Эльза, открывая глаза. – Это ты, девочка? Что произошло? Где Фафнир?

– В аду, – ответила Катарина, завинчивая крышку. – В специальном аду для подлых медведей.

– Ты что? – испуганно спросила Эльза, пытаясь отодвинуться. – Ты с ума сошла?

– Твой медведь просто был натренирован драться в маске, – сказала Катарина. – Это как если бы я вышла против тебя с голыми руками, а ты бы вышла с дубинкой. Очень хитро, Эльза. Очень подло.

Некоторое время фон Лютцов молчала – Катарина слышала только ее тяжелое дыхание.

– Мне нужно было стать капитаном стражи Большого Периметра, – сказала она, наконец. – Ради этого я научила Фафнира удару головой. Если бы ты внимательно смотрела записи прошлых Игр, ты бы видела, что я уже не первый раз... Эй, что ты делаешь?

– Ты уже никогда не будешь капитаном стражи Большого Периметра, сука, – сказала Катарина фон Белов, наступая своим подкованным сталью сапожком на левое запястье Эльзы фон Лютцов.

Эльза изумленно вскрикнула. Из-под снежно-белой полоски меха на шлеме смотрели на нее светлые, полные ненависти, глаза.

– И на рояле ты тоже больше никогда играть не сможешь, – добавила Катарина, занося ногу над правым запястьем Эльзы. – Ты станешь никому не нужной калекой, которая даже задницу сама себе вытереть не умеет.

Кто-то крепко схватил ее сзади за плечо. Катарина, не оборачиваясь, попробовала сбросить руку, но пальцы, сжавшие ее ключицу, казались выкованными из железа.

– Катарина фон Белов! – требовательно произнес чей-то знакомый голос.

Катарина в бешенстве повернулась. Перед ней стояла адъютант ее бабушки, оберлейтенант СС Шарлотта Фриз.

– Оставьте в покое лейтенанта фон Лютцов, – приказала Фриз. – Вас немедленно требует к себе рейхсфюрер.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Генерал Свиридов

Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан.

Борт станции «Земля-2»

1

После совещания Андрей зашел в бар и одним глотком выпил кофе. Предстояло поговорить со Свиридовым насчет спрута. Из-за разногласий насчет судьбы станции и после его, конечно же неосторожного, выпада в адрес спецслужб, Гумилев понимал — разговор будет непростым, но отказаться от него было невозможно.

Генерала Андрей нашел в одном из служебных помещений нижней палубы – тот вместе с подполковником Поздняком и лысоватым мужчиной в синем костюме техника изучал какие-то схемы на экране монитора. Когда Гумилев вошел в помещение, Поздняк как бы ненароком загородил экран своим телом.

– Я не помешал? – на всякий случай поинтересовался Андрей.

– Мы проверяем возможность подключения систем станции через резервный пульт управления, – нехотя сказал Свиридов.

– Товарищ генерал! – начал было Поздняк, но Свиридов так свирепо посмотрел на него, что подполковник замолчал на полуслове.

– Господин Гумилев знает эту станцию лучше, чем мы с вами, – тон Свиридова не оставлял сомнений в том, что лично он сожалеет о такой осведомленности Андрея. – Бессмысленно держать от него в тайне наши планы.

– Вы хотите взять управление на себя? – Гумилев в упор посмотрел на генерала.

– У меня нет другого выхода. На станции происходят чудовищные убийства. В этих условиях я, как представитель госбезопасности, просто не имею права действовать по-другому.

– И что вы станете делать, когда замкнете на себя каналы управления?

Свиридов заиграл желваками.

– Об этом я сообщу вам в свое время, Андрей Львович.

Некоторое время мужчины молча смотрели друг на друга. У Свиридова явно было гораздо больше опыта в такой игре в гляделки, и Гумилеву ничего не оставалось, как отвести взгляд.

– Я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз.

– Хорошо, только недолго.

«Вот как ты заговорил, – усмехнулся про себя Гумилев. – Дашь понять, что я не такая уж важная птица, чтобы тратить на меня драгоценное время. Что ж, поглядим».

Они вышли в коридор. Генерал прислонился к стене, вытащил из кармана портсигар и сунул в рот сигариллу. Зажигать он ее, впрочем, не торопился.

– У вас есть какие-либо версии происшедшего? – без церемоний спросил его Андрей.

Генерал жестко усмехнулся.

– А у вас есть полномочия расспрашивать меня об этом?

– Мне казалось, у нас с вами нет оснований не доверять друг другу...

– Да? – удивился Свиридов. – Почему же? Только потому, что я помогал вам искать пропавшую жену?

– При чем здесь Ева?

– Ну, Бунин же обещал вам, что вы найдете ее здесь, в Арктике... Разве нет?

Гумилев разозлился.

– Послушайте, генерал, я понимаю, что вы специально обучены вести разговор так, как нужно вам, а не собеседнику, но я пришел к вам не для того, чтобы обсуждать местонахождение Евы.

– Понимаю, – теперь в глазах Свиридова появилось что-то похожее на сочувствие. – Вам это теперь даже как-то и неловко. Придется выяснять отношения с няней...

«Он меня провоцирует, – понял Андрей. – Хочет, чтобы я сорвался и наговорил ему грубостей. Э, нет, генерал, ты хитер, а я хитрее».

– С этой проблемой я как-нибудь разберусь, – сказал он миролюбиво. – А вот с опасностью, которая угрожает всем нам, мы можем разобраться только вместе.

– И что же это за опасность?

– На станции находится убийца, вооруженный чудовищной силы оружием. Это аномальный предмет «Морской Конек».

– Ого, – ухмыльнулся Свиридов, – и откуда же такая осведомленность? Полагаю, и здесь без Бунина не обошлось?

– Бунин рассказал мне кое-что интересное. По его словам, вы – начальник управления ФСБ, которое занимается аномальными предметами. Это так?

Взгляд Свиридова стал ледяным.

– Андрей Львович, не задавайте мне вопросы, на которые я заведомо не стану отвечать. Мы здорово сэкономим время.

Гумилев мысленно сосчитал до десяти. Кажется, помогло.

– Вы знаете, что такое Морской Конек?

– Допустим.

– Тогда вы должны представлять себе масштабы разрушений, которые он может причинить. Повреждение рубки и вывод из строя Фрама был только началом. К тому же, я уверен, что все убийства на станции совершены именно с помощью этого артефакта.

– И что вы предлагаете?

Вопрос прозвучал так, что Гумилев понял, что бы он ни сказал, генерала это не заинтересует.

– При обыске вы изъяли у Бунина предмет Спрут. Он позволяет видеть, где находятся другие аномальные предметы. Давайте вернем Спрута профессору, чтобы он вычислил хозяина Конька.

– Это все? – сухо спросил Свиридов.

– По-моему, это совершенно логичный шаг в сложившейся ситуации, – Андрей вдруг ясно понял, что напрасно затеял этот разговор.

– А по-моему, Андрей Львович, вы вмешиваетесь не в свое дело, – отрезал генерал. – Расследование убийств на станции полностью находятся в моей компетенции, и все, что связано с аномальными предметами – мое дело, но никак не ваше. Предлагаю вам заняться чем-нибудь более полезным. Поиграйте с дочкой, успокойте Марго. А обеспечение безопасности предоставьте профессионалам.

Он вытащил изо рта так и не зажженную сигариллу и, осмотрев ее со всех сторон, сунул в карман пиджака.

– А теперь, если у вас нет больше предложений, касающихся моих должностных обязанностей, я, с вашего позволения, вернусь к более насущным проблемам...

– А ведь раньше вы так со мной не разговаривали, генерал, – сказал Андрей в спину Свиридову. – Почему-то у меня складывается впечатление, что вы специально стараетесь вывести меня из себя...

– Вы раньше тоже по-другому разговаривали, – усмехнулся Свиридов. – Все течет, все меняется, Гумилев. Выпейте виски, расслабьтесь, честное слово, лучше будет...

Дверь за генералом закрылась.

Андрей почувствовал себя оплеванным. Он уже и забыл, когда последний раз с ним разговаривали в таком тоне.

«Он говорил со мной так, как если бы я был подозреваемым, – мелькнула внезапная мысль. – Подозреваемым, которого нуж-

но любыми средствами вывести из себя, чтобы подтолкнуть к очередному преступлению... Черт, неужели генерал действительно считает, что я мог убить Алферову? И эту дуру Жанну заодно?»

Неожиданное открытие ошеломило Андрея. В то время, как он рассматривал генерала в роли предполагаемого убийцы, ему как-то не приходило в голову, что генерал может рассматривать в этой роли его.

В мрачной задумчивости он поднялся в кают-компанию и попросил у стюарда стакан свежесжатого сока. Тот удивился, но немедленно выполнил заказ.

Андрей присел на кожаный диван под иллюминатором. Незаходящее северное солнце отбрасывало на лед длинные тени. Смотреть на надоевший арктический пейзаж не хотелось, и Гумилев принялся раскладывать на лакированной поверхности столика зубочистки – чем-то подобным занимался в виденном им в детстве фильме советский разведчик, вычислявший предателя...

Вот переломанная зубочистка – Алферова. А вот еще одна – Жанна. Что их объединяет? Во-первых, обе они женщины... что за бред? На станции действует маньяк-женоненавистник?

Во-вторых, Алферова перед своей смертью была крайне взволнована, пыталась рассказать Андрею о какой-то опасности, нависшей над станцией. А Жанна устроила истерику, требуя повернуть «Землю-2» назад.

Нет, ерунда. Если Алферова боялась чего-то скрытого, известного ей одной, то истерика подружки писателя была вызвана ужасной гибелью капитана. Скорее всего, об опасности, про которую твердила Надежда, она ничего не знала...

Так, стоп! Истерика... Истерика была связана с тем, что... Жанна хотела вернуться обратно. Хотела, чтобы станцию развернули. А Надежда была капитаном станции и также отвечала за ее передвижение. Так, так, так... На совещании были люди,

которые категорически отказывались разворачивать станцию и возвращаться на ледокол... Беленин? Беленин вложил в проект кучу денег и очень хотел найти здесь нефть... Если бы станцию развернули... Нет. Опять не то. В этом был мотив убрать Жанну, которая первая подняла тему возвращения, но не было смысла убирать Алферову, ведь она и так вела станцию к предполагаемым месторождениям. Бред.

Что еще? Жанна последние два дня не отходила от Беленина. Журавлев-Синицын вполне мог приревновать ее к олигарху. А Алферова могла пасть жертвой человека, который ревновал к ней Андрея.

Марго?

Да что же это такое!

Он положил рядом с двумя сломанными зубочистками еще одну – Бунина.

Профессор теоретически мог убить Алферову. И совершенно точно не мог убить подругу писателя.

Либо он вообще ни при чем, либо на станции находятся два убийцы. Допустим, Бунин убил Алферову – зачем? – и, испугавшись, отдал Конька кому-то другому. Назовем этого другого Мистер Икс. Когда Бунин начал рассказывать Андрею о тайнах предметов, Мистер Икс убил Жанну. Опять же, каков мотив?

А может быть, никакого мотива не было? Может быть, Мистер Икс убил первую попавшуюся жертву просто для того, чтобы отвести подозрение от Бунина?

Значит, профессор все-таки может быть убийцей. И Свиридов был прав, что не согласился вернуть ему спрута даже для следственного эксперимента?

Андрею показалось, что в голове у него медленно закипает мозг. Это только в книжках и фильмах проницательный герой легко разоблачает козни преступника. А в жизни возможны десятки вариантов, каждый из которых, так или иначе, затрагивает хорошо знакомых тебе людей...

– Головоломку разгадываешь? – за столик присел Кирсан Илюмжинов с чашечкой кофе в руке. – Как сложить слово «ВЕЧНОСТЬ» из четырех букв?

– Вроде того, – хмуро ответил Андрей. – Гадаю, кому выгодно было убивать Алферову и Жанну.

– Что Свиридов? Отказал?

– А как ты догадался?

– Знаешь, я никогда не питал к нашему бультерьеру особой симпатии, но после убийства Алферовой он стал еще больше похож на держиморду. Я бы не удивился, если бы он попробовал запереть нас всех в каютах – так, для профилактики.

– Может, еще и попробует... Сейчас они пытаются переключить на себя ручное управление станцией.

– Ну, для этого им придется долго ругаться с Ковалевым. А твой дружок умеет быть таким занудой, что я им, честно говоря, не завидую.

– Странно все это, – покачал головой Гумилев. – Из того, что Свиридов подозревает Бунина в убийстве Надежды, совсем не вытекает, что его помощью нельзя воспользоваться для обнаружения Конька. Между тем, стоило мне об этом заикнуться, он едва ли не прямым текстом послал меня по известному адресу...

Илюмжинов помолчал, отхлебнул кофе.

– Логически рассуждая, такое может быть, если Свиридов не хочет, чтобы Бунин – или кто-то, кто будет рядом с ним во время эксперимента – увидел, какой предмет у него самого. Но Бунину никто не мешал увидеть это и раньше, пока его ни в чем не подозревали. Значит...

– Значит, этот предмет появился у генерала уже после того, как у Бунина отобрали спрута!

Андрей почувствовал, как по спине у него пробежал холодок.

– Думаешь, это мог быть Морской Конек?

Илюмжинов пожал плечами.

– Слишком мало информации. Что мы знаем о предметах? Что они дают своим хозяевам определенные сверхспособности, что к некоторым из них, таким, как спрут, надо более или менее долго привыкать, и что на станции «Земля-2» их, по крайней мере, три, а скорее всего, больше.

– Вот что значит – шахматист, – невесело усмехнулся Гумилев. – Все разложил по полочкам!

– Один предмет – у меня, – продолжал, не слушая его, Кирсан. – Это Единорог. Второй предмет был у Бунина, а теперь находится у Свиридова. Это Спрут. Третий, о котором мы можем судить только по характеру повреждений, нанесенных Алферовой и этой... Жанне – вероятнее всего, Морской Конек.

– Хочешь сказать, на станции есть и другие предметы?

– Во всяком случае, это очень вероятно. Меня, честно говоря, вообще напрягает это обилие предметов. Я за всю свою предыдущую жизнь видел только два – Лиса да Единорога, а тут просто какое-то хранилище. Вот сижу я и думаю: а кому понадобилось всю эту коллекцию предметов тащить с собой на Северный полюс? И главное – для чего?

Андрей допил свой сок, знаком показал стюарду – повторить. В горле пересохло, как если бы он пробежал десять километров по пересеченной местности.

– У меня нет на это ответа, Кирсан, – сказал он медленно. – Только предположения. И эти предположения мне совсем не нравятся...

– Поделишься?

– Мне все больше кажется, что мы только пешки в чьей-то чужой игре. Тебе, как шахматисту, эта аналогия должна быть близка.

Кирсан хмыкнул.

– Ну, ты-то наверняка не пешка, Андрей. По крайней мере – конь.

– Спасибо, утешил!

– Но, в целом, ты прав. Идет какая-то скрытая, закулисная игра. И все поступки, которые мы совершаем, только кажутся самостоятельными. На самом деле мы делаем то, чего от нас ожидают невидимые кукловоды.

Андрей вспомнил изломанное тело Алферовой, похожее на сорвавшуюся с нитей марионетку.

– Пора сделать ход, которого от нас не ожидают!

– Какой?

– Надо забрать спрута у Свиридова. Ясно, что по доброй воле он нам его не отдаст...

– Предлагаешь отнять предмет силой? Мне кажется, старикан еще вполне крепок, чтобы отбиться. Да и Папа мне говорил, что предметы, полученные с помощью насилия, не работают...

– Что? Твой папа тебе такое говорил?

– Причем здесь мой папа? Иоанн Павел Второй во время аудиенции в Ватикане... Помнишь, я тебе рассказывал?

– Да... слушай, но это же все меняет!

– Что меняет?

– Свиридов просто не может воспользоваться Спрутом! Он же фактически отобрал его у Бунина при аресте! Для него этот предмет бесполезен!

– Ну и для нас будет бесполезен, если мы захотим отнять его у генерала. К тому же Спрут – сложный предмет, к нему надо привыкать, а времени у нас нет...

– Вот тебе и сделали самостоятельный ход, – Андрей даже зубами скрипнул от злости. – Нет, в этой пьесе все роли расписаны до самого финала...

– Знаешь, – задумчиво сказал калмык, – мне почему-то кажется, что следующего хода осталось ждать совсем недолго. Не исключено, конечно, что один из нас этого уже не увидит... но если нам повезет, мы, может быть, поймем, чего добивается тот, кто превратил нас в шахматные фигурки...

Гумилева разбудил какой-то странный звук. Он открыл глаза и некоторое время лежал в темноте, прислушиваясь. Гудение двигателей стало громче, в нем словно бы появились надрывные нотки. Станция шла ровно, без рывков и торможений, но Андрея не покидало ощущение, будто во сне он почувствовал какое-то изменение ее плавного ритма.

Потом он увидел широко открытые, испуганные глаза Марго и понял, что она проснулась тоже.

– Что случилось? – одними губами спросила девушка.

Гумилев покачал головой.

– Не знаю. А почему ты не спишь?

– Как будто толкнуло что-то...

– Может, и толкнуло. Мне показалось, что станция начала разворачиваться. Да и двигатели гудят как-то непривычно, словно включили режим форсажа. Думаю, Свиридов все-таки взял управление на себя...

Он рывком сел на постели, спустил ноги на пол, нашарил в темноте тапочки.

– Куда ты? – в голосе Марго была паника.

– Не бойся, малыш. Я только схожу, проверю, все ли в порядке в рубке. Закрой за мной дверь и никому не открывай, договорились?

– Не уходи! Пожалуйста!

– Малыш! Что это за детские капризы! Тебе здесь совершенно ничего не грозит. Присмотри за Маруськой, а я скоро вернусь.

– Я боюсь не за себя, – тихо произнесла девушка. – Я боюсь, что что-то плохое случится с тобой...

До рубки Гумилев не дошел. У лестницы, ведущей на верхнюю палубу, его чуть не сбил с ног Поздняк.

– Что вы здесь делаете? – рявкнул подполковник.

– Вот что, подполковник, – сказал Андрей холодно, – если вы еще раз позволите себе этот хамский тон, вместо того, чтобы

обратиться по имени-отчеству, то я приложу все усилия, чтобы по возвращении вас разжаловали сразу в младшие лейтенанты. Я понятно выражаюсь?

Поздняк посмотрел на него дикими глазами.

– Да вы... да вы что себе позволяете? Скажите спасибо, что не сидите под арестом, как ваш дружок Бунин!

Андрей схватил его за грудки и с силой припечатал к стене коридора.

– Что, в убийцы меня записали, рыцари плаща и кинжала хреновы? Сами развели тут тайны мадридского двора, превратили научную экспедицию в какую-то игру на выживание! Что случилось со станцией двадцать минут назад? Почему двигатели работали на форсаже?

– Руки уберите, – буркнул Поздняк уже не так агрессивно. – Откуда я знаю, что случилось со станцией? Ее ведет ваш Ковалев, генерал не отстранял его от командования. А потом... такое впечатление, что мы резко изменили курс. Я пытался дозвониться до генерала, но он не берет трубку. Может быть, теперь вы все-таки расскажете, что делали здесь? Андрей Львович, – добавил он, помедлив несколько мгновений.

– Да то же, что и вы, – порыв бешенства, охвативший Андрея, уже прошел. – Мне показалось, что станция то ли повернула, то ли вообще взлетела в воздух. Вот и решил проверить...

За спиной раздались торопливые шаги. Андрей обернулся и увидел Арсения Ковалева.

– А ты почему здесь? – устало спросил он.

– У нас ЧП, – хрипло гаркнул Ковалев. – Кто-то влез в компьютер и изменил навигационную программу. Мы снова идем на север.

– А вы где были, когда кто-то шарил в вашем компьютере? – мгновенно ощерился Поздняк. Ковалев махнул рукой.

– В том то и дело, что я был в рубке, на дежурстве. Совершенно один. И тут вдруг... станция повернула так резко, что даже

накренилась. И это, заметьте, несмотря на мощный гироскоп, который делает качку совершенно нечувствительной! Я сразу же бросился к мониторам... и выяснил, что кто-то только что поменял вводные в навигаторе.

Андрей не верил своим ушам. Кто-то управлял станцией дистанционно даже после того, как он отключил систему? Но как такое могло быть? Андрей решил при первой же возможности связаться с Саничем. Возможно, он бы смог это как-то прокомментировать, хотя какая теперь разница?

– Вы сообщили генералу? – спросил Поздняк.

– Нет. Я хотел, но у него никто не берет трубку.

– Пойдемте к Свиридову, – решил Андрей. – В конце концов, он заварил эту кашу с параллельным управлением, он пусть ее и расхлебывает.

Дверь каюты Свиридова была заперта. Поздняк деликатно постучал по пластику костяшками пальцев – безрезультатно.

– Разве так стучат? – презрительно спросил Гумилев. – Вот как надо!

И трижды грохнул в дверь кулаком, надо признать – не без удовольствия.

В ответ из-за двери донесся слабый стон.

– С ним что-то не то, – взволнованно проговорил Поздняк. – Андрей Львович, надо открыть дверь...

– У вас что, нет табельного пистолета? – усмехнулся Гумилев.

– Или вы так боитесь потревожить начальника? Арсений, где у нас дубликаты ключей от кают?

– В сейфе в каюте капитана. Принести?

– Ну не ломать же ее. Ты же сам настаивал, чтобы делать двери кают сверхпрочными.

Пока Ковалев ходил за ключами, Поздняк приник к замочной скважине, пытаясь разобрать, что за звуки доносятся из каюты генерала. Лицо его мрачнело с каждой минутой, но с Андреем он больше не разговаривал.

Наконец, вернулся Арсений. Гумилев взял у него плоский чип электронного ключа и приложил к сенсорной панели.

Дверь открылась.

В каюте было темно. Андрей протянул руку и щелкнул выключателем. Ничего не произошло – видимо, лампочка во встроеном в потолок плафоне перегорела.

– Подполковник, – сказал Гумилев, не оборачиваясь. – У вас есть фонарик?

Фонарик у подполковника был. Его луч неуверенно пополз по ковру, выхватывая из темноты разбросанные по нему предметы – блокнот, ручку, хорошо знакомый Гумилеву портсигар с сигариллами, – и вдруг замер, наткнувшись на большое, грузное тело, ничком лежавшее между дверью и письменным столом.

– Товарищ генерал! – вскрикнул Поздняк и бросился в каюту. Андрей крикнул ему что-то предостерегающее, но подполковник не слышал.

Он опустил на корточки рядом с неподвижным телом, выверенным жестом положил пальцы на шею генерала.

– Жив! – воскликнул он, спустя несколько мучительно длинных секунд. – Пульс есть, хотя и слабый! Нужен врач! Срочно нужен врач!

– Так идите за ним! – рявкнул Гумилев. – Тоже нашли моду – гонять всех, как курьеров. Может, вы меня хотите послать за врачом? Или руководителя экспедиции?

– Хорошо, – на этот раз подполковник не стал спорить, – я сейчас вернусь с врачом. А вы пока попробуйте хотя бы свет здесь зажечь... должны же быть тут какие-нибудь еще лампы...

– Фонарик нам оставьте, – сказал Андрей, – и все мы вам найдем.

Когда шаги Поздняка затихли в коридоре, он посветил фонарем в лицо Свиридову. Оно было багровым, налившимся нездоровой кровью, как будто генерала долго душили. Никаких видимых повреждений на теле Свиридова не было; во всяком

случае, руки и ноги выглядели не сломанными, и на изуродованную куклу он не походил.

– Может, с ним insult случился? – предположил Ковалев.

– Угу, – сказал Гумилев, – удар... аполексический. Генерал, вы меня слышите?

Генерал не слышал. Он был без сознания, и только иногда со свистом и хрипом втягивал в себя воздух.

– Арсений, – попросил Андрей, – посторожи там у выхода...

– Что посторожить?

– Чтоб никто посторонний не зашел, – туманно ответил Гумилев. Когда Ковалев вышел в коридор, он быстро ощупал карманы Свиридова, чувствуя себя мародером. Спрут обнаружился в правом внутреннем кармане пиджака. Взяв его в руку, Андрей ощутил уж знакомое чувство холодной вибрации, прошедшей через пальцы и запястье к локтю.

«Ну вот и все, – подумал он отстраненно. – Спрута я забрал. И как все легко получилось – будто кто-то решил мне в этом помочь. И для верности едва не грохнул генерала...»

Он хотел было поискать в вещах Свиридова другие предметы, но в этот момент в каюту ворвался Поздняк, тащивший за собой сонного и ничего не понимающего врача.

– Доктор! Вы обязаны его спасти!

– Разумеется, – пожал плечами врач. – Я давал клятву Гиппократата...

– Плевать я хотел на ваши клятвы! Просто имейте в виду, что от этого человека зависит жизнь всех нас, и ваша – не исключение!

Гумилев усмехнулся. Ему окончательно стало ясно, что подполковник Поздняк тоже был пешкой. Тупой деревянной пешкой, которая верит, что ходит по шахматной доске по своей собственной воле.

Андрей дотронулся до лежащего в кармане брюк спрута и вышел из каюты.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Искусство говорить правду

Сентябрь 2008 года (за 10 месяцев до описываемых событий).

Москва, штаб-квартира ГУАП на Пречистенке

1

Генерал Свиридов терпеть не мог длинные совещания.

Он считал, что люди, которые не умеют выражать свои мысли кратко и дельно, выжимая из огромного вороха фактов самое важное, попросту крадут чужое время. Поэтому, если кто-нибудь из его подчиненных начинал «растекаться мыслью по древу», генерал немедленно прерывал его, негромко постукивая ладонью по столу. Этот звук был прекрасно известен сотрудникам ГУАП, и мало кто из них рисковал после предупреждения генерала продолжать, как выражался Свиридов, «плетение словес». Обычно, услышав постукивание генеральской ладони, выступающий конфузился, говорил: «У меня все» и замолкал.

Поэтому совещания у Свиридова проходили быстро и поделовому. Структура, которую возглавлял генерал, была небольшой: в ее штате состояло всего двадцать человек. В совещаниях участвовали, разумеется, не все – только начальники отделов. А таковых в ГУАПе было всего четыре.

Отдел оперативных мероприятий возглавлял подполковник Олег Поздняк. Это был крепкий мужчина средних лет весьма непримечательной наружности. В ГУАП он пришел из управления оперативно-технических мероприятий ФСБ, и был большим специалистом в области прослушивающих устройств.

Начальником отдела внешних связей ГУАП был полковник Владлен Сумах, работавший со Свиридовым еще в Первом Главном управлении КГБ. По приобретенной во время работы в лондонской резидентуре привычке Сумах носил исключительно костюмы, пошитые у портных с Севил Роу, трость эбенового дерева и курил вересковую трубку. За глаза полковника называли «Лорд». Отдел Сумаха занимался вовсе не налаживанием контактов между ГУАП и аналогичными спецслужбами за рубежом, как можно было подумать, специалисты отдела искали предметы по всему миру, но старались делать это в режиме строгой секретности.

Отдел перспективных исследований отвечал за изучение предметов, находившихся в распоряжении ГУАП. Им руководил единственный гражданский сотрудник спецслужбы – доктор физико-математических наук Игорь Шумейко. Еще до развала Советского Союза Шумейко работал над созданием двигателя нового типа, используя разработки австрийского изобретателя Шаубергера. После 1991 года финансирование этого направления было прекращено, а недруги Шумейко в Академии наук обвинили его в шарлатанстве и разбазаривании государственных средств. В результате, как это довольно часто бывает, двигатель, уже проходивший полевые испытания, был списан с баланса института, где работал Шумейко, и едва не угодил под кузнечный пресс. Только вмешательство Свиридова, носившего тогда полковничьи погоны, спасло детище Шумейко от отправки в металлолом.

Причина, по которой Свиридов заинтересовался разработкой Шумейко, была проста: полковник служил в секретном подразделении, занимавшемся, помимо всего прочего, богатым техническим наследством Третьего Рейха. Подразделение это называлось «отдел А» и входило в состав оперативно-технического управления КГБ. Именно «отдел А» был непосредственным предшественником ГУАП – Главного управления аномальных предметов.

Старожилы Управления рассказывали, что структура, занимавшаяся аномальными предметами, была создана еще во время Великой Отечественной войны по приказу Лаврентия Павловича Берии. Тогда в руки советских разведчиков попали первые аномальные предметы, а политическое руководство страны впервые осознало стратегическую важность фигурок, сделанных из неизвестного науке серебристого металла и обладающих мистическим свойством наделять своих владельцев сверхъестественными способностями.

После смерти Сталина и расстрела Берии новое руководство госбезопасности попыталось прикрыть это направление. Отчасти, это было связано с тем, что победивший во внутрипартийной борьбе за власть Никита Хрущев был реалистом до мозга костей и ни в какую мистику не верил. Возможно, отдел, занимавшийся аномальными предметами, расформировали бы, но грянул Карибский кризис, в котором таинственные серебристые фигурки сыграли не последнюю роль. Узнав о том, что президент США Джон Фицджеральд Кеннеди владеет одним из самых могущественных предметов – Орлом, Хрущев приказал председателю КГБ Семичастному «принять меры». Операцию по доставке Орла в Советский Союз возглавил молодой капитан госбезопасности Свиридов.

С тех пор судьба Свиридова была тесно связана с серебристыми фигурками. Блестящей карьеры Свиридов не сделал, хотя использование некоторых аномальных предметов могло бы сильно облегчить ему эту задачу. Но когда в 1999 году было принято решение расширить полномочия «отдела А», у руководства ФСБ не возникло даже тени сомнения, кого следует поставить во главе нового управления.

За девять лет, проведенных у руля ГУАП, Свиридову удалось сделать многое. Его сотрудники отыскали и привезли в Москву дюжину новых предметов, некоторые из которых относились к категории сверхмощных. Было установлено местонахождение

еще двух десятков предметов, которые решено было не изымать: они не обладали свойствами, делающими их опасными или стратегически важными, и ГУАП было достаточно просто держать под наблюдением их владельцев.

В августе 2008 года на стол Свиридову легла записка от сотрудника резидентуры СВР в Сингапуре. Формально сотрудник не имел отношения к ГУАП, но внутренняя инструкция предписывала офицерам Службы внешней разведки сообщать Свиридову любую информацию, касающуюся аномальных предметов. В записке шла речь о попытке похищения жены и дочери известного российского миллиардера Андрея Гумилева, предположительно предпринятой одной из сингапурских Триад. Попытка сорвалась, но в ходе полицейского расследования всплыла информация о некоем предмете из серебристого металла, изображавшем то ли ящерицу, то ли саламандру. Предмет этот жена миллиардера, Ева Гумилева, получила от неизвестного индуса за день до похищения.

Прочитав записку, генерал Свиридов напрягся, как старый боевой конь при звуках полковой трубы. Он многое знал о предмете «Саламандра», по легенде дарующем своему обладателю бессмертие. Последний раз Саламандра появлялась на горизонте лет тридцать назад, и с тех пор о ней не было ни слуху, ни духу.

Генерал приказал установить круглосуточное наблюдение за женой Андрея Гумилева. Учитывая статус ее мужа, сделать это было непросто, но профессионалы из отдела Поздняка выполнили задание на совесть. Им удалось завербовать кухарку Гумилева, Ларису, и с ее помощью отслеживать каждый шаг Евы. Наблюдение выявило целый ряд любопытных деталей, которые не давали Свиридову покоя: он, например, никак не мог понять, зачем Еве, готовившейся к экспедиции в восточно-сибирскую тайгу, понадобилось монтировать видеоролики из кадров своих предыдущих поездок в лагерь «Реликт» и записывать их на свой рабочий компьютер.

Наблюдение за Евой велось до того момента, как она села в самолет, вылетающий в Хабаровск. Там ее должны были встретить сотрудники наружки местного управления ФСБ, но Гумилевой удалось каким-то образом проскользнуть мимо них незамеченной. Разгневанный Свиридов отправил в Хабаровск Поздняка, но тот тоже вернулся ни с чем. В лагере «Реликт» Евы Гумилевой не оказалось. Жена миллиардера словно растворилась в тайге.

К этому моменту Свиридов уже познакомился с самим Гумилевым в Арктическом клубе. Миллиардер попал в поле его зрения уже давно, задолго до того, как Ева Гумилева получила в Сингапуре фигурку Саламандры. Но обстоятельства сложились так, что личное знакомство удалось свести только после того, как ГУАП начал разработку Евы.

Генерал Свиридов не верил в случайные совпадения. А вот в судьбу – верил, слишком уж много ему приходилось сталкиваться с мистической стороной жизни, на которую большинство его коллег предпочитало закрывать глаза.

Сейчас он собрал начальников отделов для того, чтобы обсудить дальнейшую стратегию ГУАП в отношении Гумилева и арктической экспедиции. Экспедиции, за чью безопасность он отвечал по личному распоряжению директора ФСБ.

– По-прежнему не понимаю, почему именно ГУАП, – осторожно произнес глава отдела информации полковник Зимин. – Мне кажется, контроль над нефтегазовыми месторождениями не входит в компетенцию нашего Управления.

Свиридов усмехнулся. Зимин беспокоился, потому что чувствовал – генералу известно что-то, ускользнувшее от него самого. А поскольку глава отдела информации обязан был быть самым осведомленным человеком в Управлении, эта ситуация его злила.

– Нефть и газ имеют первостепенное значение для России, – сказал он веско. – А мы обязаны защищать интересы России своими средствами.

Зимин опустил глаза. Генерал явно не собирался выкладывать на стол все свои козыри.

– Но зачем нам тащить на Северный полюс Гумилева? – спросил Поздняк. – Он свое дело уже сделал – дал денег на экспедицию. Не слишком ли мы все усложняем, товарищ генерал?

– Усложняем? – Свиридов прищурился. – Что вы имеете в виду, подполковник?

Поздняк пожал плечами.

– Ну, все-таки Андрей Львович – фигура статусная. Охрана, собственная служба безопасности, повышенное внимание прессы, одним словом – олигарх. Не помешает ли присутствие такого лица достижению поставленных нами задач?

– Нет, – коротко ответил Свиридов. – Не помешает.

Он помолчал, пригладил ладонью жесткий ежик седых волос.

– Гумилев – ключевая фигура всей операции. Мало того, что он является инициатором создания станции «Земля-2», которая должна существенно облегчить доступ к нефтяным залежам арктического шельфа. Мало того, что он собрал вокруг себя команду ученых, которые разрабатывают перспективнейшие технологические проекты – это, кстати, компетенция вашего отдела, Игорь Васильевич. Самое главное, пожалуй, это то, что вокруг него последнее время наблюдается повышенная активность сил, имеющих непосредственное отношение к аномальным предметам.

– Прозрачных? – обронил полковник Сумах.

– Именно. Мы знаем, что прозрачные встречались с Гумилевым в Сингапуре – там они помогли ему предотвратить похищение его жены и дочери.

– Мы также знаем, что прозрачные никогда не вступают в контакт с людьми, у которых нет предметов, – покачал головой Сумах. – Либо у Гумилева есть предмет, о котором мы ничего не знаем, либо...

– Либо Гумилев – ярко выраженный беспредметник, – перебил полковника Свиридов. – На что, впрочем, указывает его биография.

– Которая нам известна лучше, чем ему самому, – усмехнулся Зимин. Сейчас глава отдела информации чувствовал себя увереннее, ведь кропотливую работу по реконструкции родового древа Андрея Гумилева проделали именно его подчиненные.

– Но вряд ли лучше, чем нашим прозрачным друзьям, – отрезал Свиридов. – То, что они общались с Гумилевым, говорит о том, что они знают о нем что-то такое, чего не знаем мы. И поэтому наша первоочередная задача – держать Андрея Львовича под неусыпным контролем.

Поздняк откашлялся.

– И все-таки, товарищ генерал... Зачем он нужен нам в экспедиции?

Свиридов нахмурился. Видно было, что настойчивость подполковника его раздражает.

– Сейчас мы знаем об Андрее Гумилеве только то, что его жена исчезла в сибирской тайге вместе с одним из самых мощных предметов – Саламандрой, а также то, что он встречался и разговаривал с прозрачными. Поскольку прозрачные, как нам известно, могут появляться где угодно, и не нуждаются для этого в транспортных средствах, мы можем предполагать, что они в случае необходимости выйдут на Гумилева и на борту «Земли-2». А это дает нам редкую возможность схватить их, что называется, за руку.

– Но с какой стати им понадобится выходить на Гумилева на Северном полюсе? – задал вопрос молчавший до этого Шумейко. – Предположение о том, что активность прозрачных могла быть вызвана передачей жене Гумилева Саламандры звучит достаточно логично. Но сейчас рядом с Гумилевым нет ни жены, ни Саламандры. Чем он может их заинтересовать?

Прежде чем ответить, Свиридов некоторое время молчал, рисуя на листке бумаги завитки и спиральки.

– Видите ли, Игорь Васильевич, – сказал он, наконец, – то, что прозрачные интересовались именно Гумилевым – это всего лишь гипотеза. Не стоит исключать, что их привлекла дочь Андрея и Евы, маленькая Маруся.

Он предостерегающе поднял ладонь.

– Несколько дней назад один из наших осведомителей сообщил, что, по имеющейся у него информации, в районе Северного полюса сосредоточено огромное скопление аномальных предметов. Сложите известные нам части головоломки – решение Гумилева финансировать арктическую экспедицию, появление рядом с ним прозрачных, исчезновение его жены – с этими сведениями, и вы получите хотя и загадочную, но явно не лишенную внутренней логики картину.

Как и предполагал генерал, его слова произвели сильное впечатление на участников совещания. Полковник Зимин, вытянувшись в кресле, как струна, казалось, никак не может проглотить застрявший у него в горле ком.

– Товарищ генерал, – проговорил он, справившись, наконец, с собой. – Можете ли вы сказать, откуда ваш осведомитель получил такие сведения, и есть ли у нас причины ему верить.

– Осведомитель владеет предметом Спрут – охотно объяснил Свиридов. – Кто из вас помнит, что это за предмет?

Шумейко вздохнул и поправил узел галстука.

– Предмет Спрут описан в средневековом персидском трактате «Чудо Исфахана». Если верить этому тексту, предмет позволял своему владельцу видеть сквозь землю и толщу вод. Символика текста достаточно сложна, но можно предположить, что Спрут каким-то образом указывал хозяину места, где находились другие аномальные предметы.

– Совершенно верно, – скупой улыбнулся Свиридов. – Как вышло, что мы прошляпили такой ценный предмет, я объяснить

не могу. Пока не могу. Но осведомитель уже доказал силу Спрута, и я не вижу оснований ему не доверять. Наличие хранилища предметов у Северного полюса, кстати говоря, неплохо согласуется с легендой о Гиперборее – стране древней цивилизации, расположенной за Полярным кругом.

– Если не ошибаюсь, именно Гиперборею искал в 20-е годы профессор Барченко, – сказал полковник Сумах. – Тот самый Барченко, который был доверенным лицом Глеба Бокия...

– А Бокий, в свою очередь, был единственным советским чекистом, который еще до войны знал об огромной мощи Орла, – добавил Зимин.

– Верно, – ладонь Свиридова опустилась на столешницу – это был знак подчиненным перестать соревноваться в эрудиции и слушать указания начальства. – Что это за хранилище, мы можем только догадываться. Но не исключено, что речь идет об одной из Семи Черных башен. Если это так, то картинка складывается весьма любопытная. Ева Гумилева с Саламандрой исчезает в сибирской тайге, в местах, которые традиционно связывают с Шестой Башней, а Андрей Гумилев, не имеющий предмета, но являющийся объектом самого пристального внимания прозрачных, финансирует экспедицию в район, где может находиться Седьмая Башня.

– Предполагаете заговор? – поднял бровь полковник Сумах.

– Скорее, чью-то сложную игру. Многоходовку, в которой Андрей Гумилев может быть всего лишь пешкой – правда, не исключено, что проходной².

Воцарилось молчание.

– В этой ситуации нам нужно, чтобы рядом с Андреем Львовичем постоянно находился наш человек. Ситуация с пропавшей женой Гумилева может оказаться нам на руку... Товарищ Сафина!

² Проходная пешка в шахматах – пешка, достигающая крайней горизонтали от своей исходной позиции; достигнув ее, превращается в ферзя, ладью, слона или коня – по выбору игрока. В подавляющем большинстве случаев проходную пешку превращают именно в ферзя, как в самую сильную фигуру.

Сидевшая у дальнего края стола стройная брюнетка вскинула голову. Огромные глаза ее были разного цвета – один синий, другой зеленый. Никому из присутствующих не нужно было объяснять, что это значит.

– Товарищ Сафина, вам предстоит непростая работа. Вы должны стать для Гумилева по-настоящему близким человеком – не просто любовницей, а той, кому он будет полностью доверять. Справитесь?

– Думаю, да, товарищ генерал, – спокойно ответила брюнетка. У нее был приятный, чуть хриловатый голос. – Мой предмет еще никогда меня не подводил.

– Отлично, – генерал одобрительно кивнул. – А мы, между тем, будем готовить Андрея Львовича к целой череде неприятных потрясений, через которые ему предстоит пройти в самое ближайшее время...

2

Осведомитель генерала не лгал. Спрут, который достался ему некогда от отца – сотрудника военной миссии в Иране – действительно показывал, что в районе Северного полюса сосредоточено огромное количество аномальных предметов. Вот только делиться своим знанием со Свиридовым осведомитель по доброй воле не стал бы.

Человек, которому Свиридов дал агентурную кличку Лауретат, встречался с генералом раз в месяц. Каждый раз он приходил на встречу загримированный – надевал парик и клеил усы. Свиридова подобные ухищрения забавляли, но по его непроницаемому лицу догадаться об этом было невозможно. В конце концов, если осведомителю хочется играть в конспирацию – пусть играет. Множество взрослых людей до сих пор убеждено, что работа спецслужб – это перестрелки и погони а-ля Джеймс Бонд. Расскажи им кто-нибудь, что будни контрразведчика бы-

вают порой скучнее жизни какого-нибудь менеджера по продажам, не поверят. Ну и ладно, это их дело.

Несмотря на то, что ГУАП был совсем маленькой спецслужбой, на него работали десятки осведомителей (а в мировом масштабе, наверное, даже сотни). Лауреат отличался от них главным образом тем, что пришел к Свиридову сам.

Конечно, в контору на Пречистенке его никто не пустил бы. Человеку с улицы попасть туда было не проще, чем на прием к президенту без предварительной договоренности. Просто однажды Свиридов заметил за собой «хвост» – причем «хвост» настолько непрофессиональный, что это заставило его насторожиться.

Кто может следить за высокопоставленным офицером ГУАП? Коллеги из Управления собственной безопасности? Вполне возможно, но их наружку практически невозможно заметить. Смежники из ГРУ? Весьма маловероятно, к тому же они в любом случае не работают так топорно. Бандиты, которым глава ГУАП где-то перешел дорогу? Вот это было уже похоже на правду. Правда, бандиты редко передвигаются по городу на «Мицубиси Лансер». Тем не менее, Свиридов дал поручение Поздняку разобраться, кто пытается следовать за его служебным автомобилем.

Тем же вечером человек, сидевший за рулем «Лансера», подошел к генералу, ужинавшему в ресторане «Генацвале» на Остоженке. Свиридов любил грузинскую кухню, к тому же «Генацвале» находился недалеко от конторы, и дойти до него можно было пешком.

– Прошу прощения, – сказал человек, подошедший к столику генерала, – я хотел бы поговорить с вами о маленьких серебристых фигурках животных.

За его спиной маячили двое ребят из отдела Поздняка, готовые в любую секунду незаметно нейтрализовать наглеца, если он позволит себе лишнего. Человек их, по-видимому, не замечал.

– Присаживайтесь, – буркнул генерал, назвав человека по имени. Информацию о водителе «Лансера» ему передали еще час назад. – Кто вы такой, я знаю. Вопрос в том, как вы узнали обо мне.

Человек вздрогнул от неожиданности. Он явно не предполагал, что Свиридов так быстро установит его личность. Но что взять с дилетанта?

– Видите ли, – сказал он, пытаясь справиться с волнением, – дело в том, что я не очень хорошо представляю себе, кто вы. Знаю, что вы из спецслужб. Знаю, что вы занимаетесь этими маленькими серебристыми фигурками, и что в вашем офисе на Пречистенке их довольно много. Более того, одна из этих фигурок сейчас лежит у вас во внутреннем кармане пиджака...

Свиридов жестом заставил его замолчать.

– Достаточно. А теперь скажите, откуда вы все это узнали.

– У меня есть Спрут, – ответил человек. – Вы, конечно, знаете, что это за предмет. Я прекрасно понимаю, как рискую, встречаясь с вами. Вам ничего не стоит отобрать у меня Спрута... или сделать так, чтобы я отдал его сам. Ведь у вас в кармане Орел, не так ли?

– Допустим, – медленно проговорил генерал. – И зачем же вы пришли ко мне? Испытываете недостаток адреналина?

– Нет, – на лбу человека выступили крохотные капельки пота, хотя в ресторане работал кондиционер. – Во-первых, Спрут вряд ли будет работать на кого-то еще... это предмет с очень длительной подстройкой...

– Снимите очки, – велел Свиридов.

– Что? Ах, да, пожалуйста...

Человек снял темные очки. Глаза его были разного цвета.

– Обычно я ношу линзы, – словно извиняясь, сказал он. – Так вот, Спрут привыкал ко мне почти год. Но теперь он показывает мне, где находятся те или иные предметы... даже на очень большом расстоянии. Я предположил, что могу оказаться по-

лезен вашей организации... так сказать, добровольное сотрудничество...

– Откуда вы знаете, где я работаю?

Человек помотал головой.

– Да ниоткуда! Просто Спрут показал мне большое скопление предметов в центре Москвы. Понаблюдав за этим местом, я понял, что здесь находится какая-то военизированная организация, вероятно, спецслужба. Если существуют предметы, дающие своим владельцам такие уникальные способности, то государство наверняка должно ими заниматься, не так ли? Вот я и решил обратиться к вам. Мне кажется, мы могли бы быть полезны друг другу...

Свиридов поднял ладонь. Человек запнулся, словно налетев на невидимую стену.

– Молчите и слушайте, – сказал генерал. Он полез во внутренний карман пиджака и нащупал там тяжелую фигурку Орла. – Сейчас вы расскажете мне правду. Почему вы пришли ко мне. Почему предлагаете свои услуги. Вы расскажете мне о том, что толкнуло вас на этот шаг. Расскажите правду. Только правду. Вы меня поняли? А теперь отвечайте.

Его собеседник напрягся, как будто пытаясь бороться с какой-то невидимой силой, но через несколько секунд снова расслабился. Он глубоко вздохнул и проговорил вялым, словно бы сонным голосом:

– Я сделал это, чтобы получить Еву. Я люблю Еву. Мне нужно завоевать ее. Доказать, что это я мужчина ее жизни, а во все не этот самодовольный напыщенный индюк. Если я буду работать с вами, Ева будет моей. Рано или поздно, но она будет моей. Я пришел к вам, потому что хочу, чтобы Ева была со мной.

Свиридов слушал его, хмурия густые брови. Наконец монотонное бормотание собеседника надоело ему, и он резко спросил:

– Какую Еву?

– Еву Гумилеву, – все так же сонно ответил человек с разными глазами. – Жену миллиардера Андрея Гумилева...

Вернувшись к себе домой, человек, ставший агентом по кличке «Лауреат», в изнеможении стянул с себя насквозь промокшую от пота одежду и бросил ее в угол. Прошлепал босыми ногами в ванну, включил прохладную воду и некоторое время отмокал там, периодически отхлебывая из стоявшей на полу бутылки виски.

Через час он выбрался из ванной, кое-как вытерся махровым полотенцем и прошел в кабинет. Включил компьютер и набрал пароль своей ICQ.

Его ждало сообщение от пользователя с ником «Кошечка Ми». На аватарке Кошечки была изображена томно изогнувшаяся на песке девушка с роскошной копной белых волос. «Скучаю, – писала Кошечка. – Ты опять куда-то пропал, гадкий мальчик».

«Я тут, – отстукал в ответ Лауреат. – Очень хочу встретиться».

Сообщение от Кошечки пришло через несколько минут.

«Тогда приезжай. Адрес помнишь?»

«Конечно, – написал Лауреат. – Жди, скоро буду».

Он выключил компьютер и оделся. Вышел из квартиры, спустился по лестнице и, оглядевшись по сторонам, вышел через арку проходного двора на проспект. Поймал машину и отправился на Шоссе Энтузиастов, где находилась одна из квартир, арендуемых в столице пользователем с ником Кошечка Ми. То, что ехать надо было именно на Шоссе Энтузиастов, он понял по кодовой фразе «Адрес помнишь?». Если бы Кошечка написала «Адрес прежний», Лауреат отправился бы в Матвеевское, а фраза «Где и в прошлый раз» заставила бы его ехать на Речной вокзал.

Машину он отпустил за несколько кварталов до дома Кошечки, и дальше добирался пешком, через каждые две минуты останавливаясь якобы для того, чтобы завязать шнурки.

Разумеется, если бы за ним наблюдали специалисты из отдела Поздняка, Лауреат этого никогда бы не заметил, но на его счастье после разговора в ресторане Свиридов приказал снять наружку. Орел заставил Лауреата рассказать правду о своих мотивах, и мотивы эти показались генералу достаточно убедительными. Известно, что в подавляющем большинстве случаев людей толкает на сотрудничество со спецслужбами три основных мотива: деньги, секс и желание повысить свою собственную самооценку или социальный статус. В случае с Лауреатом ключевыми причинами были секс и самооценка. Правда, Свиридов так и не понял, каким образом сотрудничество со спецслужбами поможет агенту заполучить Еву Гумилеву. Возможно, Лауреат считал, что Ева просто его недооценивает. А если он будет играть роль загадочного рыцаря плаща и кинжала, то женщина сразу же бросится в его объятия. Нельзя также было исключать, что он готовит какую-то ловушку для Андрея Гумилева, и хочет использовать ГУАП в своих целях. Но в любом случае, с этим можно было разобраться позже, а пока Свиридов решил, что иметь своего человека в близком окружении Гумилева важнее, чем просто отобрать у Лауреата его предмет. Тем более, что в словах Лауреата была своя правда: предмет, отобранный у владельца помимо его воли, не работал в чужих руках.

Лауреат, конечно же, не мог знать, что за ним все-таки наблюдают – с балкона пятого этажа неприметной панельной пятиэтажки, расположенной за ночным клубом «Шоссе». Убедившись, что гость действительно явился один, человек на балконе отложил армейский полевой бинокль и засунул под рубашку легкий тридцатитрехзарядный «Глок-18С».

Через минуту в прихожей замурлыкал звонок.

– Привет, Кошечка, – ухмыльнулся Лауреат.

– Вы пили, – в голосе хозяина квартиры прозвучали ледяные нотки. – Мы же договаривались, чтобы вы не приходили на встречу пьяным.

Человек с ником Кошечка Ми ничем не походил на свою аватарку. Это был невысокий, крепкого телосложения китаец лет тридцати, с коротко подстриженными темными волосами и цепким взглядом внимательных карих глаз. Сейчас эти глаза смотрели на Лауреата с едва заметным презрением.

– Ага, – огрызнулся гость, – посмотрел бы я на вас после того допроса, который учинил мне Свиридов!

Китаец закрыл дверь и жестом пригласил Лауреата пройти на кухню.

– Так значит, встреча все-таки состоялась? – он тщательно пытался скрыть свое волнение. – По чьей инициативе?

– Мне надоело гоняться за ним по всей Москве, – сказал Лауреат. – Я дождался, пока он зайдет в ресторан, и подсел к нему за столик.

– И что? – прищурился китаец. – Все прошло так, как мы и предполагали?

Гость пожал плечами.

– Ну да. Он почти сразу же начал допрашивать меня. Зачем, мол, я первым пошел на контакт... Этот его Орел, должен сказать вам, мощнейшая штука! Я физически чувствовал, как он заставляет меня говорить правду...

Он замолчал. Китаец поощрительно улыбнулся.

– И что же вы ему сказали?

– Черт, я все время боялся, что проболтаюсь о нашей договоренности! Но почему-то, несмотря на страшное давление со стороны Орла, я ни слова об этом не сказал!

Китаец похлопал его по плечу. Открыл холодильник, достал бутылку минералки, налил в стакан и кинул туда таблетку «Алька-Зельцера». Протянул гостю.

– Успокойтесь. Я же говорил вам – под воздействием Орла вы расскажете генералу самое сокровенное. Правду, в которой вы, быть может, не признаетесь даже себе. Говорить правду – высокое искусство, друг мой. Теперь все будет хорошо. Свиридов

верит вам – ведь никто не в состоянии сопротивляться Орлу. А значит, мы можем скормить ему еще одну порцию правды.

Глаза Лауреата испуганно расширились.

– Не волнуйтесь, – усмехнулся китаец. – На этот раз ничего личного. Вам нужно будет осторожно сообщить Свиридову, что неподалеку от того района, куда направляется экспедиция Арктического клуба, вы с помощью Спрута видите огромное хранилище предметов. Ведь это так, господин профессор?

– Д-да, – запинаясь, проговорил Лауреат. – Но вам-то откуда об этом известно?

– Мы знаем многое. Знаем, что Спрут показал вам такое же хранилище в сибирской тайге, там, где исчезла Ева. Ведь вы же для этого хотели наладить отношения со Свиридовым, не так ли? Чтобы, заручившись его помощью, отправиться в тайгу и спасти Еву?

– Идите к черту! – взорвался Лауреат, выплескивая стакан с минералкой в мойку. – Вы мысли мои читаете, что ли? Что у вас за предмет, а? Признавайтесь!

Он схватил китайца за отвороты просторной черной рубашки. Тот даже не сделал попытки высвободиться – рубашка поползла вверх, и гость увидел торчащую из-за пояса китайца рукоять пистолета. Вид оружия мгновенно протрезвил Лауреата. Он разжал руки и, бормоча извинения, опустился на стул.

– Догадаться не так уж сложно, – пожал плечами китаец. – Вот только Еву вы сейчас в тайге не найдете, даже с помощью конторы Свиридова. Для того, чтобы найти ее, вам придется отправиться на Северный полюс вместе с Гумилевым.

– С Гумилевым? – лицо Лауреата исказила гримаса злости. – С чего бы этому надутому нуворишу ехать в Арктику?

– Об этом позаботится генерал. А нам с вами нужно сделать так, чтобы Свиридов не только поверил в существование Черной Башни в Арктике, но и взял с собой в экспедицию Орла. Впрочем, он и так почти никогда с ним не расстается...

Проводив Лауреата до дверей, Чен вернулся в комнату, сел на пол и некоторое время посидел в позе лотоса, делая дыхательные упражнения и приводя в норму слегка учатившееся сердцебиение. К его удивлению, профессор не оплошал и проделал все в полном соответствии с полученными инструкциями. Теперь у Свиридова появился новый ценный осведомитель, а у него, Чена, – агент, с помощью которого можно влиять на генерала и направлять маршрут арктической экспедиции. Его заказчики могут быть довольны – отныне русские спецслужбы будут играть по партитуре, которую напишет для них Братство Небесного Огня.

Но успокаиваться было рано. Никто не мог поручиться, что Свиридов не устроит профессору еще один допрос, и тот все-таки расскажет о таинственном китайце, предложившем ему выгодную сделку. Жизнь и любовь Евы Гумилевой в обмен на небольшую помощь в передаче информации ГУАПу. Ничего криминального, просто дружеская услуга. В общем-то, Чен был готов и к такому повороту – согласно легенде прикрытия, детально разработанной профессионалами из Братства, он был ученым-биологом из Шанхайского университета, работающим в области клонирования человека. Он хорошо знал Еву Гумилеву (проверить это все равно было невозможно) и искренне хотел помочь ей в изучении аномальных предметов. Узнав от Евы, что один из ее друзей обладает подобным предметом, молодой ученый познакомился с ним и убедил рассказать о принадлежащем ему сокровище государству. Версия, конечно, шита белыми нитками, но Чен искренне надеялся, что до очной ставки дело не дойдет. А если генералу все же захочется испытать действие Орла на нем... что ж, ему есть, чем ответить.

И Чен осторожно дотронулся до висевшего у него на шее амулета – фигурки морского конька, сделанного из серебристого металла.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Маленький длинноухий кролик

*Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан.
Борт станции «Земля-2»*

1

– Все получилось, – сказал Андрей Илюмжинову, когда они встретились в условленном месте на верхней палубе. – Спрут у меня.

Кирсан странно взглянул на друга.

– А что с генералом?

– Его тоже пытались убить. Но, к счастью, не убили – когда я уходил из его каюты, он был жив, и, мне кажется, шансы выкарабкаться у него довольно неплохие.

– И ты забрал предмет, воспользовавшись его беспомощностью?

– Ну, в общем, да.

Илюмжинов подумал.

– Не знаю, будет ли он работать в таком случае. Может, нам лучше вернуть его Бунину?

– А если Бунин замешан в этих убийствах? Хотя бы в одном?

– Ну, Спрут все равно не даст ему никакого преимущества. У него чисто информационные функции.

– Да, но правды мы все равно не узнаем.

Кирсан нехотя кивнул. Потом полез в карман и вытащил своего Единорога.

– Дай-ка мне Спрута. Попробую соединить силу двух предметов. Вдруг это все-таки работает.

Андрей протянул ему серебристую фигурку. Сам он несколько раз пытался «разговорить» Спрута, но безуспешно – ничего, кроме легкого холодка, распространяющегося вверх по руке, он не чувствовал.

Илюмжинов осторожно взял Спрута, положил его на ладонь рядом с Единорогом и сжал пальцы. Закрыв глаза и некоторое время стоял неподвижно, прислушиваясь к исходящим от фигурок вибрациям.

Гумилев терпеливо ждал. Прошло несколько минут, прежде чем Кирсан разжал кулак. Вид у него был такой, словно он только что пытался поднять двухсоткилограммовую штангу.

– Не получается, – проговорил он сквозь зубы. – Что-то я чувствую... от Спрута явно исходит мощный поток информации, я вижу его как широкую сиреневую ленту, на которую нанесены схематичные рисунки. Но рассмотреть их у меня не выходит. Картинка плывет, не фокусируется...

– Все равно тебе повезло больше, чем мне. Я вообще никакой картинки не вижу.

Калмык взвесил на руке обе фигурки.

– Возможно, это оттого, что у меня большой опыт общения с этими предметами. Знаешь, если ты не против, оставь пока Спрута мне. Я немного приду в себя и попробую снова. Единорог явно мне помогает, нужно только потренироваться.

– Хорошо, – кивнул Гумилев. – А что это значит – «приду в себя»? Честно говоря, выглядишь ты сейчас хреново.

Илюмжинов криво усмехнулся и вытер со лба капельки пота.

– Как ни странно, это довольно тяжело физически. Как будто приходится преодолевать сильное противодействие. Что там говорил Бунин? Владение предметами вредно для здоровья?

– Нет, как-то не так. Он говорил, что чем больше у человека предметов, тем труднее ему выдерживать их влияние. И что вроде бы это как-то негативно отражается на умственных способностях.

Кирсан спрятал фигурки в карман.

– Ну, в худшем случае, я больше никогда не буду играть в шахматы.

Андрей не мог не оценить силу духа этого человека.

– Все-таки, постарайся не переусердствовать. И вот что – если ты что-то узнаешь – пожалуйста, сразу же сообщи мне. Хорошо?

– Договорились.

Когда Андрей вернулся к себе, на часах было уже четыре утра. Марго спала, уткнувшись лицом в подушку. В каюте было жарко, и одеяло сползло – или было сброшено – на пол. Гумилев смотрел на смуглую спину девушки, на ее длинные стройные ноги и думал о том, как хрупка и беззащитна человеческая жизнь. Неведомый убийца уже расправился с Алферовой, Жанной и генералом Свиридовым. Что помешает ему обрушить мощь Морского Конька на спящую Марго? Или на безмятежно посапывающую в своей кровати Марусю?

«Надо спасти девчонок, – подумал Андрей. – Станцию жаль, но теперь, когда я собственными руками сделал Фраму лоботомию, «Земля-2» не больше, чем очень дорогое транспортное средство. Надо уходить со станции. Спасатели могут прилететь за нами в любой район Арктики. В конце концов, я попрошу Саню связаться лично с Шойгу...»

«И как это будет выглядеть? – спросил внутренний голос. – Миллиардер спасается бегством вместе с дочерью и любовницей, бросая всех на произвол судьбы?»

«Я попрошу, чтобы вывели только Марусю и Марго, – ответил голосу Андрей. – А сам вернусь и отыщу убийцу. Отыщу его, во что бы то ни стало...»

Он присел на край кровати и осторожно, чтобы не разбудить, погладил Марго по темным волосам.

– Не бойся, девочка, я не дам вас в обиду.

Марго повернула голову и сонно прошептала:

– Как хорошо, что ты пришел... иди ко мне...

– Сейчас, – шепнул Гумилев, наклоняясь и целуя ее в ложбинку между ухом и шеей, – только взгляну, как там Маруська.

Маруся крепко спала, обняв плюшевого мишку, которого еще два года назад подарил ей Арсений Ковалев. Мишка с тех пор прошел огонь, воду и медные трубы, мех у него местами повытерся, а вместо одного глаза была пришита пуговица, но девочка не променяла бы его ни на какие новые игрушки. Насколько помнил Андрей, мишку звали Пушок – странное имя для медведя, но детская логика всегда была для него еще загадочнее женской. Андрей поправил сбившееся одеяло, убрал с края кровати готовую свалиться на пол книжку про динозавров и вернулся к Марго.

«Посплю хотя бы часика три, – решил он. – Если уж уходить со станции, то делать это лучше на свежую голову».

Но поспать ему, разумеется, не удалось. Марго немедленно обхватила его горячими ногами, обвила руками шею и уткнулась лицом в плечо.

– Там случилось что-то страшное, да? – спросила она шепотом.

– Свиридова пытались убить, – прошептал Андрей в ответ. – Я принял решение – мы должны уйти с «Земли-2». Утром соберемся и высадимся на лед. Я свяжусь с ледоколом, нас заберут через несколько часов.

– А как же твоя станция? Ты ее бросишь?

Гумилев заколебался. Говорить или нет Марго о том, что он отправит на Большую Землю только их с Марусей, а сам вернется на станцию?

– Вы для меня важнее, – сказал он.

Глаза Марго подозрительно заблестели.

– Спасибо тебе, родной мой... я так боюсь за Муську...

Он поцеловал ее – очень нежно, очень благодарно.

– Девочка моя... прости меня, я только здесь понял, как много ты для меня значишь. Я никогда тебя не оставлю. Никогда...

Гумилев и сам не понимал, что с ним происходит. Он никогда не был любителем высокого стиля и красивых фраз. Но сейчас слова будто бы сами рвались из глубины души, и произнося их, он чувствовал себя непривычно легко.

– Ты правда... правда так ко мне относишься?

– Ты, наверное, хотела спросить – правда ли я тебя так люблю? – улыбнулся Андрей. – Да, малыш, это чистая правда. Я люблю тебя. Я никого и никогда не любил так, как тебя. И знаешь, что, малыш...

Он помедлил, последний раз взвешивая на воображаемых весах то, что хотел сказать.

– Что? – одними губами спросила Марго.

– Я хочу от тебя ребенка, – твердо сказал он. – Очень хочу.

Глаза Марго удивленно расширились.

– Ты... Андрей, ты самый лучший мужчина на Земле...

– На «Земле-2» уж точно, – пошутил он, чтобы избежать излишнего пафоса. – Мы вернемся в Москву и заживем нормальной спокойной жизнью. Пусть терраформирующие станции испытывает кто-нибудь другой. Я хочу семью, Марго. Я хочу, чтобы у меня была семья.

«Когда-то я говорил нечто подобное Еве, – нехотая подумал Андрей. – И даже пытался выдвинуть ей ультиматум. После чего она исчезла в своей тайге...»

– У тебя же есть семья, – тихо проговорила Марго. – Маруся и Марусина мама. Мне нет места в твоей жизни, Андрей.

Тон, которым были произнесены эти слова, насторожил Гумилева.

– Глупая, – он прикоснулся губами к ее ресницам, – ты сама не понимаешь, что говоришь. Ева бросила нас с Марусей. Я не знаю, какие у нее на то были причины, но что сделано, то сде-

лано. Не хочу вдаваться в детали, но если она вдруг решит вернуться... я не приму ее.

– Почему? Ты больше ее не любишь?

Андрей горько усмехнулся.

– Любишь – не любишь... причем здесь это? Она предала меня, предала Маруську. А я не могу себе представить жизнь с человеком, способным на предательство.

Марго вдруг с силой оттолкнула его ладонями, отвернувшись к стене.

– Значит, все-таки любишь?

– Малыш, – Андрей положил ладонь ей на бедро, – я люблю тебя. И хочу строить новую жизнь вместе с тобой. Что касается Евы... какие бы чувства я к ней не испытывал, ее предательство перечеркнуло все.

Он замолчал – что еще можно было сказать? Молчала и Марго.

– Прости меня, – проговорила она глухо. – Я должна... мне нужно все это переварить.

– Я просто хочу, чтобы ты знала. То, что я тебе сказал... это очень серьезно. Вот и все.

Еще несколько минут томительного молчания. Наконец, Марго спросила:

– А что там со Свиридовым? Ты сказал, его пытались убить?

– Да, – ответил Андрей, несколько удивленный такой переменной темы разговора. – Но на этот раз у убийцы что-то пошло не так.

– Как это выглядело?

– Ну, у него не были переломаны кости, как у Надежды с Жанной... вообще мне показалось, что его пытались задушить.

– Ты разговаривал с ним?

В голосе Марго звенели какие-то новые, незнакомые Андрею нотки.

– Нет, он был без сознания. А почему это тебя так волнует?

– С чего ты взял? – резко спросила девушка. – Просто мне страшно...

– Не бойся, – Андрей внезапно понял, что ему расхотелось утешать Марго. – Утром мы покинем станцию, и весь этот кошмар закончится.

Он убрал руку с бедра девушки и лег на спину. Прикрыл глаза, позволяя усталости взять над ним верх. «Три часа, – подумал он, – всего три часа. А потом нужно будет действовать».

Он провалился в сон мгновенно, будто упал в глубокую черную яму. И не видел, как смотрит на него, спящего, приподнявшаяся на локтях Марго.

В глазах ее были любовь и боль.

2

Его разбудил стук в дверь. Стук был громкий, раздраженный. Стучали, видимо, долго – Андрей все никак не мог выкарабкаться из липкой паутины сна.

Наконец, он открыл глаза, повернул голову – Марго рядом не было. Наверное, ушла спать к Марусе.

– Минуту!

Он поднялся, пошатываясь. Босиком прошел по пушистому ковру, застилавшему пол каюты.

– Откройте, господин Гумилев!

Голос был ему незнаком. На всякий случай Андрей накиннул на дверь цепочку, и только после этого нажал кнопку, открывающую замок изнутри.

На пороге стоял один из людей Свиридова.

– Господин Гумилев, вас срочно просят к генералу.

– Кто просит? – Андрей все никак не мог проснуться. – Свиридов?

– Нет, товарищ генерал еще без сознания. С вами хочет поговорить подполковник Поздняк.

– Передайте Поздняку, что я поговорю с ним позже.

Андрей попытался закрыть дверь, но незванный гость успел просунуть в щель тупорылый ботинок.

– Никаких «позже», господин Гумилев. Это очень срочно.

– Идите к черту! – рассвирепел Андрей. – Совсем совесть потеряли!

В руках у визитера неожиданно появился небольшой пистолет.

– Откройте дверь, господин Гумилев. У меня приказ доставить вас живым, но никто не запрещал мне прострелить вам ногу.

Что-то подсказало Андрею, что человек выстрелит в него, не задумываясь. А если его ранят, на плане спасения можно будет сразу ставить крест.

Он снял цепочку и отошел на шаг назад.

Посланец Свиридова не стал терять время зря. Он ткнул Андрея стволом под ребра и заставил встать лицом к стене. Еще мгновение – и на запястьях Гумилева защелкнулись наручники.

– Где Спрут? – спросил человек так буднично, словно интересовался, сколько ложечек сахара класть в чай. – Отвечайте быстро, Андрей Львович, это в ваших интересах.

– Какой Спрут? – удивился Андрей.

– Не валяйте дурака! Предмет, который вы украли у генерала!

– Я? Украд? Милейший, вы меня с кем-то путаете!

– Жаль, бить мне тебя запретили, – сказал вдруг гость совсем другим голосом. – Гнида буржуйская... нахапали добра и думают, что они теперь везде хозяева...

– Ого, – сказал Гумилев, – это что, классовое чутье проснулось?

– Хватит болтать, – в голосе визитера зазвенел металл. – Говорите, где Спрут!

За спиной Андрея послышался какой-то шум. Гумилев повернул голову и увидел Илюмжинова, с интересом разглядывавшего бездыханное тело незванного гостя. В руках у Кирсана был утюг, которым Марго гладила Марусины вещи.

– Извини, что вошел без стука, у тебя открыто было, – сказал калмык. – А это что за таинственный незнакомец? И почему у тебя на руках эти красивые металлические браслеты?

Он наклонился и, обшарив карманы гостя, достал ключи от наручников.

– Меня хотели арестовать по приказу Поздняка, – ответил Андрей, снимая наручники. – Подполковник, видимо, догадался, что я стащил у генерала Спрута, вот и решил его вернуть.

– Тебе не кажется, что наши чекисты слегка заигрались? Арестовать создателя станции и фактического руководителя экспедиции – это уже слишком.

– Если моя догадка верна, то они действуют строго по плану. Им нужно полностью поставить «Землю-2» под свой контроль, а я мешаю им это сделать.

– А покушение на Свиридова – тоже часть этого плана?

Андрей покачал головой.

– Не знаю. Подожди минуту.

Он быстро прошел в смежную каюту. Ни Маруси, ни Марго не было. В разобранной кровати сиротливо лежал мишка по имени Пушок.

– Ищешь своих девчонок? Они в зимнем саду, играют в прятки, – сообщил Илюмжинов.

– Сколько же я спал? Проклятье, уже одиннадцать часов! Я собирался вздремнуть максимум до семи...

– Ничего, – Кирсан поднял с пола оброненный человеком Свиридова пистолет и, поставив его на предохранитель, засунул себе за пояс. – Ты отдохнул, собрался с силами, и, как я полагаю, завел себе новых друзей.

– Вот что теперь прикажешь с ним делать? – Андрею захотелось пнуть лежащего на полу ногой в бок, но он сдержался. – Вернуть обратно Поздняку? Выкинуть за борт?

– Давай по крайней мере обезопасим себя, – сказал калмык, наклоняясь и защелкивая наручники на запястьях чекиста. –

Предлагаю уйти отсюда и обсудить создавшуюся ситуацию где-нибудь в укромном месте.

– Нужно найти Марго. Я решил последовать твоему совету и отправить Марусю и Марго на Большую Землю. Вызову с ледокола вертолет и...

– Постой, – перебил его Илюмжинов. – Не спеши, Андрей. Во-первых, вертолет по твоему вызову теперь может и не прилететь...

– Это еще почему?

– Как ты думаешь, осмелился бы Поздняк по собственной инициативе отдать приказ о твоём аресте? Да он десять раз в штаны наложил бы со страху! А это значит, твой арест санкционирован где-то там! – Кирсан поднял палец к потолку. – Вот и думай теперь, прилетят за тобой спасатели или нет.

– Ерунда, – уверенно сказал Гумилев. – Никто там – он повторил жест Илюмжинова – не станет меня сдавать. В крайнем случае, спасателей можешь вызвать ты. Мне главное, чтобы улетели Маруся и Марго.

Кирсан опустил глаза.

– А вот теперь, Андрей, возражение номер два. Мне удалось соединить силу Единорога и Спрута...

– Ты узнал, у кого Конек?

– Не торопись. Я по-прежнему не могу понять, что за предметы находятся у тех или иных людей. Я вижу только тех, кому они принадлежат. Таких на станции трое – не считая, разумеется, меня.

– Ну не томи же! Кого ты увидел?

– Во-первых, Свиридова, – ответил Илюмжинов. – У генерала какой-то очень мощный предмет, он сияет, словно маленькое солнце. Когда я пытаюсь разглядеть его, мне кажется, что я слепну.

– Кто остальные?

– Ты удивишься, – Кирсан будто специально тянул время. – Второй предмет, мало уступающий по мощи артефакту генерала, находится у охранника Михаила Беленина.

– У охранника?

– Да. Такой высокий татарин, его, кажется, зовут Рашид.

– Странно, он не производит впечатления человека, способного пользоваться такими вещами.

– Я же говорил, ты удивишься. И, наконец, третий владелец предмета...

Илюмжинов замялся. Андрей почувствовал, как учащенно забилося сердце.

– Андрей, это Марго.

Гумилев заскрипел зубами.

– Этого не может быть, Кирсан! У Марго нет никакого предмета!

– Тогда его нет и у Рашида, и у Свиридова, и все, что показывает мне Спрут – пустышка и обман.

– Может, и так! Кто поручится, что ты научился различать послания Спрута?

Илюмжинов усмехнулся.

– Есть тут один человек. Если хочешь, можем провести очную ставку...

Техническое помещение, в котором был заперт Бунин, никто не охранял. У Свиридова на станции, видимо, было не так уж много людей.

Андрей приложил к сенсорной панели замка свой электронный ключ. Дверь отворилась.

Профессор лежал на импровизированном ложе из разорванных картонных коробок, повернувшись лицом к стене. Голова его была повязана какой-то тряпкой, на которой были явно видны следы засохшей крови.

– Степан, – позвал Гумилев. – Просыпайся, надо поговорить!

– Опять о Еве? – спросил Бунин, садясь на своей картонной кровати. – И снова нужно будет выйти в коридор, где твои друзья-чекисты еще раз разобьют мне голову рукояткой пистолета? Нет, благодарю покорно, я в эти игры больше не играю.

Андрей прошел в комнату и, не дожидаясь приглашения, сел на одну из уцелевших коробок. Илюмжинов вошел следом, аккуратно прикрыв за собой дверь, и остался стоять, прислонившись к косяку.

– Я понимаю тебя, Степан, – Гумилеву было неприятно смотреть на тряпку с бурыми пятнами, которой профессор кое-как обмотал свою голову, – но ты сам спровоцировал эту ситуацию. Если бы ты сразу рассказал мне все, что знаешь о предметах...

– То ты оставил бы меня на льду на съедение медведям, – ехидно продолжил Бунин. – Неужели ты считаешь меня глупцом, не понимающим элементарных вещей? Я нужен тебе лишь до тех пор, пока знаю что-то, чего не знаешь ты! Потому и жив еще, хотя твои друзья со мной не особенно церемонились.

– Прекрати болтать чушь, – рявкнул Андрей. – Ты прекрасно знаешь, что я никогда не причинил бы тебе вреда! Но твоя идиотская скрытность заставила Свиридова поверить, что ты и есть убийца!

– Как трогательно, – скривился профессор. – «Заставила поверить»! Ты теперь не только мальчик на побегушках у генерала, но и его адвокат?

– Ночью Свиридова пытались убить, – не обращая внимания на его сарказм, сказал Гумилев. – Он до сих пор без сознания. Ты понимаешь, что это значит?

– Конечно, – пожал плечами Бунин. – Это значит, что убийца – не я. Ведь я сижу под арестом, и предмет у меня отобрали...

– Вот этот? – любезно поинтересовался Илюмжинов.

На ладони его лежал Спрут.

– Откуда он у вас?

Профессор неожиданно резво вскочил на ноги и сделал несколько шагов по направлению к Илюмжинову. Калмык быстро убрал руку за спину.

– Неважно. Важно, что я могу вернуть его вам... в обмен на некоторую услугу.

– Что вам от меня нужно?

– Ты должен посмотреть, у кого еще на станции есть предметы, – ответил Гумилев. – И рассказать нам все, что ты видишь. Если ты скажешь правду, Спрут останется у тебя. Солжешь – никогда больше его не получишь. Все очень просто.

Бунин немного подумал, облизал сухие губы.

– Идет. Дайте мне Спрута.

Илюмжинов усмехнулся и протянул ему фигурку. Профессор схватил ее так жадно, будто от Спрута зависела его жизнь.

– Мне надо настроиться, – предупредил он. – Это может занять какое-то время...

Он уселся на кучу картона, скрестил ноги по-турецки и закрыл глаза. В комнате воцарилось напряженное молчание.

– Один предмет у вас, – произнес Бунин, не открывая глаз. – Это Единорог.

– Тоже мне, бином Ньютона, – сказал Илюмжинов. – Вы это и раньше знали.

– Вы могли снова отдать его Марусе, – возразил профессор. – Второй предмет принадлежит генералу Свиридова. Это самый мощный артефакт из тех, которые я знаю...

– Морской Конек?

– Нет, Орел. Владеющий Орлом, может убедить кого угодно в чем угодно... Впрочем, если Свиридов без сознания, Орел сейчас вне игры.

– Кто третий?

Бунин заколебался. Он открыл глаза и быстро, оценивающе, взглянул на Андрея и Кирсана.

– Третий предмет находится у телохранителя Беленина. Именно его вы и ищете, господа. Это Морской Конек.

Гумилев и Илюмжинов переглянулись.

– Получается, что убийца – охранник?

Профессор пожал плечами.

– Я не следователь. Вы попросили узнать, у кого находятся предметы – я вам сказал. Делать выводы – ваша задача.

– Андрей, – сказал Илюмжинов, – необходимо срочно отыскать Рашида и отнять у него предмет.

– Учтите, – заметил Бунин, – полученный таким образом артефакт действовать не будет!

– Это неважно. Мы не собираемся никого убивать.

– Ну что, я отработал своего Спрута? – с иронией осведомился профессор.

– Почти, – Андрей поднялся и, подойдя к Бунину, навис над ним. – Скажи, Степан, на станции есть еще люди, владеющие предметами?

Бунин поднял голову и усмехнулся.

– Конечно, есть, Андрей.

– Кто?

Профессор покачал головой.

– Каким же надо быть идиотом, чтобы столько времени не замечать очевидного!

Гумилев схватил его за плечо, резко потрянул.

– Отвечай на вопрос!

– Ты хочешь получить ответ? Что ж, ты его получишь. Но это довольно долгая история, так что тебе лучше присесть.

Андрей отошел от профессора, снова присел на краешек коробки.

– Есть такой замечательный предмет – кролик, – начал Бунин. – Немножко похожий на эмблему журнала «Плейбой» – маленький, длинноухий, смешной. В отличие от многих других предметов, он ничего не разрушает, не убивает и не подавляет чужую волю. Он всего лишь делает своего хозяина объектом любви и вожделения. Не всеобщего, разумеется. Только тех, кого выберет сам хозяин кролика.

– Это неправда, – голос Андрея дрогнул.

– Увы, дорогой мой. Чистая правда. Действие кролика аналогично действию приворотного зелья, да не просто зелья, а его

эссенции. Если бы у меня, например, был такой кролик, мне стоило бы лишь захотеть, и наша гордая, увы, ныне покойная, капитан ползала бы передо мной на коленях, целуя мои ботинки...

– Замолчи, – сказал Гумилев, – иначе я тебя ударю!

– Бей, чего там! Не стесняйся. Показать, где у меня пробита голова? Если попадешь туда, нокаут гарантирован. Не хочешь? Ну что ж, тогда я продолжаю. Я забыл сказать, что у кролика есть одна странная особенность. Тот, кто им владеет, может влюбить в себя даже Снежную Королеву, если ему этого захочется, но сам никого и никогда полюбить не сможет. Такая вот маленькая плата за власть над людскими сердцами. Итак, этот кролик... этот маленький длинноухий зверек принадлежит одной хорошо всем нам знакомой особе. Особу эту зовут Марго Сафина, и, по странному стечению обстоятельств, она няня твоего ребенка и твоя любовница, Андрей...

Гумилев вскочил на ноги. Сделал шаг к Бунину, словно действительно собирался его ударить, но повернулся и быстро вышел из комнаты.

– Знаете, – сказал Бунину Илюмжинов, – на вашем месте я начал бы писать книгу.

– Книгу? – удивленно поднял брови профессор. – Какую?

– Что-нибудь из области прикладной психологии. «Как привлекать к себе людей и завоевывать их дружеское расположение». У вас это неплохо получается.

3

Андрей рывком открыл дверь и вошел в каюту. Марго нигде не было видно, Маруси тоже. Из ванной комнаты доносился шум воды.

– Марго!

Девушка сидела на полу в луже крови. Бледная, с воспаленными глазами и мокрым от слез лицом. Плечо с татуировкой

было безжалостно располосовано ножом, валявшимся на металлическом полу ванной.

– Я не могу, – словно извиняясь, прошептала она.

Он стоял на пороге, глядя на ее окровавленную руку, и не мог заставить себя сделать шаг вперед. Хотя еще несколько часов назад обещал ей всегда беречь и защищать. Но тогда он не знал, что она все это время лгала ему.

– Значит, все это правда?

– Андрей...

– Ты... Что тут вообще происходит?

Андрей был взбешен. Его трясло – от собственной растерянности, от ощущения обмана, предательства со стороны человека, которому он привык доверять. Предательства любимой женщины. Вот этой, которая сидела перед ним на полу в полубморочном состоянии, и вызывала лишь отвращение, желание бросить ее тут, закрыть дверь и уйти навсегда.

– Он тут, – Марго нашла в себе силы улыбнуться и показала на плечо, – внутри...

– Предмет вшит тебе в руку?

– Помоги мне..., – девушка подняла нож и протянула его Андрею. Рука ее дрожала.

Он отпрянул.

– Я даже прикасаться к тебе не хочу!

Марго зажмурилась, закусила губу и с силой воткнула нож в плечо.

– Да что же это!

Андрей упал на колени, схватил ее за запястье и выдернул нож обратно. Кровь потекла с новой силой.

– Вытащи это из меня!

– Сиди спокойно!

Марго широко распахнула глаза, подалась вперед и крепко обняла Андрея.

– Обещай, что не бросишь меня, – громко зашептала она. – Обещай!..

– Не надо, Марго!

– Обещай, что будешь любить меня просто такой, какая я есть, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, поклянись мне!

Андрей расцепил ее объятия и оттолкнул обратно к стене. Марго замерла в нелепой позе, словно окаменев во время падения.

– Я убью себя! – упавшим голосом сказала она.

– Валяй!

Андрей поднялся на ноги и вышел в комнату. Безумие. Страшный сон. Марго, трогательная, наивная девочка, которая так искренне светилась от счастья, шептала, целовала, улыбалась во сне, смотрела, просто смотрела так, что это нельзя было объяснить никакой магией – как вдруг это все стало обманом, фальшивкой, ничего не стоящей игрой? Нет. Прочь. Снова нежность. Снова желание взять ее на руки и спасти, во что бы то ни стало! Это не любовь. Неправда. Это действие предмета, циничное, холодное, как металл, из которого он сделан...

Дверь ванной комнаты приоткрылась, что-то блестящее мелькнуло в воздухе, и под ноги Андрею упала фигурка серебристого длинноухого кролика, выпачканного в крови. Андрей безгласно оттолкнул его ногой.

– Давай... посмотри теперь. Посмотри, какое ничтожество ты любил...

Марго словно обезумела. Она шла прямо на Андрея, глядя на него остекленевшими от боли глазами.

– Некрасивая, неумная...

– Давай без сцен!

– Такая, на которую ты никогда не обратил бы свое внимание...

– Я не хочу тебя видеть. Не хочу тебя слышать. Не хочу знать, почему ты это сделала. Не хочу оправданий. Не хочу ничего, понимаешь? Тебя больше не существует!

– Потому что...

– Не потому. Не потому, что у тебя больше нет предмета. А потому, что он у тебя был.

– Но ведь я любила тебя по-настоящему!

Андрей достал из шкафа полотенце и перетянул рану на плече Марго.

– Сейчас я уйду и позову врача. Ты поняла меня? Ты будешь сидеть здесь тихо, и ждать врача. Он обработает тебе рану, сделает укол, и уложит спать.

– Я хочу умереть...

– Поговори с ним об этом. Возможно, он тебе поможет.

– Ты ненавидишь меня, да?

Он помедлил, прежде чем ответить.

– Да. Да, Марго, да. Ненавижу, потому что люблю. Я люблю тебя без всякого предмета. Потому что ты красива, умна, потому что мне нравилось разговаривать с тобой и заниматься любовью, нравилось, как ты заботишься о Марусе, понимаешь, ты, дура? Чем они взяли тебя? Тем, что все будут у твоих ног?

– Меня никто никогда не любил...

– Ну вот, полюбил, ты успокоилась?

– Давай начнем все с начала?

– Нет.

– Один маленький шанс! Я все исправлю...

Андрей направился к выходу.

– Ты ведь сказал, что еще любишь меня...

– Со своей любовью я как-нибудь справлюсь.

Он закрыл за собой дверь, сделал несколько шагов по коридору и, сжав кулаки, остановился. Сейчас ему казалось, что это единственное, с чем он не сможет справиться никогда.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Катастрофа

Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан.

Борт станции «Земля-2»

Андрей шел по коридорам, залитым мертвым белым светом, и видел перед собой рассеченное ножом плечо Марго, залитый кровью металлический пол и серебристую фигурку кролика.

– И кролики, – пробормотал он про себя, – и кролики кровавые в глазах...

Ему вдруг стало очень смешно. Смех был похож на приступ кашля, который невозможно сдержать. Гумилев расхохотался и ударил кулаками в мягкую, спружинившую стену коридора.

– Ай да Марго! Провела тебя, дурака! А ты и повелся... ах, любовь, ах, чувства! Да все они одинаковы! Используют нас, когда им это нужно, а потом предают. К тридцати шести годам можно было уже выучить наизусть...

Истерика кончилась так же внезапно, как и началась.

Стоп, сказал он себе, а где Маруся? Не стала бы Марго резать себе руку при ребенке, на это-то у нее совести должно было хватить?

Он решительно повернул назад. Пусть Марго предательница, это еще не повод отказываться от плана спасения. На станции им делать нечего – это стало ясно после того, как его пытались арестовать. Надо срочно найти Марусю и уходить с «Земли-2».

Андрей повернул за угол и остановился, как вкопанный. У дверей каюты Марго стояло несколько человек. Врач в белом халате и еще двое, с незапоминающимися лицами.

Андрей отступил назад. Попадаться на глаза людям Свиридова ему совершенно не хотелось.

Что же делать? Как найти Марусю?

Словно отвечая на его вопрос, в кармане завибрировал телефон.

– Ты куда пропал? – спросил в трубке бодрый голос Илюмжинова. – Мы же с тобой собирались поохотиться, или ты уже передумал?

Андрей развернулся и быстро пошел прочь от каюты Марго.

– Нет, не передумал, просто тут с Марго проблемы... Впрочем, сейчас уже все нормально. Ты где?

– В кают-компании. Но здесь полно народу, и тебе, возможно, лучше здесь не светиться.

– Послушай, – Андрей запнулся. Все-таки неудобно взваливать свои личные проблемы на плечи пусть и хорошего, но постороннего человека. – Ты не мог бы помочь мне найти Маруську?

– А что ее искать? – удивился Кирсан. – Она тут, захомутала твоего Гордеева и заставляет его показывать карточные фокусы..

Гумилев резко выдохнул воздух. Дышать сразу стало легче.

– Значит, она с Борисом? Ну что ж, нормально. А где Ковалев?

– Тоже здесь. Чекисты отстранили его от руководства станцией. Сидит, бедный, мается от вынужденного безделья...

– Попроси его присмотреть за Маруськой, хорошо? А то из Гордеева нянька еще та. И давай встретимся с тобой на смотровой площадке верхней палубы через пять минут.

Гумилев рассчитал все правильно – на смотровой площадке не было ни души. Однообразные арктические пейзажи успели наскучить пассажирам, к тому же последние события на станции не слишком располагали к созерцанию ландшафтов.

Илюмжинов появился точно в срок.

– Что там стряслось с Марго? Ты поговорил с ней?

Андрей криво усмехнулся.

– Поговорил... Бунин не соврал, у нее действительно был Кролик. Она вшила его себе в плечо, представляешь?

Илюмжинов покачал головой.

– С трудом представляю себе человека, который решится на это по собственной воле. Мне кажется, ее заставили.

– Кто? – горько спросил Гумилев. – Свиридов, что ли? Брось, она сама сделала это, потому что комплексовала из-за невнимания мужчин...

– Знаешь, – сказал Кирсан, – женщины, конечно, загадочные существа, но на месте такой красотки, как твоя Марго, я бы по этому поводу не особенно беспокоился.

– Ладно, – махнул рукой Андрей. – Все это лирика. Сейчас нужно отобрать Конька у Рашида. Потом я попрошу тебя вызвать спасателей и отправлю Марусю и Марго на Большую Землю. А уже после, мы разберемся с теми, кто заварил здесь всю эту кашу...

– Ты уверен, что хочешь действовать именно так? – уточнил Илюмжинов. – Может быть, лучше сначала вызвать вертолет?

– Думаешь, Рашид нам не по зубам? – прищурился Гумилев. – Я тоже об этом думал. Но тут вот такая штука: если я сейчас начну заниматься эвакуацией Маруси, меня могут остановить люди Свиридова. А вот если у меня будет Морской Конек, они, пожалуй, десять раз подумают, прежде чем мне мешать.

– Бунин же предупреждал, что отнятый силой предмет не дает новому владельцу никаких сверхспособностей, – возразил Кирсан.

– Но никто, кроме нас, не знает, кому принадлежит Конек! Кто мешает чекистам предположить, что Конек с самого начала был у меня?

– Ты подставляешь себя под удар, Андрей, – покачал головой калмык.

– Плевать! Сейчас для меня главное – спасти свою дочь!

Илюмжинов откинул полу своего твидового пиджака и вытащил из-за пояса пистолет, отобранный у безымянного посланца Свиридова. Выщелкнул обойму, проверил, есть ли патрон в патроннике. Протянул оружие Андрею.

– Тогда, пошли. Беленин сидит в кают-компании, телохранитель при нем. Я приглашу его к себе в каюту, как бы для разговора...

– Кого? Рашида?

– Нет, Беленина. Рашид, естественно, пойдет за нами. Ты спрячешься за шкафом, и, когда телохранитель войдет, ударишь его рукояткой пистолета по затылку. Ну, как ударили Бунина, помнишь?

– Опять нападать исподтишка? – нахмурился Гумилев.

– А ты предлагаешь подойти к Рашиду и попросить, чтобы он отдал Конька по-хорошему? И сколько килограммов фарша из нас после этого получится, как ты думаешь?

В словах Кирсана был резон, и Андрей взял пистолет.

– Только проверь, чтобы он стоял на предохранителе, иначе может выстрелить. Ну, а если вдруг придется стрелять, не забудь с предохранителя снять.

– Ну, поучи меня чему-нибудь еще, – проворчал Гумилев. – Я же первый раз держу в руках оружие...

– Извини, – Илюмжинов хлопнул его по плечу. – Просто, сам понимаешь, операция нам предстоит непростая, а мы с тобой все-таки не Джеймсы Бонды. В общем, ты сейчас идешь в мою каюту и прячешься там. Думаю, минут десять на то, чтобы подготовиться, у тебя есть.

– Ладно, – Андрей засунул пистолет под рубашку. – Надеюсь, у нас все получится.

Десять минут давно прошли, а Илюмжинова все не было. Андрей чувствовал себя вовсе не Джеймсом Бондом, а каким-

то идиотом из дешевой комедии. Вот сейчас дверь откроется, войдут Кирсан и Беленин, за ними – Рашид... и тут, откуда ни возьмись, появляется он, Андрей Гумилев, владелец многомиллиардного состояния, прячущийся за шкафом, подобно незадачливому любовнику из анекдота. Появляется только для того, чтобы ударить по голове телохранителя другого миллиардера... Блеск!

Он в сотый раз прокручивал в голове эту сцену, когда замок, наконец, сухо щелкнул, и дверь отворилась.

– Проходите, пожалуйста, Михаил Борисович, – услышал Андрей голос Илюмжинова. – Извините за некоторый беспорядок... присаживайтесь в кресло. Что-нибудь выпьете?

– Я пью только красное вино, – буркнул Беленин. – Но что-то мне подсказывает, что вы его в каюте не держите.

Кирсан несколько принужденно рассмеялся.

– Верно. Ну, тогда обойдемся без напитков. Вот о чем я хотел с вами поговорить, Михаил Борисович...

Андрей осторожно выглянул из-за шкафа.

Илюмжинов стоял у иллюминатора, Беленин сидел в кресле спиной к Андрею. Никакого Рашида в каюте не было!

Видимо, телохранитель остался в коридоре. Такой вариант друзья просчитать не успели. Прав был Кирсан, подумал Андрей, до Бонда нам еще расти и расти...

– Видите ли, Михаил Борисович, – повторил калмык и замаялся.

Илюмжинов явно находился в замешательстве – события стали развиваться не так, как он предполагал, а тему беседы с олигархом Кирсан продумать не успел. Приходилось импровизировать на ходу.

– Собственно, вопрос, который я хотел с вами обсудить, может показаться вам довольно странным...

– Поясните, пожалуйста, Кирсан Николаевич, – потребовал Беленин. В его голосе явно прозвучало нетерпение.

– Вы слышали когда-нибудь о таких фигурках? – Илюмжинов вытащил из кармана Единорога и издали показал его олигарху. – Предметах из серебристого металла, которые дают своим владельцам необычайные способности?

– Что это? – недовольно спросил Беленин. – Вы что, разыгрывать меня решили?

– Это один из таких предметов, – пояснил Кирсан. – Он дает мне возможность производить в уме сложнейшие вычисления... или играть в шахматы на уровне компьютера «Дип Блю». Но существуют и другие фигурки, с другими свойствами. Итак, вы уверены, что никогда не сталкивались ни с чем подобным?

– Абсолютно, – проворчал олигарх. Андрею показалось, что он не врет. – Чего вы от меня-то хотите?

– Михаил Борисович, – понизив голос, проговорил Илюмжинов, – у меня есть все основания полагать, что одна из этих фигурок находится у вашего охранника.

– У Рашида? – удивление Беленина было неподдельным. – Да зачем она ему нужна? Что он будет с ее помощью вычислять? Да и в шахматы он не играет...

– Я же говорю: разные фигурки дают разные способности. Вы не могли бы позвать сюда Рашида, чтобы мы выяснили этот вопрос на месте?

Беленин возмущенно заерзал в кресле.

– По-моему, вы занимаетесь ерундой, – сказал он. – Какие у Рашида могут быть от меня тайны? Ну, хорошо...

Он вытащил из кармана плоскую пластину коммуникатора.

– Рашид, зайди.

Илюмжинов предупредительно открыл дверь, заодно загордив спиной шкаф, за которым прятался Андрей. Телохранитель вошел в каюту и остановился в двух шагах от кресла олигарха.

– Вызывали, Михаил Борисович?

– Ты что-нибудь подобное когда-нибудь видел? – спросил Беленин, делая знак Илюмжинову – показывайте, мол, свою фигурку.

Кирсан обошел Рашида, открывая Андрею пространство для маневра и разжал ладонь, на которой лежал Единорог.

Андрей почувствовал, как понеслось вперед подгоняемое ударами сердца время. Сейчас Рашид все поймет, и потянется за Морским Коньком. А после этого выбора у Андрея уже не будет – телохранителя придется убивать.

Нужно было играть на опережение. Но Андрей никак не мог заставить себя напасть на человека со спины. Пусть даже этот человек был убийцей. Все равно, бить его по затылку, как ударили Бунина, подло. Подло и не по-мужски...

– Что... – начал Рашид, взглядываясь в лежавший на ладони Илюмжинова предмет. Он не договорил – Андрей вышел из-за шкафа, но вместо того, чтобы ударить телохранителя по голове, ткнул ему в спину ствол пистолета.

– Стоять на месте! – рявкнул он. – Руки за голову!

«Черт! – мелькнула в голове паническая мысль. – Я же не снял пистолет с телохранителя!»

Это было последнее, о чем он успел подумать. В следующую секунду сокрушительный удар, который нанес ему локтем с разворота Рашид, отшвырнул его к стене каюты.

– Эй! – крикнул оторопевший Белении. – Что здесь происходит?

Гумилев мотнул головой – перед глазами все плыло, мерцали какие-то звездочки. Но прежде чем он успел прийти в себя, телохранитель подскочил и выбил у него из руки пистолет.

– Убью, сука! – рявкнул Рашид.

В этот момент Илюмжинов прыгнул ему на спину. Рашид зашатался и потерял равновесие, и Гумилев изо всех сил ударил его кулаком в живот.

Ему показалось, что его кулак налетел на бетонную стену.

Рашид пнул его ногой, метя в пах, но промахнулся и попал в бедро. Ног у Андрея пронзило судорогой, и следующий удар, который он нанес Рашиду в подбородок, вышел смазанным, слабым.

– Прекратите! – продолжал кричать Беленин. – Прекратите немедленно!

Илюмжинову удалось поймать Рашида в локтевой захват, и он принялся душить его, левой рукой блокируя удары телохранителя. Внезапно Рашид извернулся, как уж, и ударил Кирсана коленом в печень. Калмык со стоном повалился на пол, а быстрый, как молния татарин бросился на Андрея.

Черные глаза его сверкали такой звериной злобой, что Андрей не сразу понял – они были одинакового цвета.

Долго рассуждать ему об этом не пришлось – Рашид с разбегу врзался в него, словно заправский игрок в регби, наклонив голову и ударив плечом в живот. Андрея отбросило назад, он налетел спиной на кресло, опрокинул его и упал на спину. Позвоночник пронзила острая боль.

– Рашид! – в голосе Беленина смешались гнев и испуг. – Избавь меня от этих сумасшедших!

– Конечно, Михал Борисыч, – хрипло выдохнул телохранитель. – Щас со всеми разберемся...

Он метнулся к поднимавшемуся с пола Илюмжинову и нанес ему сокрушительный удар ногой под подбородок. Но Кирсану удалось перехватить его ногу, и Рашид с грохотом рухнул на пол.

Андрей, преодолевая боль в спине, поднялся на ноги. Отбросил опрокинутое кресло и увидел лежавший под ним пистолет.

– Держи его, Кирсан! – крикнул он, наклоняясь за пистолетом.

Предохранитель! Не забыть про предохранитель!

– Сдохни, падаль! – заревел Рашид, вырываясь из захвата Илюмжинова. Он схватил со стола тяжелую мраморную статуетку покровительницы шахмат Каиссы и занес ее над головой калмыка. Андрей нажал на спусковой крючок. От грохота выстрела, раздавшегося в небольшом замкнутом пространстве,

у него заложило уши. Пуля снесла Каиссе голову и застряла в стене каюты. Рашид замер с испорченной статуэткой в руках, смуглое лицо его побледнело.

– Ложись на пол! – велел ему Гумилев. – И не вздумай дергаться. Мы знаем, что Конек у тебя.

Вместо ответа Рашид вдруг швырнул в него Каиссой. Андрей инстинктивно уклонился, а телохранитель, воспользовавшись секундной заминкой, рыбкой нырнул в открытую дверь каюты и скрылся из глаз.

– Кирсан! – Гумилев подошел к другу и протянул ему руку, помогая подняться. – Ты как?

– Нормально, – прохрипел Илюмжинов. – Давай за ним! Его надо остановить во что бы то ни стало!

– Господа! Господа! – бормотал белый, как снег, Беленин. – Что же тут происходит, господа?

Андрей и Кирсан, не обращая на него никакого внимания, выскочили в коридор. Рашида уже и след простыл.

– Понимаешь, что это значит? – первый раз за время их знакомства Андрей расслышал в голосе Илюмжинова что-то подозрительно похожее на панику. – Он же теперь может в любой момент использовать против нас Конька!

– Не может, – Андрей оглядывался по сторонам, прикидывая, куда мог скрыться телохранитель Беленина. – Я кое-что заметил, пока мы дрались...

– И что же?

– У него глаза одинаковые. Он не владелец предмета!

– С чего ты взял?

– Потом объясню. Сейчас главное его схватить. До того, как он встретится с настоящим хозяином Конька!

«Черт, – подумал Гумилев, – как жаль, что Фрам вышел из строя... достаточно было бы спросить – где Рашид, а потом запереть его там, где он прячется... если, конечно, он решит спрятаться где-то в каюте... Стоп! Но ведь Рашид-то может не знать

о том, что искусственный интеллект станции больше не функционирует! Значит, он будет бояться закрытых помещений...»

– Кирсан! Он где-то на палубе. Может быть, в кают-компании. Там, где есть люди, и где нельзя перекрыть все ходы и выходы!

В кают-компании Рашида не оказалось – только Ковалев и Гордеев, развлекавшие Марусю. Увидев отца, девочка тут же бросилась к нему с криком – «А мы играем!», но Андрей подхватил ее на руки, быстро поцеловал в макушку и отдал обратно Гордееву.

– Не сейчас, милая, папа очень занят...

Станция казалась вымершей. Куда делись все пятьдесят человек, покинувшие борт ледокола? Пустые коридоры, пустая смотровая площадка... Может быть, Рашид решил спрятаться где-нибудь на нижней палубе? Но помещения там небольшие, и каждое может превратиться в ловушку...

А что если...

– Зимний сад! – крикнул Гумилев. Ну конечно, это единственное место на станции, чье воздухообеспечение нельзя отключить. Если Рашид хоть что-нибудь понимает в устройстве «Земли-2», он должен был это сообразить!

Они с Кирсаном ворвались в зимний сад, сшибая по пути черные, похожие на пауков, разбрызгиватели воды. В саду было тихо и пустынно. Только вдалеке качались большие, похожие на зеленые тарелки, листья веерной пальмы.

– Туда!

Они подбежали к росшим в больших кадках пальмам. За кадриками, раскинув в стороны неестественно вывернутые в суставах руки, лежал на спине Рашид. Грудная клетка телохранителя, словно развороченная изнутри, живо напомнила Андрею кадры из фильма «Чужой» – там гнездившаяся в желудке человека инопланетная тварь выбиралась наружу, ломая ребра и разрывая кожу.

– Опоздали, – в сердцах бросил Кирсан.

– Видишь? – тяжело дыша, проговорил Андрей. – Это сделал настоящий хозяин Конька. Телохранителю, скорее всего, поручили просто держать предмет при себе, чтобы сбить нас со следа...

– А теперь Конек вновь вернулся к своему хозяину? Срочно идем к Бунину!

– погоди, – Андрей наклонился над телом Рашида. – Вдруг у него было при себе еще что-нибудь интересное?

– Не двигаться! – крикнул кто-то за спиной. – Оружие на землю, руки за голову!

Андрей обернулся и увидел стоящих в дверях зимнего сада мужчин. Одним из них был подполковник Поздняк, вторым – человек, которого Илюмжинов несколько часов назад стукнул утюгом. Третьего Андрей не знал. В руках у всех троих были пистолеты.

– Андрей Львович, – угрожающе проговорил Поздняк, – если вы не подчинитесь, мы будем вынуждены открыть огонь на поражение.

– Брось пистолет, Андрей, – шепнул Илюмжинов. – Силы слишком неравны...

Гумилев вздохнул и отшвырнул пистолет в кадку с каким-то разлапистым растением.

– Ну, вот так-то лучше, – буркнул Поздняк. – А теперь извольте подойти сюда.

Андрей подошел. Подполковник выглядел таким гордым, будто только что предотвратил третью мировую войну.

– Руки попрошу, – сказал он почти ласково.

На запястьях Гумилева второй раз за день защелкнулись наручники.

– Ваших рук дело? – спросил Поздняк, осмотрев тело Рашида.

– Разумеется, моих. Я голыми руками вырвал ему все ребра и разодрал кожу от горла до пупка. А еще я съел его сердце.

– Напрасно вы иронизируете, Андрей Львович, – покачал головой подполковник. – Дело-то серьезное.

– Мы обнаружили тело за несколько минут до вашего появления, – пояснил Илюмжинов. – Ясно же, что это тот же почерк, что и в убийствах Алферовой и Жанны.

– Почерк, почерк... – дружелюбно передразнил его Поздняк. – Вы, Кирсан Николаевич, человек государственный, мы вас охранять должны, а вы вон чего тут устроили... беготню по станции вместе со всякими подозрительными личностями...

– Андрей Львович – мой друг, – твердо сказал Илюмжинов. – Я могу дать показания, свидетельствующие о его полной невиновности.

– Если понадобится, дадите, – усмехнулся Поздняк. – А пока что, будьте добры, отправляйтесь в свою каюту. Андрея Львовича мы забираем с собой как человека, подозреваемого в совершении одного и более убийств и покушении на жизнь офицера госбезопасности.

– Я никуда не уйду без Гумилева! Если хотите, можете арестовать меня тоже.

Поздняк покачал головой.

– Ну, зачем вы осложняете себе жизнь, Кирсан Николаевич? Судьбу вашего Гумилева решать не нам, а очень высоким инстанциям.

– Я сам себе инстанция, – в голосе Илюмжинова зазвенел металл. – Может быть, вы забыли, подполковник, но я глава Республики Калмыкия. Если хотите, чтобы о вашем самоуправстве узнал президент России, я могу вам это обеспечить.

Поздняк пробормотал что-то сквозь зубы.

– Вы что-то сказали?

– Нет, ничего... Ладно, если хотите, можете проследовать с нами до каюты, где будет находиться под арестом господин Гумилев.

Андрей ожидал, что его запрут в таком же техническом помещении, как и Бунина, но вышло иначе. Поздняк открыл дверь обычной каюты на нижней палубе и жестом пригласил Гумилева войти.

– Как видите, условия вполне комфортные, – усмехнулся он. – Вам, Кирсан Николаевич, грех жаловаться на то, что органы плохо обходятся с вашим другом.

– Я разберусь с этим недоразумением, Андрей! – Илюмжинов протянул Гумилеву руку. – Свяжусь с Москвой, подниму на уши Генеральную прокуратуру... И за Марусю не беспокойся – я за ней присмотрю.

– Спасибо, – Андрей почувствовал, что в горле у него застрял какой-то комок. Он пожал руку Кирсану, повернулся и вошел в каюту, которой предстояло стать его камерой. Какая ирония судьбы, подумал он, вложить миллиарды в строительство своей собственной тюрьмы!

В камере уже кто-то был. У иллюминатора, спиной к Андрею, стояла девушка с темными волосами и перебинтованным предплечьем.

– Марго?

– Андрей?

Она бросилась к нему, и Андрей, преодолев секундное замешательство, шагнул навстречу своей любимой.

– Ты что здесь делаешь?

– Сажу под арестом. А ты?

– Я, как видишь, тоже, – он продемонстрировал ей наручники. – Меня подозревают в убийствах и в покушении на Свиридова.

В глазах Марго сверкнули гневные искры.

– Они сошли с ума! Это все идиот Поздняк! Свиридов никогда не считал, что ты на это способен!

Андрей отстранился.

– А ты-то откуда знаешь?

Марго опустила глаза.

– Ты работала на спецслужбы? Это они вшили тебе кролика?

– Андрей, – голос Марго дрожал, – я должна, обязана тебе все рассказать. И я клянусь, что расскажу тебе правду. Всю правду, которую я знаю. Но это займет какое-то время. Пожалуйста, постарайся меня не перебивать. Я понимаю, это тяжело и может ранить тебя...

– Ничего, – бросил Гумилев, – я уже привык к ранам.

– И все-таки, постарайся выслушать меня. Потом суди, как хочешь. Договорились?

Андрей кивнул. В конце концов, торопиться ему теперь было некуда.

– Дело в том, что... – начала Марго.

Договорить она не успела. Всю станцию потряс страшный удар, как будто по «Земле-2» со всего размаху ударили молотом. Погас свет. Где-то истошно завывала сирена.

Пол под ногами качнулся и резко ушел куда-то в бок. Марго, вскрикнув, вцепилась Андрею в руку.

– Держись!

Станцию трясло, как больного в лихорадке. Казалось, еще немного, и она развалится на части. Гумилев хорошо знал, что это невозможно – запас прочности у «Земли-2» был рассчитан на космические перегрузки, но страх царапнул его душу стальными когтями.

– Что происходит? – крикнула Марго.

– Не знаю! Надо лечь на пол!

Легко сказать! Пол вдруг вздыбился вертикально, сорвавшаяся с места кровать сшибла Андрея и Марго так легко, как шар в боулинге сбивает кегли. Они покатались по полу, пытаясь уберечь друг друга от падающих со всех сторон предметов. В какой-то момент Андрей оказался зажат между столом и стеной, и Марго с неженской силой оттолкнула тяжелый стол ногами.

Все это сумасшествие закончилось так же внезапно, как и началось. Станция покачнулась и встала более или менее ровно, во всяком случае, пол снова стал горизонтальной плоскостью, и находился не над головой.

В полной темноте Андрей добрался до двери и подергал ручку. У него была слабая надежда, что во время аварии могли отключиться электронные замки.

– Заперто!

– Ты цел? – голос Марго прозвучал так искренне, что Андрей даже заскрипел зубами.

– Цел. Боюсь, что продолжение твоей истории мне придется выслушивать в темноте.

– А у меня, кажется, ссадина на лбу. Хорошо, что ты меня не видишь. Я сейчас, наверное, ужасно выгляжу.

«Никогда мне не понять этих женщин», – подумал Андрей. Вслух он сказал:

– Рассказывай, Марго. Я слушаю.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Страховка Чена

Июнь 2009 года. Соединенные Штаты Америки.

Миннеаполис, штат Миннесота

1

Федеральные агенты Ковальски и Маккормик вышли из машины, припаркованной на углу 45-й авеню и Брунsvик-авеню ровно в шесть часов утра. Нажав на брелок сигнализации, Ковальски швырнул в урну пустой бумажный пакет из «Макдоналдса» и попал с расстояния в пять шагов.

– Ты видел, Буч? – спросил он Маккормика. Шон Маккормик, маленький быстрый шотландец, получивший свою кличку еще на первом курсе Академии ФБР в Куантико³, удивленно поднял рыжие брови.

– Видел что?

– Мой бросок! Черт, ну почему, когда у тебя получается что-то по-настоящему выдающееся, рядом не оказывается ни одного зрителя!

– В следующий раз свистни мне, когда соберешься спеть в пятницу вечером в караоке. Если останусь жив, обязательно расскажу об этом историческом событии своим внукам.

– Иди в задницу, – разозлился Ковальски.

Они пересекли улицу и вошли в темноватый холл дома напротив. Дом был не из тех, в котором ожидаешь встретить консьержа – многоквартирная развалюха в не самом благополучном районе Миннеаполиса. В таких селятся люди, не нашедшие или потерявшие свое место в социальной структуре, а

³ Butch – амбал, здоровяк (амер. сленг)

также разнообразные иммигранты со всего света. Человек, которому намеревались нанести визит Ковальски и Маккормик, относился к числу последних.

Агенты поднялись на лифте на восьмой этаж и прошли по пропахшему кошками коридору. Нужная им квартира находилась за углом. Узкий коридор не позволял развернуться, но Ковальского это не смутило. Он прислонился к стене, поднял ногу, согнул ее в колене и мощным ударом выбил дверь квартиры напротив. Маккормик немедленно нырнул в проем, держа обеими руками большой черный «Магнум».

– Лежать! – рявкнул он из глубины квартиры страшным голосом. Голос у Маккормика был громоподобный, совершенно не вязавшийся с его сублильной внешностью. – Руки за голову!

Ковальски быстро прошел в кухню, затем заглянул в ванную – нет ли в квартире посторонних. Они следили за домом восемь часов, и были уверены, что человек, которого они ищут, в квартире один, но осторожность еще никогда никому не вредила. Вернувшись в прихожую, Ковальски попытался кое-как пристроить на место дверь, и только потом отправился поглядеть на человека, которого они с Маккормиком выслеживали уже третью неделю.

Человек, известный им как Али Хавас, лежал на полу лицом на коврике для намаза. Он был одет в просторную черную рубашку и не стеснявшие движений широкие черные брюки. Маккормик, целившийся ему в голову из своего «Магнума», стоял между Али Хавасом и деревянным столиком на колесиках, служившим некогда тумбой для телевизора. Теперь столик был больше похож на прилавок оружейного магазина: на нем лежал короткий автомат странной формы (Ковальски узнал шведский «Ингрэм»), два пистолета и круглая, как апельсин, граната.

Осведомитель, рассказывавший агентам о привычках Али Хаваса, особо подчеркивал, что тот никогда не расстаётся с оружием. Никогда – кроме тех пяти раз в сутки, когда право-

верные мусульмане возносят хвалу своему Аллаху, повернувшись лицом к Мекке.

Именно поэтому Ковальски и Маккормик рассчитали время операции таким образом, чтобы оно совпало с утренней молитвой. Видимо, Аллах был рассержен за что-то на Али Хаваса, потому что не дал ему нескольких секунд, чтобы дотянуться до столика с пистолетами.

Ковальски с интересом осмотрел оружие, потом несколько раз сфотографировал столик и убрал стволы от греха подальше. Присел на корточки над Али Хавасом. Тот лежал неподвижно, в странной расслабленной позе, будто загорал на пляже в Малибу. Агенту захотелось поднять его за волосы и несколько раз ударить головой об пол, но это было невозможно – Али Хавас был лыс, как бильярдный шар. Вся растительность, отпущенная ему Аллахом, ушла в бороду.

– Мы знаем, кто ты, – сказал ему Ковальски. – Мы знаем, что ты сделал.

Человек на полу молчал. Непонятно было, слышит он обращенные к нему слова или пребывает где-то далеко, рядом с пророком Мухаммадом.

– Мы знаем, кто взорвал наших морских пехотинцев в Тикрите, – продолжал Ковальски. – За одно это тебя можно отправить в Гуантанамо, и ближайшие годы ты проведешь, учась различать своих следователей по вкусу мочи, которую тебе придется пить.

Никакой реакции.

– Возможен и другой вариант, – сказал Маккормик. – У моей сестры в Тикрите погиб парень. И она после этого начала пить и была вынуждена уйти с хорошей работы. Это сделал ты, сукин сын. И я с удовольствием продырявлю тебе за это башку. Но сначала отстрелю яйца.

Али Хавас молчал. Ковальски проследил за направлением его взгляда – там на полу валялись четки из темно-зеленого стекла.

– Мы специально не стали брать с собой группу захвата, – терпеливо объяснил он Али Хавасу. – Чтобы никому ничего не объяснять в том случае, если мы решим тебя здесь шлепнуть.

Он протянул руку и подцепил с пола четки.

– Хорошая игрушка, правда, Буч?

В черных глазах Али Хаваса мелькнул какой-то огонек – или ему только так показалось?

– Похожа на эти китайские шарики, которые продают в секс-шопах, правда? Моя бывшая подружка, Сью, от них просто тащилась. Знаешь, я, пожалуй, pošлю ей их в подарок – она-то точно найдет им лучшее применение.

Али Хавас рванулся, пытаясь выхватить у Ковальского четки, и агент с удовольствием ударил его ребром ладони по затылку. Послышался костяной звук, и на коврике для намаза начало расплываться пятно крови.

– А ты неглупый парень, Пол, – одобрительно цокнул языком Маккормик. – Эти стекляшки ему чем-то очень дороги.

– Это не стекляшки, – Ковальски кинул ему четки. – Смотри, какие тяжелые.

Маккормик покрутил четки в руках и присвистнул.

– Настоящие камушки! Похоже на изумруды. Да на них еще что-то накарябано.

На каждом изумруде (а это действительно были изумруды) была выгравирована какая-либо фраза одной из сур Корана. Всего сур в Коране сто четырнадцать, и это проходят в Академии ФБР в Куантико, но камней в четках было в два раза меньше. Впрочем, ни Маккормик, ни Ковальски не придали этому факту какого-либо значения.

– Знаешь, Пол, – проговорил Маккормик, подумав. – Если ты действительно подаришь эту штуку своей бывшей, будь готов к тому, что она к тебе вернется.

– Вы все умрете, – сказал Али Хавас. Он уже пришел в себя и снова отрешенно смотрел куда-то сквозь ботинки Маккорми-

ка. Голос его звучал ровно, словно он отвечал на вопрос «какой час».

– Забавно, – заметил Ковальски. – Мой учитель биологии в колледже говорил то же самое.

– Если ты хочешь сказать нам что-то по-настоящему интересное, – добавил Буч, – то лучше ответь на вопрос «когда».

Как ни странно, Али Хавас ответил. Он прикрыл глаза и проормотал что-то по-арабски. Ковальски изучал арабский в Куантико, но фраза прозвучала слишком тихо и неразборчиво.

– Что? – спросил он участливо, наклоняясь над террористом.

– Что ты сказал, приятель?

– Скоро, – повторил Али Хавас по-английски. – Совсем скоро.

Больше они от него в тот день так ничего и не добились.

2

Арест Али Хаваса имел целый ряд последствий. Агентов Ковальски и Маккормика вызвали к их непосредственному начальнику и жестоко отругали за несоблюдение инструкции, предписывающей производить захват особо опасного преступника силами специальной группы, насчитывающей не менее восьми человек. Вслед за тем, начальник сменил гнев на милость и вынес агентам благодарность – лично от себя, а также от имени Директора. Али Хавас действительно был крупной шишкой в мире террористического подполья, и на его совести было не менее тридцати жизней американских граждан (а скорее всего, гораздо больше). Вот только действовать он привык в основном на Ближнем Востоке и в Афганистане, а в Штатах вплоть до нынешнего лета не появлялся. То, что он все-таки рискнул прилететь в США, было плохим знаком. Где-то на территории страны готовился крупный теракт, и Али Хавас должен был или осуществить его, или помочь в его подготовке. Скорее второе – кем-кем, а смертником Али Хавас не был.

– Мы его расколем, – пообещал агентам начальник Миннеаполисского отделения ФБР. – Сперва попробуем простые методы, а если они не помогут, перейдем к высоким технологиям. А пока наши мозгоправы будут копать у него в черепушке, пройдитесь по его возможным контактам здесь, в Миннеаполисе.

– Если я правильно понимаю, – вежливо сказал Маккормик, – он пока что не заговорил?

– Совершенно верно, агент, – ответил начальник. – Поэтому никаких имен у нас нет. Надо, как обычно, найти черную кошку в темной комнате. Причем, вполне возможно, что кошка оттуда уже улизнула.

Пока Ковальски и Маккормик искали в мусульманских общинах Миннеаполиса тех, кто мог контактировать с Али Хавасом, или, по крайней мере, слышал что-то о человеке с изумрудными четками, молодой китаец, остановившийся в отеле «Ритц» в Нью-Йорке под именем Джорджа Фо, встретился за ланчем с популярным журналистом Марио Росетти, заведующим отделом расследований в «The New York Times».

– Федералы на днях взяли какого-то египетского террориста в Миннесоте, – сказал Росетти китайцу. – Но все дело жутко засекречено, они там из кожи вон лезут, чтобы информация не просочилась в центральную прессу.

– Это плохо, – покачал головой Джордж Фо. – Нарушение Конституции, верно?

– Вам неинтересно? – прищурился Росетти. – Но мои друзья просили сообщать вам именно о таких случаях...

Он чувствовал себя героем голливудского триллера. Встреча на террасе дорогого ресторана (платил, разумеется, Фо) с таинственным китайцем. Двусмысленные разговоры о терроризме. Ощущение причастности к какой-то большой и темной тайне – все это заводило Росетти куда больше, чем деньги.

Год назад на одном из приемов к нему подошел модный адвокат из Вашингтона и, произнеся пару дежурных комплиментов по поводу статей Марио, увлек его на балкон, где их разговор могли услышать разве что каменные горгульи (плохая, хотя и недешевая, стилизация под Нотр-Дам).

На балконе Росетти получил заманчивое предложение – вступить в тайный клуб тех, кто поставил своей целью разобраться в истинных причинах современного мирового терроризма. «Клуб 11 сентября», – улыбнулся адвокат, и Марио не понял, шутит он или говорит серьезно.

– Вы же прекрасно понимаете, что нам скармливают тонны лжи, – сказал Росетти адвокат. – Наверняка в вашей практике бывали случаи, когда ваше расследование натыкалось на что-то действительно серьезное... но начальство приказывало вам дать задний ход.

– Что поделать, – пожал плечами Марио. – Времена Бернштейна и Вудворда⁴ прошли безвозвратно.

– А вот и нет, – адвокат доверительно понизил голос. – Вы удивитесь, Марио, если узнаете, до каких тайн могут докопаться могущественные люди со связями... если они готовы объединиться ради поисков истины. Одним словом, мы предлагаем вам вступить в клуб.

Марио, разумеется, согласился, и не разу потом не пожалел о сделанном выборе.

Члены клуба собирались раз в месяц в викторианском особняке с видом на Гудзон. Юристы, банкиры, журналисты (Марио с удивлением встретил в клубе коллег из других изданий, которых никогда не смог бы заподозрить в причастности к тайным обществам), политики, даже один член Верховного Суда. Все это были люди довольно известные, обеспеченные, с высоким социальным статусом. Используя возможности своих членов, Клуб проводил частные расследования, по итогам которых порой

⁴ Журналисты The Washington Post, прославившиеся разоблачением Уотергейтского скандала.

делались захватывающие сообщения (на Марио особенно произвел впечатление доклад, сделанный отставным сотрудником ЦРУ на тему «Где на самом деле сейчас скрывается Бен Ладен»).

Тайна, окутывавшая клуб, о нем запрещалось рассказывать даже близким родственникам, делала невозможным обнародование наиболее поразительных сенсаций, но кое-что все-таки удавалось использовать. Во всяком случае, несколько раз, когда Марио наткнулся на казавшееся непреодолимым препятствие на пути очередного журналистского расследования, информация, полученная по каналам клуба, здорово ему помогала. Быть членом «Клуба 11 сентября» оказалось не только интересно, но и выгодно.

Конечно, порой его просили об ответных услугах, и он с удовольствием их оказывал. Вот и на этот раз – тот самый адвокат, который когда-то пригласил Росетти вступить в клуб, попросил его встретиться с представителем некоего шанхайского концерна, который почему-то очень интересовался проблемой арабского терроризма в Соединенных Штатах и методикой борьбы с ним.

– Нет, что вы, – с улыбкой покачал головой Джордж Фо. Имя, и паспорт у него были фальшивые, но Росетти об этом знать было необязательно. – Меня это, напротив, чрезвычайно интересует. Не кажется ли вам, что американское общество несколько помешано на своем благополучии? Почему ФБР так заинтересовано в том, чтобы сохранить в тайне факт поимки важного террориста? Не потому ли, что истеблишмент не хочет лишний раз тревожить публику?

– Возможно, – Росетти с удовольствием покатал на языке глоток коллекционного «Шато Латур». – После черного сентября наше общество слишком болезненно реагирует на истории о мусульманских террористах, разгуливающих по Нью-Йорку или Лос-Анжелесу как по своему родному Багдаду.

– Хорошо ли это? – озабоченно спросил Фо. – Забота о душевном покое домохозяек – дело, безусловно, благое, но стоит ли держать из-за этого в неведении всю нацию?

Он перегнулся через столик и, доверительно понизив голос, проговорил:

– Существует заслуживающая доверия информация, что этим летом некая организация готовит серию крупных терактов в США, Европе и России. Возможно, террорист, арестованный в Миннеаполисе, как-то связан с этой организацией.

Несмотря на весь свой романтизм, Росетти был стреляным воробьем. Он усмехнулся и еще раз отхлебнул из бокала.

– Дорогой мистер Фо, письма с подобными предупреждениями приходят к нам в редакцию сотнями. А если считать те, что приходят по электронной почте – то и тысячами. Людям постоянно кажется, что некие тайные силы плетут против них свои злобные козни. Этот феномен называется «теория заговора». Парень, которого взяли в Миннесоте, может быть связан с «Аль-Каидой», с «Бригадами мучеников Аль-Аксы» и даже с «Армией независимости Техаса». Но с тем же самым успехом он может быть фанатиком-одиночкой, решившим отомстить миру за то, что его выгнали с работы в закусочной «Бургер Кинг».

– Вы, безусловно, правы, – мягко сказал Фо. – Но я бы настоятельно советовал вам обратить особое внимание на этот случай. Возможно, вам имело бы смысл самому слетать в Миннеаполис. Вы человек с именем, и перед вами распахнутся многие двери. Поверьте моей интуиции – случай в Миннесоте может стать вашим личным Уотергейтом.

Вернувшись в редакцию, Марио долго раздумывал, пытаясь понять, что показалось ему неправильным в разговоре с Джорджем Фо. Наконец, понял – он пришел на встречу, собираясь рассказать китайцу об аресте террориста в Миннеаполисе, а получилось так, что Фо уговорил его вплотную заняться этим делом. Словно бы и сам прекрасно знал, что произошло несколько дней назад в Миннесоте.

Это навело Росетти на определенные размышления, которыми он с удовольствием поделился со своими друзьями по «Клубу 11 сентября». Но следующее заседание клуба должно было состояться только через три недели, и Марио остался со своими мыслями один на один. К вечеру он решил, что в словах Фо может быть хотя бы зерно истины, и велел своей секретарше заказать авиабилет до Миннеаполиса.

Пока Росетти дремал в кресле «Боинга», летящего из Нью-Йорка в Миннеаполис, человек, известный ему под именем Джордж Фо, встретился в одном из баров Олбани с двумя мужчинами, похожими на менеджеров по продаже дорогих машин.

Мужчины, которых звали Тед и Чак, никогда не продавали автомобили. Оба они были в прошлом офицерами ЦРУ; обоих уволили из этой организации в конце 90-х годов, когда в моду вошли проверки сотрудников на детекторе лжи. И Тед, и Чак были патриотами Америки, но ненавидели правительство, которое, по их мнению, уже давно работало исключительно в интересах негров и латиноамериканцев. К азиатам Тед и Чак тоже относились без особого восторга, но китаец по имени Фо говорил правильные вещи. И платил хорошие деньги.

– Операция прикрытия проведена успешно, – сказал им Фо. – Завтра или послезавтра федералы вытрясут из Али Хаваса информацию о «Детях Аллаха» и теракте, который они готовят в Миннеаполисе. А наши друзья-журналисты постараются расстрезвонить об этом на всю страну.

– И министерство безопасности поднимет уровень тревоги до оранжевого, – хмуро сказал Тед. – А это значит, что ни в одном сортире нельзя будет бросить окурок мимо унитаза без того, чтобы это не зафиксировали камеры слежения.

– Именно поэтому все должно быть сделано раньше. У вас есть два дня, пока о террористах не заговорят на каждом углу.

Но согласитесь, что объекты, которые вам предстоит подготовить, не относятся к категории стратегически важных.

– Все равно, – упрямо сказал Тед. – Работать придется в очень сложных условиях. Сумму вознаграждения придется пересмотреть.

Китаец поднял брови.

– Мне казалось, мы договорились.

Чак улыбнулся. Если бы он действительно был менеджером по продаже автомобилей, то с такой улыбкой ему вряд ли удалось продать даже велосипед.

– Тогда мы ничего не знали про арабов в Миннесоте, приятель.

– Сколько вы хотите? – спросил Фо.

– Плюс пятьдесят каждому. Наличными, разумеется.

Китаец подумал, глядя на собеседников ничего не выражающим взглядом.

– Хорошо, – сказал он, наконец. – Но это последняя сумма. Больше торговаться мы не будем.

– В таком случае, – усмехнулся Тед, – считайте, что мы готовы начинать. Вы приготовили оборудование?

Фо кивнул.

– Вы найдете его в трейлере с номерами 565 на стоянке мотеля «Кантри Майл» в десяти милях к западу отсюда. Вот ключи.

Ключи он положил на липкую от пролитого пива поверхность стола. Тед взял их и спрятал во внутренний карман пиджака.

– Объекты должны быть готовы самое позднее к утру понедельника. В понедельник, возможно, начнется шумиха в прессе.

– Значит, мы должны заминировать Линкольн-центр и Музей Метрополитен, – проговорил Чак. – С Линкольн-центром все понятно, там собирается самая богатая публика. А на хрена кому-то сдался музей?

Китаец, которого на самом деле звали Чен, пожал плечами.

– Вам это действительно важно знать, мистер Чак?

На самом деле музей Метрополитен появился в плане по настоянию Лотара Эйзентрегера – штурмбаннфюрера Эйзентрегера, как он не устал подчеркивать. «Это будет наша месть за Дрезден, – сказал он, топорща жесткие седые усы. – Англосаксы сожгли Дрезден дотла, со всеми сокровищами мировой культуры, которые там хранились. Мы взорвем музей Метрополитен. Пусть знают, что пришло время платить по счетам».

Подумав, Чен согласился с ним. Чем больше объектов попадет под удар, тем лучше. Когда фальшивые «Дети Аллаха» ворвутся в сверкающий бриллиантами зал Линкольн-центра, им потребуются веские аргументы, чтобы убедить власти, что зал действительно заминирован. И взрыв музея Метрополитен вполне может стать таким аргументом.

План, разработанный Братством Небесного Огня по заказу Мао и Эйзентрегера, был почти безупречен. Почти – потому что совершенно безупречных планов не бывает. Но он был так близок к идеалу, как это только возможно.

На первом этапе предполагалось создание мифа о действующей на территории США могущественной мусульманской террористической организации «Дети Аллаха». С этой целью в Штаты привезли Али Хаваса, которого полгода тренировали в учебных лагерях «Детей» в Ливане. «Дети» были совершенно реальной организацией, вот только в Штатах у них интересов не было. Однако лидеры «Детей», получив несколько кораблей с северокорейским оружием, согласились поддержать иллюзию подготовки грандиозного теракта в одном из больших городов США. Единственным человеком, кто твердо верил в реальность этого теракта, был сам Али Хавас.

Али Хавасу дали возможность наладить контакты среди мусульман Миннеаполиса (отработкой этих контактов занимались сейчас федеральные агенты Ковальски и Маккормик), а затем сдали ФБР. Сдали с единственной целью – он должен был

рассказать следователям все, что знал о «Детях Аллаха» и готовящейся ими акции. Предположительно, это должен был быть взрыв на одной из крупных атомных электростанций страны.

Чен исходил из того, что федералы использовали во время допросов такие методы воздействия, которые полностью исключали возможность лжи. Сыворотка правды уже ушла в прошлое – теперь спецслужбы применяли какие-то хитрые методики прямого воздействия на мозг. Сказать следователям неправду в такой ситуации не смог бы даже скандинавский бог обмана Локи.

Пока ФБР стояло бы на ушах, разыскивая «Детей Аллаха» там, где их отродясь не бывало, специалисты-взрывотехники Тед и Чак спокойно производили минирование двух культурных центров в Нью-Йорке. Их прикрытием была фирма по установке систем безопасности, получившая вполне легальный подряд на проведение работ в музее Метрополитен и Линкольн-центре. После того, как все заряды оказались бы на своих местах, Тед и Чак уходили в тень. Больше их появления на сцене не требовалось. Чен предпочел бы устроить им автокатастрофу, но руководитель американского филиала Братства неожиданно зартачился. Им, видите ли, еще могут понадобиться в будущем люди вроде Теда и Чака, а таких специалистов найти непросто. Ладно, в конце концов, к этому моменту Чен в любом случае будет уже далеко.

Между тем, шумиха в прессе, поднятая Росетти и его коллегами (направляемыми с помощью «ручных» организаций, таких, как «Клуб 11 сентября»), довела бы общественное мнение Америки до точки кипения. ФБР безуспешно продолжало бы ловить «Детей Аллаха», по всей стране арестовывали бы ни в чем неповинных мусульман, а тень страшного теракта продолжала бы висеть над простыми американцами подобно дамоклову мечу.

Возможно, на этом бы все и закончилось. Чен не был особенно кровожадным, в ряды Братства Небесного Огня его привело,

скорее, любопытство. Но если там, в арктических льдах, что-то пойдет не так...

Тогда разработанный и подготовленный им план станет страховкой для него самого и друзей штурмбаннфюрера Эйзентрегера.

В 1958 году американская авиация провела сверхсекретную операцию по уничтожению подледной базы нацистов в Антарктиде. Колония, известная, как Новая Швабия, была уничтожена тремя небольшими ядерными бомбами. Официально взрывы были произведены в целях изучения воздействия атомной энергии на вечные льды Антарктиды в рамках международного геофизического года. Правду знали лишь единицы – в правительстве и высших военных кругах США и Советского Союза.

Новая Швабия была выжжена дотла. Ее не спасло ни высокоточное оружие, разработанное учеными Третьего рейха после отступления на ледяной континент, ни «лучи смерти», ни рельсовые пушки, стрелявшие металлической взвесью. Все эти смертоносные игрушки были выведены из строя первым же ядерным взрывом, сопровождавшимся сильнейшим электромагнитным импульсом.

После гибели Новой Швабии друзьям Лотара Эйзентрегера стало ясно, что если они хотят сберечь последнюю колонию Рейха в Арктике, им следует держать в рукаве козырного туза. Поэтому они и обратились к Братству Небесного Огня.

Если русская терраформирующая станция успеет подать сигнал бедствия, если секрет подледной нацистской базы будет раскрыт, то от налета стратегических бомбардировщиков ВВС США или России колонию Туле спасет только одно.

Заложники.

Концерты в двенадцати залах Линкольн-центра идут практически ежедневно. Достаточно сделать так, чтобы встреча русской экспедиции и обитателей Туле произошла ближе к вечеру по времени Нью-Йорка.

Если что-то пойдет не так, тридцать отобранных лично Ченом боевиков – не арабы, конечно же, только белые, в крайнем случае, латиноамериканцы – войдут в Линкольн-центр и возьмут в заложники всех, кто находится в зале. Сливки общества, бомонд, кинозвезды, бизнесмены, университетские профессора. Конечно, полиция попытается вмешаться, но ведь здание будет заминировано.

И в это же время в Москве чеченские террористы захватят Большой театр.

Подготовкой московской операции руководил куратор восточноевропейского филиала Братства Збигнев. Чен не был высокого мнения о его организаторских талантах, но условия работы в России были гораздо проще. К тому же недостатка в средствах Збигнев не испытывал – финансировать операцию согласился Михаил Беленин.

Две крупнейшие ядерные державы окажутся парализованными. Да, паралич этот довольно быстро пройдет, но время будет выиграно.

Время, достаточное, чтобы, воспользовавшись предметами, найденными на русской станции, войти внутрь Черной Башни.

Чен сомневался, действительно ли Башня является таким универсальным пультом управления планетой, какой описывали ее Мао и Эйзенхаттер. Но даже если это и не так, умный человек найдет способ эффективно воспользоваться хранящимися там технологиями.

Чен считал себя очень умным человеком. Он ни на мгновение не сомневался, что в результате реализации всего этого сложного, многоуровневого плана, в Черной Башне должен оказаться именно он.

Уж он-то сумеет разобраться, что к чему.

– Вам это действительно важно знать, мистер Чак?

Чак снова улыбнулся своей жутковатой улыбкой.

– На самом деле нет. Все, что меня сейчас интересует – это как мы с Тедом получим наши сверхурочные.

Чен вздохнул. В его планы не входило еще раз встречаться с этой парочкой – не то, чтобы они ему не нравились, но и ФБР недооценивать не стоило.

– Одному из вас придется поехать со мной. Объедем с десятков банкоматов.

– А почему бы не поехать всем вместе? – подозрительно спросил Тед.

– Потому что кому-то надо забрать трейлер со стоянки. Итак, кто со мной?

– Я поеду, – сказал Чак. – А ты, Тедди, позаботься о нашей новой машинке.

Когда Чен и Чак стояли у третьего по счету банкомата, снимая с кредитки Джорджа Фо средства, проходившие в бухгалтерии Братства по графе «Представительские расходы», Чак вдруг смешно надул щеки и произнес фразу на чистом кантонском наречии. В переводе на английский фраза звучала так: «Эй, ты, узкоглазое чмо, бросай на землю свой автомат, а то я отстрелю тебе твою никчемную башку».

Чен очень удивился. Чак не походил на человека, в совершенстве владеющего китайским.

– Это меня отец научил, – сказал Чак. – Он воевал во Вьетнаме и попал к вашим в плен. Два года в лагере отсидел. Умер в прошлом году.

– Сожалею, – сухо отозвался Чен.

– Странно получается, – проговорил Чак. – Отец у меня воевал с краснопузыми китайцами, а теперь китайцы платят мне деньги, чтобы я взорвал два культурных, мать их, символа Америки. Ты что-нибудь понимаешь в этой жизни, мистер Фо?

– Кое-что понимаю, – ответил Чен. – В этой жизни каждый получает то, чего он достоин. Это единственный закон жизни, который работает.

На следующее утро он сжег в камине документы на имя Джорджа Фо, а пепел аккуратно собрал и спустил в унитаз. Вызвал по телефону такси и поехал в аэропорт Ла Гуардия, где у него был уже заказан билет до Парижа на имя Ши Шиаци, бизнесмена из Шанхая. Спустя еще два дня молодой китайский ученый по имени Чен вышел из самолета в московском аэропорту «Домодедово». До старта арктической экспедиции оставалась всего неделя.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Одно дыхание на двоих

Июль 2009 года, Арктика. Дно Северного Ледовитого океана.

Борт станции «Земля-2»

– Вся эта история началась давным-давно, когда я еще была сопливой школьницей в Калининграде... – начала свой рассказ Марго. – Я была очень высокой и худой... Возможно, это и ценится в больших городах, где подобные девочки уже в 14 лет становятся моделями, а там, я была постоянным объектом для насмешек. Меня дразнили и поэтому я абсолютно искренне считала себя уродом. С мальчиками не ладилось, пышногрудые блондинки пользовались куда большим успехом. Я комплексовала.

Андрей старался абстрагироваться, заставить себя относиться к рассказу максимально спокойно. Слушать историю Марго, как будто бы это была незнакомая ему девушка, с которой он случайно столкнулся, которую никогда раньше не видел и не увидит потом. Он закрыл глаза, слушая только ее голос, такой родной и любимый, голос, который он узнал бы из миллиона других голосов и пытался представить, что слышит этот голос впервые...

– Единственное, о чем я мечтала – это уехать из города. Я думала, что все неудачи преследуют меня только там, в Калининграде, и что если я перееду в другое место, то все сразу же изменится. Но как уехать, если своих денег нет, а мама зарабатывала столько, что нам едва хватало сводить концы с концами. У меня не было красивой одежды, туфли и сумки я донашивала за мамой — прийти в таком

виде куда-нибудь на дискотеку, где девушки обычно знакомились с парнями, было невозможно. Решила поступить в какой-нибудь институт в Питере или Москве... Мечтала стать актрисой...

«И у тебя неплохо получилось», – с болью в сердце подумал Андрей.

– Подала документы в театральное. Приехала на экзамены. Первый же человек, которого я встретила рядом со студией, представился известным режиссером и предложил мне прийти на кастинг. Он так восхищался моей красотой, говорил, что у меня уникальная внешность...

Марго замолчала.

– Ты пришла? – наконец отозвался Андрей.

– Пришла...

Повисла долгая пауза.

Эту историю можно было не заканчивать. Андрей и так понял все, что происходило дальше...

– И что потом?

– Я была такая наивная...

– Ты вернулась в Калининград?

– Да. Пошла работать вместе с мамой... В детский сад.

Андрей кивнул... Теперь понятно.

– Дети меня обожали. Но зарплата была мизерная и женский коллектив. В общем, через несколько лет я окончательно разочаровалась в жизни. То есть... я была счастлива, как человек, мне нравилась работа, но как женщина я была... да меня просто не существовало, как женщины, понимаешь? Вокруг меня были тетки, в основном замужние, они рассказывали про семью, про своих детей, про мужей.

– Как ты попала к Свиридову?

– Познакомилась с военным на улице...

– Все-таки познакомилась? – усмехнулся Андрей, почувствовав легкий укол ревности.

– Ну не я, конечно. Я просто гуляла по городу, он подошел, сказал, что в командировке и не знает город. Купил пирожков. Ходили, гуляли... Показывала достопримечательности. На следующий день тоже. Кино... Это был первый раз, когда я ходила в кино с мужчиной, понимаешь?

Андрей ничего не ответил.

– Его звали Михаил. Он был москвич. Разведенный...

– И ты поехала жить к нему?

– Ну, не сразу... Мы переписывались еще полгода, потом он стал говорить, что мне надо перебираться в Москву, обещал помочь с институтом. В театральный я уже решила не соваться. Неплохо знала языки — ну это от скуки и от мечты уехать, наверное. Сидела дома по вечерам и учила... заняться-то было нечем.

– Помог?

– Помог.

– Молодец.

– Потом поженились. На свадьбе был Свиридов.

– Крутого жениха ты отхватила, я смотрю.

– Я не знала, кто он и чем занимается.

– Ну да...

– Свиридов часто бывал у нас, их с Михаилом связывало какое-то дальнее родство. Хорошо ко мне относился. Потом Миша бросил меня... месяца через три после свадьбы. Ушел к другой.

Марго снова замолчала.

– Так я и осталась одна в незнакомом городе. Друзей у меня не было.

– И ты позвонила Свиридову.

– Да. Он предложил мне продолжить учебу. Ну и как бы... стал.. ну стал за мной наблюдать, вроде как взял шефство... Мне даже комнату выделили.

– Щедро.

– В то время это было просто... ну не знаю. Царский подарок. Потом стал привлекать к работе. С каждый разом все было жестче и жестче. Сначала я думала, что он хорошо ко мне относится, потом стало казаться, будто я всего лишь инструмент. Потом вот это.

– Кролик?

– Я даже не знала, что это. Сказали, что так надо. За все это время, что я провела у Свиридова, я разучилась сопротивляться. Я получала свою зарплату, жилье, пропитание и отработывала. Я не понимала, как можно по-другому.

– Понятно, — выдохнул Андрей.

– Потом появился ты.

– Говорят, кролик обладает двойным действием. Влюбляет в себя, но не позволяет любить того, кого ты... – Андрей запнулся, подбирая слова, – приворожила...

– Мне тоже так говорили.

– И что? Правда?

Марго ничего не ответила. Несколько минут было тихо, так что стали различимы какие-то посторонние шумы, голоса, звуки.

– Неправда, – неожиданно ответила Марго. – Оказалось, неправда.

– Андрей Львович! – голос, доносившийся из-за двери, был хорошо знаком Гумилеву. – Это Гордеев. Андрей Львович, отойдите, пожалуйста, в глубину каюты!

– Пошли, – Андрей взял Марго за руку и потащил ее за собой.

– Готово! – крикнул он Гордееву.

За дверью раздался звук, похожий на шипение выходящего под давлением из баллона газа. Некоторое время ничего не происходило, потом белый пластик, которым была облицована дверь, начал вспучиваться пузырями и потек на пол. В образо-

вавшуюся щель ворвалось узкое лезвие синего пламени. Через минуту, на том месте, где был электронный замок, зияла расплавленная дыра с неровными краями.

Дверь распахнулась от сильного удара ногой, и в каюту ввалился растрепанный, вымазанный какой-то копотью Гордеев с блестящим хромированной сталью аппаратом в руках. За ним, к большому удивлению Гумилева, вошел китайский биолог Чен – как всегда, аккуратный, в сером костюме, белой сорочке и начищенных туфлях.

– Андрей Львович! – Гордеев улыбался так широко, как будто был самым счастливым в мире человеком, – я же говорил вам, что Боря Гордеев годится не только на то, чтобы мыть полы и резать бутерброды!

Он извлек из кармана связку небольших ключей и с третьей попытки разомкнул сковывавшие запястья Андрея наручники.

– Молодец, – сказал Гумилев, потрепав его по плечу. – А это что за бластер у тебя?

– Это, – ответил, кашлянув, Чен, – сверхмощный газовый резак. Лежал у вас в лаборатории. Я случайно обратил на него внимание...

– Спасибо, – Андрей пожал китайцу руку. – Вы очень вовремя, друзья. А что произошло со станцией?

– Ужасная авария! – воскликнул Гордеев. – Эти дуболомы не сумели как следует разобраться с ручным управлением, и в результате станция провалилась под лед!

Андрей не стал уточнять, кого Борис назвал «дуболомами» – и так все было ясно.

– Теперь мы все находимся в довольно затруднительном положении, – сказал Чен. – Подняться на поверхность мы не можем...

– Почему? – удивился Андрей.

– Во-первых, повреждена силовая установка. Во-вторых, господин Поздняк уже пытался это сделать...

- Что же ему помешало?
- Пока все сообразили, что произошло, станция успела удалиться от того места, где провалилась под лед. Над нами – сплошной ледяной панцирь. Пробить его не получится.
- У станции есть плазменные генераторы! Мы можем растопить лед!
- Толщина льда над нами – не меньше десяти метров. Генераторы не справятся. К тому же повреждена система охлаждения, что делает их использование крайне опасным.
- Как же эти уроды ухитрились провалиться сквозь десятиметровый лед? – Гумилева охватило бешенство. Чен пожал плечами.
- Как это говорится по-русски? Закон подлости. Судя по всему, мы упали в огромную трещину между двумя ледяными плитами. Но искать ее – тоже самое, что иголку в стоге сена.
- Значит, сейчас мы находимся...
- На дне Северного Ледовитого океана. К счастью, глубины здесь не очень большие. Семьсот-восемьсот метров, к тому же в северном направлении дно постепенно повышается.
- Другое плохо, Андрей Львович, – перебил китайца Гордеев. – У нас кислорода мало.
- Что значит – мало? – не понял Гумилев. – А как же наша кислородная установка?
- Молчание Гордеева и Чена было красноречивее всякого другого ответа.
- Также повреждена? И как быстро мы сумеем ее починить? Чен покачал головой.
- В нормальных условиях – за два дня. Но при катастрофе погибло пять человек. Из них четверо техников. Поэтому раньше, чем через три-четыре дня запустить установку не удастся. Конечно, у нас есть резервное хранилище и, наконец, зимний сад. Но этих запасов хватит ненадолго...

«Проклятье! – подумал Андрей. – Если бы только я успел отправить на Большую Землю Маруську и Марго!»

– Кроме того, неполадки в системе охлаждения приводят к тому, что температура на станции постоянно повышается. Пока незаметно. Но через два дня здесь будет очень жарко.

– Где Маруся? – не дослушав Чена, спросил Андрей у Гордеева.

– С крестным своим, у вас в каюте. В «Сони Плейстейшн» играют.

– С ней все в порядке?

– Ну, испугалась немножко, а так – ни синячка, ни царапинки! Бог маленьких детей любит, – улыбнулся Борис.

– Я пойду к ней! – сказала Марго.

– Подожди, – Андрей взял ее за руку, и ощутил благодарноежатие ее тонких пальцев. – Нам нужно действовать. Действовать быстро и решительно. Прежде всего, нужно остановить Поздняка и его подручных.

– Каким образом? – вежливо удивился Чен. – У них оружие...

– Оружие здесь ничего не решает, – возразил Гумилев. – Нам нужно собрать всех трезво мыслящих членов экипажа и пассажиров. Объяснить им, что произошло. И вернуть станцию под свой контроль. Только в этом случае мы можем надеяться на спасение.

– Разумно, – кивнул китаец. – И кого же вы планируете привлечь?

– Во-первых, всех, присутствующих здесь. Во-вторых, Кирсана Илюмжинова и Арсения Ковалева. Марго, пожалуйста, скажи Арсению, что ты его сменяешь, и что он нужен мне в кают-компании. В-третьих, моих ребят из лаборатории. Захара Билялетдинова и его ассистентов.

– Господин Билялетдинов сильно пострадал при катастрофе, – сказал Чен. – Он жив, но находится в тяжелом состоянии...

– В любом случае, мы должны привлечь на свою сторону как можно больше народа. Попробуйте поговорить с писателем. Он, конечно, истерик, но в некоторых обстоятельствах и истерик может быть полезен.

– Думаю, Михаил Борисович тоже согласится, – задумчиво проговорил Чен.

– Беленин? – Андрей вспомнил сцену в каюте Илюмжинова и скептически покачал головой. – Впрочем, поговорите с ним. Жить-то всем хочется, а нефтяным олигархам – особенно.

Он взглянул на часы.

– Сейчас семнадцать минут шестого. В восемнадцать ноль-ноль общий сбор в кают-компанию.

– Слишком мало времени, – засомневался Гордеев. – Не успеем со всеми поговорить...

– Времени у нас вообще мало, – ответил Гумилев. – Если все, что вы мне тут рассказали, правда, то его у нас нет вообще.

Совещание в Белом Доме проходило за закрытыми дверями. Присутствие в кабинете председателя правительства руководителей ФСБ, Совета Безопасности и военной разведки могло навести журналистов на ненужные подозрения об истинной цели Арктической экспедиции.

– В последней шифровке, которую мы получили от Свиридова, говорилось о чрезвычайных происшествиях на борту станции, – отчитывался глава ФСБ. – Свиридов предполагал, что кто-то из участников экспедиции может использовать неизвестный ему предмет большой разрушительной силы...

– О какого рода чрезвычайных происшествиях? – нахмурился премьер-министр. – Говорите, пожалуйста, яснее.

Глава ФСБ вздохнул, как перед прыжком в ледяную воду.

– Строго говоря, об убийствах. На борту станции погибли две женщины.

– И после этого «Земля-2», как ни в чем не бывало, продолжала путь к полюсу? – глава ГРУ, как обычно, не мог удержаться от соблазна вставить коллеге перо. – На станции орудует замаскированный убийца и диверсант, а ваш Свиридов делает вид, что ничего не произошло!

– Насколько я помню, ваши контрразведчики тоже проверяли личные дела всех участников экспедиции, – огрызнулся фэ-эсбэшник. – И дали заключение, что все они чисты, как ангелы небесные.

– Хватит! – оборвал перепалку Владимир Путин. – Кто виноват, вы сможете выяснить позднее. Сейчас нам нужно решить, что делать дальше.

Спасательные вертолеты круглые сутки безуспешно патрулировали Арктическую пустыню. Поисковым отрядам не удалось найти места, где «Земля-2» могла уйти под лед, но уже мало кто сомневался, что станция сейчас лежит на океанском дне. Попытка сканировать лед в надежде, что получится обнаружить сигналы попавшей в аварию станции, вибрации или тепловое излучение, не дала никаких результатов, обжигаяще холодные снежные бури на долгие часы останавливали работу спасателей, но приказ из Москвы не оставлял простора для толкований: несмотря ни на что продолжать поисковую операцию.

Совещание у премьера длилось три с лишним часа. Двое мужчин, покинув кабинет главы правительства, не спеша шли по тихим коридорам Белого Дома.

– Не боишься, что ГУАП прикроют из-за этой истории? – осторожно поинтересовался первый.

– Все будет зависеть от исхода операции. Если Свиридов вернется со щитом – нам простят любые ошибки. Если на щите – пострадает не только ГУАП, – ответил второй.

– А ты уверен, что он вообще вернется?

– Это единственное, в чем я уверен. Генерал как будто заговоренный, выходит сухим из любых передраг. Я даже подо-

зреваю, что у него есть еще какой-то предмет, о котором мы не знаем. Но пока он выполняет свою работу, я не задаю ему лишних вопросов.

– А что насчет Гумилева? На него можно рассчитывать?

– Гумилев не знает ни о предметах, ни об объекте. По крайней мере, не знал на момент отплытия. Конечно, после всех этих ЧП Свиридов мог посвятить его в курс дела...

– Не боязно давать ему в руки такую информацию? Все-таки, он не простой человек...

– В конце концов, он все равно узнал бы правду.

– Да, к сожалению, без Гумилева и его дочери нам не подограться к цели.

Первый вице-премьер, курирующий вопросы безопасности, внимательно посмотрел на своего собеседника.

– А если он откажется сотрудничать или не захочет потом молчать? Он человек независимый и заметный. Если Гумилев решит заговорить, нам все не поздоровится.

– На этот случай у Свиридова есть четкие указания: в случае крайней необходимости нейтрализовать Гумилева и всех, кто может представлять угрозу для проведения операции.

Первый вице-премьер тяжело вздохнул.

– Будем надеяться, ваш Свиридов нас не подведет...

– Все мы видели, к чему привела попытка непрофессионалов взять на себя процесс управления станцией. «Земля-2» находится на дне океана, всплыть мы пока не можем. Запасы кислорода еще есть, но они постоянно уменьшаются.

В кают-компании собралось человек тридцать – почти все оставшиеся в живых члены экспедиции. Пять человек погибло при катастрофе, еще одиннадцать находилось в медблоке с ранениями и травмами разной степени тяжести. Поздник и четверо его сотрудников заперлись в рулевой рубке.

– Единственный наш шанс на спасение заключается в том, чтобы вернуть себе контроль над станцией. Сейчас она управляется в ручном режиме, но, возможно, мне удастся запустить некоторые контуры искусственного интеллекта, который успел доказать нам свою надежность...

«Пока я не убил его собственными руками», – добавил Андрей про себя.

Надежду на то, что Фрама можно попробовать оживить, подарил ему Чен. Китайский биолог оказался на удивление хорошим специалистом в области информационных систем. Когда Гумилев коротко рассказал ему, как вывел из строя Фрама после того, как понял, что станция перешла под контроль невидимого противника, Чен на минуту задумался а потом произнес:

– Насколько я понимаю, ваш искусственный интеллект воспроизводит все функции, которые есть у человеческого головного мозга. Вы не убили его, господин Гумилев. Выражаясь образно, вы сделали ему лоботомию. Но после лоботомии человек хотя и остается калекой на всю жизнь, но все же продолжает осуществлять некоторые примитивные функции. Если вы покажете мне тот резервный пульт управления, с которого вы отключали Фрама, я попробую восстановить его... разумеется, не в полном объеме. Условно говоря, это будет не гений, способный доказать теорему Ферма, а собачка, приносящая тапочки и выполняющая команду «служить». Но нам и это может пригодиться.

– Хорошо, – решил Андрей. – Я отведу вас в резервную рубку.

– И тогда мы сможем выбраться? – спросил Беленин.

Олигарх тоже был здесь, среди тех, кто пришел в кают-компанию, чтобы выслушать Гумилева. Как будто и не было жестокой схватки в каюте Илюмжинова, как будто не его охранник превратился в кусок окровавленного мясного фарша.

Странные люди, подумал Андрей. Когда речь идет об их выживании, они готовы схватиться не только за соломинку, но и за руку своего злейшего врага...

– С большой степенью вероятности. Рельеф дна, на котором мы сейчас находимся, повышается. Мы как бы взбираемся по склону огромной и очень пологой подводной горы. К сожалению, мы не знаем, как долго это будет продолжаться. Но, если мне удастся запустить Фрама...

– Мне кажется, воздух стал каким-то спертым, – пробормотал писатель, лихорадочно расстегивая верхнюю пуговицу дорогой сорочки.

– Только без паники! – жестко оборвал его Гумилев. – Недостаток кислорода начнет ощущаться часов через десять-двенадцать, не раньше. До этого у нас есть время, чтобы все исправить. Во-первых, мы должны открыть дверь в рубку управления, где заперлись Поздняк и его люди. У нас есть мощный газовый резак...

– Вот он! – стоявший за спиной Андрея Гордеев торжественно поднял сверкающий хромом аппарат. – Любую дверь вскрывает, как консервную банку!

– Не нужно ничего вскрывать, – прогудел хорошо знакомый Гумилеву густой голос. – Хватит играть в игрушки, доигрались уже...

Андрей обернулся. В дверях кают-компания стоял, пошатываясь, генерал Свиридов – в синем спортивном костюме, с рукой на перевязи. Выглядел генерал плохо, но глаза его по-прежнему цепко смотрели на Гумилева.

– Я прикажу подполковнику Поздняку открыть дверь рубки, – продолжал Свиридов. – А вы, господин Гумилев, уж приложите максимум усилий, чтобы реанимировать вашего Фрама.

Андрей облегченно вздохнул. То, что Свиридов, хотя бы временно, выступил в роли его союзника, давало надежду на то, что удастся обойтись без кровопролития.

– Тогда не будем терять времени, – сказал он. – Идемте к рубке. Постарайтесь объяснить своим людям, генерал, что мы все сейчас в одной лодке. И это не аллегория.

– Смешно, – сказал Свиридов.

Прошло десять часов.

Андрей и Марго сидели у кровати Маруси. Девочка безмятежно спала, убаюканная сказкой о Золушке, которую Марго рассказывала ей перед сном каждый вечер. Маруся была очень консервативна в своих литературных предпочтениях.

– Такая милая, – улыбнулась Марго, поправляя упавший на пухлую Марусину щечку светлый локон. – Спрашивает меня сегодня: а зачем мы под воду нырнули? Мы что, хотим с рыбками подружиться?

Андрей вздохнул.

– С медведями уже подружились...

– Как ты думаешь, – спросила Марго, посерьезнев. – Есть у нас шанс?

Андрей наклонился и поцеловал ее в висок.

– Есть, конечно. Чену удалось восстановить кое-какие функции Фрама. Голосовую, например. Так что, если станет скучно, можешь с ним побеседовать.

– Но наверх мы, по-прежнему, подняться не можем?

Гумилев отрицательно покачал головой.

– Пока нет. Но есть и хорошие новости. По-настоящему хорошие.

– Какие же?

– Первое, что сделал Фрам, вернувшись к жизни – засек неподалеку какой-то движущийся объект. А час назад мы приняли сигнал с этого объекта.

– Это спасатели? – не удержавшись, воскликнула Марго. – Нас ищут!

– Тише, малыш. Это не спасатели. Это всего-навсего канадская подводная лодка «Да Винчи». Слава богу, не военная, а исследовательская.

– И с ними есть связь?

– Ну, в общем, да. Они по каким-то причинам не могут пойти к нам навстречу, но готовы оказать необходимую помощь, если мы доберемся до них сами. Не очень-то любезно с их стороны, но и это лучше, чем ничего. Во всяком случае, кислородная установка у них в порядке.

– А далеко они?

– Километров восемьдесят. Если мы будем двигаться с прежней скоростью, то доберемся до них часов через десять.

– А воздуха нам хватит?

– Впритык. Уже сейчас дышать тяжело, ты чувствуешь?

– Ага.

– С каждым часом ситуация будет все ухудшаться. Чен предлагает уменьшить подачу кислорода, и погрузить всех членов экипажа в сон. Во сне потребление кислорода резко снижается, ты же знаешь.

– А кто поведет станцию?

– Я. Один человек много не надышит. Кроме того, Чен обещает реанимировать функцию автопилота, чтобы станция могла идти по пеленгу.

– Значит, нас спасут?

Андрей обнял Марго и поцеловал ее долгим, нежным поцелуем.

– Обязательно, малыш. Нас обязательно спасут. Я тебе обещаю.

Они уснули уже под утро. Андрею приснилось, что он, двадцатилетний, полный планов и надежд на блестящее будущее, идет по какому-то зеленому скверу, и вдыхает аромат свежей, умытой недавним дождем листвы. На шее у него ста-

ренький кассетный плеер, в ушах – наушники. А в них «Наутилус» из далекого девяносто шестого:

*Я пытаюсь разучиться дышать,
Чтоб тебе хоть на минуту отдать
Того газа, что не умели ценить,
Но ты спишь и не знаешь,
Что над нами – километры воды,
Что над нами бьют хвостами киты,
И кислорода не хватит на двоих.
Я лежу в темноте,
Слушая наше дыхание.
Я слушаю наше дыхание,
Я раньше и не думал, что у нас
На двоих с тобой одно лишь дыхание.*

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Захват

Июнь 2009 года. Арктика, база «Ultima Thule».

Личные апартаменты рейхсфюрера СС Марии фон Белов

1

– Для победительницы скачки Одина у тебя слишком похоронный вид, – заметила Мария фон Белов.

– Бабушка, – Катарина изо всех сил пыталась не разреветься, – только что погиб Сурт... мой зверь погиб, понимаешь?

Рейхсфюрер протянула тонкую невесомую руку и погладила внучку по волосам. «Роскошным светлым волосам, – подумала она вскользь. – Когда-то и у меня были такие.»

– Понимаю, девочка. Мне тоже приходилось терять любимых. И не только зверей.

Катарина все-таки всхлипнула и Мария фон Белов незамедлительно влепила ей пощечину – не сильную, но обидную.

– Держи эмоции при себе. Ты все-таки унтер-офицер.

Катарина вытянула руки по швам и сжала губы так, что они превратились в две бесцветные ниточки.

– Прошу прощения, рейхсфюрер. Минутная слабость.

– Мне сообщили о том, что ты сделала с гауптштурмфюрером фон Лютцов. Надеюсь, у тебя были серьезные основания для того, чтобы сломать ей руку?

– Да, рейхсфюрер. Она использовала подлые приемы с целью стать капитаном стражи Большого Периметра.

Мария фон Белов фыркнула.

– Я всегда относилась к ней с недоверием. Впрочем, ваш конфликт в любом случае будет рассматривать внутренний суд Ордена. Но сейчас не об этом.

Рейхсфюрер поднялась на ноги и сделала несколько неуверенных шагов к письменному столу. На столе царил идеальный порядок – бумаги разложены аккуратными стопками, в вырезанной из камня вазочке – остро заточенные разноцветные карандаши. Мария фон Белов уселась в кожаное кресло с высокой спинкой и набрала комбинацию цифр на сейфовом замке, запиравшем выдвижной ящик ее стола.

– Хочу тебе кое-что показать, девочка. Подойди поближе.

Катарина повиновалась. Бабушка не без труда водрузила на стол какой-то металлический предмет, похожий на серебристую плоскую коробку. Щелкнула рычажком и откинула крышку. Внутренняя сторона крышки была темной и напоминала экран визора, только не стеклянный, а, может быть, пластиковый. Еще в коробке обнаружилась клавиатура, напоминавшая клавиатуру пишущей машинки, но с буквами английского, а не немецкого алфавита и огромным количеством лишних клавиш.

– Что это, рейхсфюрер? – не удержалась Катарина. Мария фон Белов усмехнулась.

– Одно из технологических достижений Большого мира. Они называют это «ноутбук» или «лэптоп». По сути дела, это вычислительная машина, только очень маленькая и работающая от аккумулятора.

Она нажала какую-то кнопку, и темный экран начал разгораться белым светом. На нем появились буквы – Windows XP.

– Их технология развивается по пути миниатюризации, – пояснила Мария фон Белов. – Говорят, существуют устройства размером с пачку сигарет – с их помощью можно связываться с людьми в любом уголке Земли.

– Рации?

– Скорее, телефоны, только оснащенные кучей дополнительных функций.

– Почему же ничего этого нет у нас? Ведь наши друзья могут привозить нам всякие технические новинки?

– Какая ты любопытная, – хмыкнула рейхсфюрер. – Мы сознательно отгораживаемся от технологий Большого мира, потому что они могут сделать нас слабыми. Например, сигналы от этих маленьких телефонов могут быть перехвачены спутниками космических систем связи... а мы тратим немало сил и средств на то, чтобы оставаться незамеченными.

Но кое-что все-таки приходится использовать, вот как эту вычислительную машину...

Она с раздраженным видом потыкала пальцем в клавиши.

– Смотри, – сказала Мария фон Белов, – вот то, что я хотела тебе показать.

Катарина посмотрела.

На экране была фотография какого-то необычного транспортного средства – ничего похожего Катарина никогда прежде не видела. То ли огромная подводная лодка, то ли исполинский батискаф, но оснащенный таким количеством дополнительных деталей, что поневоле возникали сомнения в рациональности его конструкции. Гусеницы гигантского танка, неширокие крылья, выпуклые прозрачные колпаки, похожие на гермошлемы скафандров... Чем бы ни было это удивительное транспортное средство, оно, без всякого сомнения, находилось под водой.

– Восемь часов назад эта штука преодолела Большой Периметр и вторглась на территорию колонии Туле, – сказала Мария фон Белов.

Катарина широко открытыми глазами смотрела на изображение на экране. Теперь она четко различала нарисованный на фюзеляже (если это, конечно, был фюзеляж) трехцветный бело-сине-красный флаг и большие буквы кириллического алфавита, складывавшиеся в слово «Россия».

– Это боевая машина русских? – спросила Катарина срывающимся голосом. – Почему же ее не остановили стражи Большого Периметра?

– Машина русская, да, – Мария фон Белов тяжело вздохнула, словно отгоняя от себя непрошенные воспоминания. – Но не боевая, хотя оружие там, конечно, есть. Это модуль терраформирующей станции, на которой находится научная экспедиция, изучающая Арктику. По счастливой случайности, эта станция направляется прямо к нам.

– По счастливой, рейхсфюрер? – Катарина не верила своим ушам.

– Да, потому что на станции находится кое-что, очень нужное нам, девочка. Кроме того, там находится несколько наших друзей. Они знают, что мы их ждем, и готовы обеспечить нам достойную встречу.

– Боюсь, я не понимаю, – опустила глаза Катарина.

– Все тебе понимать и не нужно, – буркнула Мария фон Белов. – Это завершающая часть плана, придуманного очень, очень давно. В его осуществлении принимали участие сотни людей, и лишь единицы из них догадывались, что и для чего они делают. Важно, чтобы каждый на своем месте понимал, в чем его задача, и старался выполнить ее как можно лучше.

Катарина, наконец, справилась с волнением, мешавшим ей правильно формулировать мысли.

– Могу я узнать, в чем моя задача, рейхсфюрер?

Мария фон Белов устало улыбнулась.

– Молодец, девочка. Конечно, можешь. Я собираюсь поручить тебе возглавить одну из двух штурмовых групп, которые должны будут захватить русскую станцию, как только она приблизится к Туле. Вторую возглавит мой адъютант Шарлотта Фриз. Справишься?

Катарина раздумывала не дольше пяти секунд.

– Полагаю, да, рейхсфюрер. Наши группы будут действовать одновременно?

– Да. Одна группа должна взять под контроль экипаж станции, другая – радиорубку и силовую установку. Я планирую поручить тебе первую задачу, поскольку у Шарлотты, в отличие от тебя, есть превосходное инженерное образование. А как обходиться с людьми, которые тебе не нравятся, тебя учить не надо. Как мы это сегодня выяснили

Катарина нахмурилась.

– А как я узнаю, кто из экипажа наши друзья?

– Я покажу их тебе, девочка.

Мария фон Белов защелкала клавишами вычислительного устройства. На экране появилась цветная фотография молодого китайца, одетого в строгий серый костюм.

– Это наш самый главный друг, – голос рейхсфюрера прозвучал торжественно. – У него в руках – страховка на тот случай, если что-то пойдет не так. Его зовут Чен, он желтый китаёза, но для нас он ценнее самого чистокровного арийца, во всяком случае, пока. Что бы ни случилось, с головы этого человека не должен упасть ни один волос.

– Я запомнила, рейхсфюрер, – кивнула Катарина.

– Вот второй. Он русский, его зовут Михаил Беленин. Это человек, который хочет заполучить в свою собственность всю нефть и газ Арктики... и готов ради этого на очень и очень многое. Его убивать тоже нежелательно.

Беленин понравился Катарине еще меньше, чем Чен. У него было надменное и обрюзгшее лицо римского патриция, с которым плохо сочетались маленькие темные глазки, глубоко спрятаные под выдающимися надбровными дугами.

– У этих двоих есть свои люди среди экипажа. В момент захвата – а может быть, и раньше – они должны нейтрализовать охрану станции. Мы договорились о кодовом слове, хотя, разумеется, если начнется заварушка, вам там будет не до кодовых слов. В любом случае, это слово «бананы».

– Почему «бананы»? – удивилась Катарина.

– Потому что вряд ли человек, на которого направлен ствол пистолета, ни с того ни с сего заорет «бананы!». Но уж если он его заорет, можно не сомневаться – это наш друг.

– А что делать с остальными? Которые не друзья? Убить?

Мария фон Белов посмотрела на свою сильную, уверенную в себе красавицу-внучку и тяжело вздохнула.

– По обстоятельствам, – сказала она, наконец. – Действуй по обстоятельствам.

2

Катарина фон Белов в десятый раз прошла вдоль строя своих Валькирий, придирчиво осматривая их обмундирование. Все было безупречно – новенькая черная форма сидела на девушках, как влитая, кортики занимали предписанное уставом место на расстоянии одной ладони от пряжки ремня, вороненные рыльца автоматов выглядывали из-за левого плеча. У самой Катарины за спиной висел портативный Metallstrahl⁵ – грозное оружие, выстрел из которого прошивал насквозь четырехдюймовую стальную плиту. Двенадцать Валькирий, вооруженных до зубов и готовых растерзать любого, кто покусится на их маленький фатерланд.

Команда Шарлотты Фриз выстроилась в другом конце ведущего к шлюзам тоннеля. У оберлейтенанта было больше людей – двадцать человек, но Валькирий из них было всего восемь, остальные – техники из вспомогательных подразделений. Это обстоятельство давало Катарине повод думать, что ее людям поручено более ответственное задание. Наверняка русские окажут сопротивление, начнется стрельба. Пока техники Фризе будут заниматься своими скучными делами в радиорубке

⁵ «Металлический луч». Электромагнитная пушка, выпускавшая крошечные металлические частицы с огромной скоростью, что-то вроде гиперскоростного дробовика. Разрабатывалась нацистами в последние годы существования Третьего Рейха, по некоторым данным, использовалась против авиации союзников. В портативных версиях выпускалась только в колониях в Антарктиде (Новая Швабия) и Арктике (Туле). Вспомогательная женская служба СС.

и машинном отсеке, Валькирии Катарина будут сражаться с азиатскими варварами. Это ли не свидетельство высокого доверия, которое оказала ей рейхсфюрер?

Чрезвычайно гордая собой, Катарина забыла даже, что еще несколько часов назад тайком плакала, вспоминая о погибшем Сурте. Гонки на медведях, конечно, неплохо повышают уровень адреналина в крови, но никакие соревнования не могут сравниться с предвкушением поединка со смертельно опасным противником.

– Помните, девушки, – отчеканила Катарина, – нам предстоит за несколько минут подавить сопротивление со стороны русских. На нашей стороне будет фактор внезапности – их экипаж уверен, что идет по сигналу канадской подводной лодки. Когда «Скат» приведет их к шлюзу, они, скорее всего, заподозрят неладное, но тут им уже некуда будет деться. Выход из туннеля блокируют Морские Собаки, а в шлюзе будем поджидать их мы. – Разрешите вопрос, унтер-офицер, – подала голос золотоволосая Хельга Байер.

– Разрешаю, – важно кивнула Катарина.

– А если они не откроют входные люки? Что тогда?

– Тогда техники из команды оберлейтенанта Фриз вскроют их плазменными резаками. После этого мы проникнем внутрь и нейтрализуем всех, кто попытается оказать сопротивление. Разрешаю огонь на поражение по всем целям, кроме специально обговоренных на инструктаже. И вот еще что: постарайтесь не испортить оборудование русской станции. Она нам еще понадобится. Еще вопросы?

Вопросов больше не было, и Катарина, одобрительно кивнув, отошла от своей группы – ей не терпелось обсудить кое-какие вопросы с более опытной Шарлоттой Фриз.

– Как ваши люди, унтер-офицер? – не оборачиваясь, спросила Шарлотта. Она внимательно вглядывалась в экран настенного визора. – Готовы к операции?

– Разумеется, оберлейтенант. Им уже не терпится ворваться на русскую станцию. Не удивлюсь, если они заключают пари, кому посчастливится взять в плен вражеского капитана.

– Главное – не увлекайтесь, Катарина, – посоветовала Фриз. – Все-таки, это не военное судно, скорее всего, они просто сдадутся в плен. А нам, как вы понимаете, не помешает десяток-другой заложников.

Катарина поджала губы. Она уж как-нибудь сама разберется, как ей поступать с экипажем станции. Не для того она подошла к Шарлотте, чтобы выслушивать ценные указания, как надо вести себя во время захвата.

– Я хотела спросить вас о предметах. Насколько я понимаю, это главная наша цель...

– Не совсем, – холодно улыбнулась Фриз. – Это главная цель моего подразделения.

– Но...

– Никаких «но». Приказ рейхсфюрера не подлежит обсуждению. За судьбу предметов отвечают мои люди.

Катарина промолчала, переживая неожиданное унижение. Вот значит как, бабушка, подумала она. Грязную работу ты поручила мне, а захват сокровищ, которые везут сюда русские – этой стерве Шарлотте!

– Я все-таки хочу уточнить, – проговорила она, с трудом сдерживая нахлынувшую злость. – Какие-либо из этих предметов могут быть использованы против штурмовой группы?

Фриз пожала плечами.

– Теоретически – да. На станции, например, находится мощный артефакт «Морской конек», с помощью которого можно убивать людей и разрушать материальные объекты на расстоянии. Но, насколько мне известно, этот предмет принадлежит нашему китайскому другу, который может воспользоваться им против русских, но вовсе не против нас.

Шарлотта вдруг помрачнела.

– Честно говоря, существует только одно обстоятельство, которое тревожит меня по-настоящему. Уже десять часов русская станция не выходит на связь. Они по-прежнему идут по нашему пеленгу, но идут в полнейшем радиомолчании.

– Может быть, у них испортился передатчик? – предположила Катарина.

– Скорее всего, так и есть. Но это означает, что мы потеряли единственный канал, по которому наш китайский друг мог информировать нас о событиях, происходящих на станции. Теперь это игра вслепую. Поэтому, унтер-офицер, ваш вопрос не так глуп, как может показаться на первый взгляд.

– Глуп? – вспыхнула Катарина.

– Наивен, – поправилась Фриз. – Если Морской Конек действительно попал в руки чекистов, нас могут ожидать неприятные сюрпризы. Хуже всего то, что определить, у кого именно он находится, невозможно. Поэтому, если вы увидите, что с кем-то из ваших людей происходит что-то непонятное... например, невидимая сила ломает им руки или ноги, отрывает голову...

– Голову?

– Конек способен еще и не на такое. Так вот, в этом случае забудьте мои слова о том, что нам нужны заложники, и убивайте всех, кто находится в поле вашего зрения.

В этот момент под металлическим потолком шлюза завывали сирены. Оберлейтенант Фриз ткнула пальцем в экран визора.

– Объект вошел в туннель. Возвращайтесь к своим людям, унтер-офицер.

Туннель, пробитый в лавовом пузыре потухшего вулкана, имел около четырехсот метров в длину и пятьдесят – в ширину. Массивная русская станция двигалась по нему так уверенно, будто штурман проходил этот маршрут каждое утро. Перед ней скользила легкая подводная лодка «Скат», не приспособленная для длитель-

ных переходов, использовавшаяся колонией Туле для исследования морского дна в радиусе двухсот километров от вулкана.

Как только объект преодолел половину пути до ворот шлюза, у входа в тоннель появилась стая Морских Собак. Тюленеподобные существа принялись сновать между скальными выступами, обрамлявшими вход наподобие античных колонн, натягивая между ними крупноячеистую металлическую сеть. Когда плетение этой грубой паутины было закончено, двое Морских Собак установили на каменистом дне громоздкий черный генератор и подсоединили его кабелем к сети.

Теперь, если бы станция решила повернуть назад, она неизбежно напоролась на сеть, через которую Собаки в ту же секунду пустили бы электрический ток огромной мощности. Подобный разряд выключил бы всю аппаратуру станции, ослепил бы и обездвижил ее. На жаргоне стражей Ближнего Периметра эта электрическая ловушка называлась *Nacht und Nebel*⁶.

Но объект и не думал поворачивать. Он, не снижая скорости, прошел последний отрезок туннеля и приблизился к стальным воротам шлюзов. Здесь его уже ждал «Скат», по-прежнему передававший сигнал «следуйте за мной».

– Открыть внешние ворота, – раздался под стальными сводами усиленный мегафоном голос Шарлотты Фриз.

Катарина услышала рев врывающейся в первый шлюз воды. Титанический удар хлынувшей из туннеля волны сотряс десятидюймовые створки внутренних ворот. Некоторое время гул нарастал, потом затих. Внешние ворота закрылись и стало слышно громкое чавканье насосов, откачивавших воду из первого шлюза.

Время тянулось невыносимо медленно. Наконец, сирена под потолком завывала снова, предупреждая о том, что через минуту откроются внутренние ворота.

⁶ «Мрак и туман» - печально известный приказ Гитлера об аресте на территории Голландии, Бельгии и Франции лиц, «представляющих опасность для безопасности Германии». Что делать с арестованными, Гестапо решало само – согласно воле фюрера, они должны были «бесследно исчезнуть во мраке и тумане».

– Готовность номер один! – скомандовала Катарина фон Белов.

Створки ворот начали расходиться в стороны с жутким, режущим уши, скрежетом. Погруженное во тьму пространство внешнего шлюза вдруг прорезали слепящие лучи прожекторов. В их свете тускло заблестела черная обшивка «Ската» и ярко-белая поверхность русской станции. Оба аппарата напоминали выброшенных на берег морских обитателей – только «Скат» казался маленькой рыбешкой, едва заметной в тени кита.

Загрохотали скрытые под металлическим полом механизмы, и русская станция тяжело заскользила по выдвинувшимся стальным рельсам туда, где ее уже ожидали штурмовые группы Катарины фон Белов и Шарлотты Фриз. Гигантская машина остановилась в десяти шагах от выстроившихся в боевом порядке Валькирий и замерла в зловещем молчании.

– Приготовиться! – громко скомандовала оберлейтенант. – Техники, включить резак!

«Значит, придется вскрывать эту консервную банку, – подумала Катарина. – Русские все-таки поняли, что попали в ловушку – но, увы, слишком поздно!».

В следующую секунду она поняла, что ошиблась.

Массивная плита люка с громким «п-ш-ш» отделилась от белоснежного борта станции и поползла вверх. Из открывшегося проема, развернувшись огромным надувным языком, упал красный пневматический трап. В ту же секунду Валькирии направили на него стволы своих автоматов. Но в проеме никого не было. Трап словно приглашал окруживших станцию Валькирий подняться на борт.

Катарине показалось, что если она промедлит хотя бы лишнюю секунду, Шарлотта со своими технарями опередит ее и ворвется на борт русской станции первой. Ее захлестнуло то же чувство азарта, которое она все время испытывала во время гонок Одина.

– Группа, вперед! – крикнула Катарина фон Белов, срываясь с места.

Валькирии бросились к трапу. Рифленые подошвы десантных ботинок все-таки скользили на гладкой резине. Катарина, хватаясь за края трапа, первой ворвалась в гостеприимно распахнутый дверной проем.

За ним находилась небольшая шлюзовая камера, в которой вряд ли могло бы поместиться больше пяти человек сразу. Внутренняя дверь камеры тоже была открыта.

Катарина отработанным движением сбросила с плеча ремень, на котором висел ее Metallstrahl. Теперь ей не страшен был даже целый взвод русских. Но никто не спешил вступать с ней в поединок. В коридорах станции царила гнетущая тишина. И воздух был здесь какой-то мертвый, затхлый – как в давно запечатанном склепе.

– Группа, за мной, – скомандовала Катарина. Валькирии двинулись вперед по тускло освещенному коридору, стены которого были обиты каким-то пористым пластиком. Слышно было, как сзади штурмуют трап техники из команды Фриз, но оборачиваться Катарине не хотелось.

Коридор привел их в обширный полукруглый зал с уютными мягкими креслами и огромным плоским экраном, занимавшим половину стены. В другое время этот экран наверняка заинтересовал бы Катарину, но сейчас ей было не до чудес техники Большого мира. Ей следовало выполнить боевую задачу, поставленную рейхсфюрером, а экипаж русской станции словно под землю провалился.

– Ну и где они все? – произнес у нее за спиной голос Шарлотты Фриз. «Быстро добралась», – с неприязнью подумала Катарина.

Под потолком зала вспыхнули яркие огоньки, и чей-то приятный голос произнес что-то по-русски. Катарина слишком плохо знала этот язык, чтобы разобрать, о чем идет речь.

– Что он говорит? – шепотом спросила она у оберлейтенанта.

Шарлотта выглядела растерянной. Она явно поняла больше, чем фон Белов, но услышанное так поразило ее, что она с самым идиотским видом принялась осматриваться по сторонам, будто пытаясь найти спрятавшегося обладателя голоса.

Голос повторил ту же фразу. На этот раз Катарина разобрала слово «интеллект».

– Это машина, – неуверенно проговорила Фриз. – Она говорит, что экипажу станции угрожает опасность, и просит принять меры по его спасению.

– Но куда они подевались?

– Непонятно. Машина говорит, что у них кончился кислород...

– Задохнулись? – фыркнула Катарина. – Оно, впрочем, и неудивительно – воздух тут как в гробу...

– Нам нужно их найти, – к Шарлотте вернулась былая уверенность. – И чем скорее, тем лучше.

– За мной! – приказала Катарина, обернувшись к своим Валькириям. И первая устремила к изящной винтовой лесенке, ведущей на верхнюю палубу загадочной русской станции.

Машина продолжала бубнить что-то своим мелодичным голосом. Теперь уже Катарина разбирала русские слова «требуется помощь», повторявшиеся с интервалом в две минуты. Как бы спросить у этой дурацкой машины, где находятся те, кому требуется помощь?

– Эй, – крикнула она, остановившись на верхней ступеньке лестницы. – Эй ты, машина! Где люди? Где экипаж?

Она говорила по-немецки, почти уверенная в том, что машина ее не слышит, а если и слышит, то не понимает. Но голос вдруг ответил ей с теми же бархатистыми интонациями, но на чистейшем хох-дойче.

– Говорит Фрам, искусственный интеллект станции «Земля-2». Станция повреждена, прекращена подача кислорода в жилые помещения. Экипаж и пассажиры станции в опас-

ности, им требуется помощь. Пассажиры и экипаж находятся в своих каютах, в медицинском отсеке, в рубке управления. Им требуется помощь.

– Где находится рубка управления? – крикнула Катарина.

– На палубе С, в конце желтого коридора, помещение 28 С, – без малейшей запинки ответил голос. – Следуйте за световыми указателями.

Губчатый пластик глушил шаги. Катарина бежала по коридору, ощущая идущую от следовавших за ней Валькирий густую волну охотничьего азарта. Она сама чувствовала себя хищником, выслеживающим добычу, белой медведицей, подкрадывающейся к дремлющей на краю полыньи Морской Собаке. Вот, наверное, что переживал ее любимый Сурт, когда отрывал голову очередной жертве.

Дверь под номером 28 С была приоткрыта. Катарина с разбегу толкнула ее и ворвалась в рубку управления.

Здесь повсюду были люди. Кто-то скорчился в кресле, кто-то лежал на полу. Некоторые из них были уже мертвы, но большинство просто находилось без сознания.

Катарина фон Белов опустила ствол своего «Металлического Луча». Сражаться здесь было уже не с кем. Недостаток кислорода обезвредил русских надежнее любой штурмовой группы. Катарина почувствовала себя обманутой.

Она подошла к креслу перед пультом, выглядевшим, как иллюстрация к научно-фантастическому роману. В кресле сидел высокий мужчина с резкими, и, пожалуй, даже привлекательными чертами белого, как мел, лица. На коленях у него свернулась калачиком маленькая светловолосая девочка. Оба выглядели так, будто только что мирно задремали, вернувшись домой после утомительной прогулки.

Катарина легко подняла девочку на руки и передала Хельге Байер. Потом сняла с пояса наручники, завернула мягкие, словно из ваты слепленные руки мужчины за спину и защелкнула у него на запястьях стальные браслеты.

– Сделайте то же самое со всеми живыми, – велела она своим Валькириям. – Мертвых оттащите вон туда, в угол. Когда закончите, прочешите все жилые каюты и медотсек.

Она рывком подняла мужчину на ноги и вlepила ему сильную пощечину. Веки мужчины дрогнули. Несколько секунд он бессмысленно смотрел на нее, потом голова его бессильно упала на грудь.

Но Катарине этих секунд хватило. Она торжествующе улыбнулась и, вытащив из кобуры «люгер», приставила его к голове своего пленника.

Глаза у мужчины были разного цвета.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Кирилл Бенедиктов

Блокада

Книга первая
ОХОТА НА МОНСТРА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2009

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2009

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Японец

Берлин, июнь 1942 года

К полуночи пошел дождь.

Улицы, и без того темные — в Берлине сэкономили электричество — залил чернильный мрак. Обитатели Пренцлауэрберг — художники, поэты, музыканты — ложились спать позже прочих добропорядочных горожан, поэтому кое-где за реечными ставнями еще мерцали слабые желтые огоньки. Но мокрые мостовые были пусты, и никто не смотрел из окон. А если кто-то и выглянул бы на минутку, то все равно ничего не увидел за темно-серой завесой дождя.

На углу трехэтажного фахверкового дома грохотала старинная водосточная труба. Поток, вырывавшийся из ее жестиного горла, разбивался о тяжелые ботинки человека, чья массивная фигура в длинном черном плаще словно вырастала из стены дома. Брюки человека были мокры до колен, но он не обращал на это внимания. Он стоял совершенно неподвижно, ни на мгновение не отрывая взгляд от щедро поливаемой дождем безлюдной улицы.

Звука шагов он не слышал — слишком громко гремела жесь водостока. Впереди, за толстыми, как жгуты, струнами ливня темнота вдруг сгустилась еще больше, и бесформенная черная тень бесшумно поплыла к нему над мокрой мостовой.

Человек ощутил беспокойство. Не страх — организация, в которой он служил, сама была олицетворением ужаса — но словно бы покалывание в кончиках пальцев, предупреждав-

шее о скрытой опасности. Тень, приближавшаяся к нему, скользила над лужами, как привидение в фильмах Фридриха Мурнау. Человек любил фильмы о вампирах и привидениях, хотя никому в этом не признавался. В редко выдававшиеся свободные вечера он ходил в кино на старые немые картины, и там, в темном, полупустом зале, иногда чувствовал такой же щекочущий нервы холодок. Вот только этот призрак был не киношным, сделанным из папье-маше и тряпок, а настоящим.

Он усилием воли подавил нарастающую тревогу и, отлепившись от фахверковой стены, шагнул навстречу черной тени.

— Господин Юкио Сато?

Плывшая к нему тень остановилась, тут же потеряв всю свою таинственность. Под дождем стоял невысокий, сутуловатый старик в странном черном одеянии и войлочных туфлях. У старика было сморщенное круглое лицо, напоминавшее печеное яблоко, редкие седые волосы, налипшие на мокрый лоб, узкие азиатские глаза и длинные негустые усы. В руках он держал длинную деревянную палку, изукрашенную затейливым орнаментом.

Все это человек, заступивший старику дорогу, рассмотрел и запомнил за считанные секунды — он был профессионалом. Прежде, чем азиат открыл рот, чтобы ответить, человек определил его рост (сто шестьдесят сантиметров), вес (пятьдесят килограммов) и расовую принадлежность (японец). Все сходилось с описанием, полученным им накануне. Все, кроме...

При старике не было никакого багажа. Ни чемодана, ни сумки, ни даже мешка за спиной (допускался и такой вариант). Между тем, в ориентировке четко указывалось — Юкио Сато, садовник японского посольства — курьер, имеющий при себе некий ценный груз.

Старик смотрел на человека хитро прищуренными азиатскими глазами. По лицу его стекали крупные капли дождя.

— Звините, позаруста, — произнес он, нещадно коверкая слова. — Моя не понимать по-немецки. Совсем ничего не понимать.

— Господин Юкио Сато, — повторил человек в плаще. — Я криминалькомиссар гестапо Шефер. Мне хорошо известно, что вы прекрасно говорите по-немецки. Позвольте ваши документы.

Печеное яблоко сморщилось еще больше. Узкие плечи старика поникли под бесформенной черной курткой.

— Моя не понимать, — жалобно повторил старик. Потом забормотал что-то на языке, которого Франц Шефер не знал. К тому, что курьер начнет валять дурака, офицер тайной полиции был готов. Он положил руку на расстегнутую кобуру и произнес лязгающим голосом:

— Документы!

Старик вздрогнул и сунул руку за отворот своего странного одеяния. Покалывание в пальцах усилилось. Шеферу потребовалось мгновение, чтобы сомкнуть их на рукоятке «Вальтера» и еще одно — чтобы начать вытаскивать пистолет из кобуры.

— Позаруста, — едва не плача, проговорил старик. Он действительно извлек из-за пазухи какие-то мятые бумаги и теперь протягивал их офицеру. Шефер с облегчением разжал пальцы, и «Вальтер» скользнул обратно в кобуру.

Документы, насколько мог судить криминалькомиссар, были в порядке — аусвайс с фотографией, разрешение на выезд из Берлина, письмо на бланке японского посольства, заверявшее, что податель сего, герр Юкио Сато, является подданным японского императора, и требовавшее в случае любых недоразумений рассматривать их в присутствии консула... Но Шефер и не ждал, что документы окажутся подложными.

— Вам придется поехать со мной, — произнес он, аккуратно складывая бумаги и пряча их в карман плаща. Глаза криминалькомиссара ни на мгновение не отрывались от старика.

Сато вежливо поклонился и сделал шаг назад.

— Гоменасай, Шефер-сан...

На этот раз даже не владеющий японским криминалькомиссар все понял. В следующую секунду ствол «Вальтера» уже смотрел в грудь старика.

— Без глупостей, — рявкнул гестаповец. — Руки за спину!

Его зычный голос перекрыл шум бьющего из водосточной трубы потока. За углом тут же взревел мощный мотор и на перекресток выехала большая черная машина, осветив своими фарами замерших друг напротив друга людей. Свет бил из-за спины Шефера, превращая его в вырезанную из черного гранита фигуру, и слепил старика. Гестаповцу показалось, что один глаз Сато отсвечивал голубым, а другой — зеленым.

Дверцы «Хорьха» хлопнули одновременно. Шеферу не было нужды оборачиваться — он и так прекрасно знал, что происходит за спиной. Эрих и Герхард приближались к нему, держа в руках пистолеты. На старика было направлено три ствола. Только безумец мог попытаться спастись бегством в такой ситуации. Безумец или самоубийца.

Юкио Сато оказался безумцем.

Он разжал пальцы и уронил посох на мостовую. Посох почему-то падал очень медленно. Шефер отчетливо видел, как разбиваются о его полированную поверхность маслянистые капли дождя. За долю секунды до того, как посох коснулся асфальта, носок войлочной туфли старика поднырнул под его широкий набалдашник и подбросил палку вперед и вверх. Криминалькомиссару показалось, что ло-

коть ему раздробила пуля. «Вальтер» выпал из повисшей плетью руки и плюхнулся в лужу.

— Огонь! — крикнул Шефер срывающимся голосом.

И он, и его подчиненные получили самые строгие инструкции — во что бы то ни стало взять Сато живым. Поэтому Эрих и Герхард открыли стрельбу, целясь старику в ноги. Но там, где еще мгновение назад стоял садовник японского посольства, уже никого не было.

Черная тень взвилась на полтора метра вверх. Странное платье старика развернулось, как крылья гигантской летучей мыши. Послышался то ли треск, то ли хлопок, в лицо криминалькомиссару ударил сильный порыв ветра. Он успел услышать, как смачно выругался выросший в доках Гамбурга Герхард, а в следующий миг что-то врезалось ему в лицо и отшвырнуло на несколько шагов назад.

Криминалькомиссар Франц Шефер весил двести десять фунтов и занимался греко-римской борьбой. В спортзале гестапо он шутя удерживал на расстоянии вытянутой руки двух дюжих оперативников. Свалить его с ног было очень непросто, но щедедушному старику-японцу это удалось.

Удар, по-видимому, был нанесен ребром стопы, обутой в войлочную туфлю, и пришелся криминалькомиссару в переносицу. Минуту Шефер тупо сидел в луже, пытаясь найти в себе силы подняться и продолжить схватку. Где-то рядом гремели выстрелы, визжали рикошетиющие о стены домов пули, отчаянно матерился Герхард. Потом все неожиданно стихло, и Шефер подумал, что его подчиненные все-таки подстрелили Сато.

Кто-то подбежал к криминалькомиссару сзади и, просунув руки под мышки, помог ему встать. Ноги у Шефера были как ватные.

— Господин оберштурмфюрер, вы в порядке?— в голосе шофера Вилли звучала неподдельная забота. Вилли служил

в СД, и обращался к Шеферу так, как было принято в Службе безопасности. Криминалькомиссар открыл рот, чтобы сказать: «Да», и его вырвало прямо на мостовую. В голове вспыхнул разноцветный фейерверк.

— Где... японец? — прохрипел он, вытирая рот мокрым рукавом плаща. Вилли вытянулся по стойке смирно.

— Не могу знать, господин оберштурмфюрер. Я, согласно вашему приказу, контролировал перекресток.

— Пойдем, посмотрим, — выдавил из себя Шефер. В свете фар «Хорьха» был виден его «Вальтер», валявшийся у водосточной трубы. Преодолевая тошноту, криминалькомиссар наклонился и поднял пистолет левой рукой — правая по-прежнему его не слушалась.

Первым они обнаружили Герхарда. Тот лежал навзничь, глядя в черное небо, и дождь стекал по его широкому красному лицу, как будто инспектор плакал. Криминалькомиссар присел и пощупал пульс — пульса не было.

— Вилли, — каркнул Шефер, — пистолет с предохранителя!

— Слушаюсь, господин оберштурмфюрер, — голос шофера дрогнул. — Как же это он его?...

«Хотел бы я знать», — мрачно подумал Шефер. Поверить в то, что безоружный садовник японского посольства убил одного из лучших инспекторов четвертого отдела гестапо, было почти невозможно. В тридцать седьмом Герхард в одиночку взял банду налетчиков, грабивших провинциальные банки — отмороzkов, убивших кассира и двух полицейских. Одному бандиту он сломал руку, второго отправил в нокаут, третьему раздробил коленную чашечку. И вот теперь погиб от руки какого-то вшивого япошки?..

— Господин оберштурмфюрер! — воскликнул Вилли. — Здесь Эрих!

Эрих, судя по всему, продержался несколько дольше. Хороший стрелок, он не любил рукопашных схваток, предпочитая огневой контакт на расстоянии. По-видимому, он преследовал Сато, двигаясь короткими перебежками по левой стороне улицы. У крыльца увитого виноградом дома, который, судя по вывеске, был студией художника, погоня Эриха закончилась. Он полулежал на каменных ступенях, безвольно откинув руку с пистолетом. Судя по неестественно запрокинутой голове и посиневшему, как у утопленника, лицу, ему переломали шейные позвонки.

«Невероятно, — сказал себе Шефер. — Эрих не мог подпустить японца так близко. Если только... если только он не прыгнул на него сверху...»

Криминалькомиссар поднял глаза. Над крыльцом студии возвышалась поддерживаемая двумя выраставшими из стены кариатидами крыша — треугольный, стилизованный под античность козырек. Наметанный глаз Шефера сразу же определил ее высоту — три с половиной метра. Как, черт возьми, проклятый японец на нее забрался?

«А главное, где он сейчас?»

Будто в ответ на его немой вопрос, в дальнем конце улицы вспыхнули фары автомобиля.

Шефер зачем-то поправил воротник плаща и, по-прежнему держа пистолет в левой руке, пошел на свет.

Улица имела в длину двести пятьдесят шагов — это Шефер установил еще накануне, готовя план операции. От тела Эриха до второй машины — роскошного «Майбаха-SW42» — криминалькомиссар насчитал сто двадцать шагов. Он шел очень осторожно, каждую секунду ожидая нападения из темноты, но так ничего и не дождался. Улица была пуста, как и полчаса назад, когда Шефер ожидал появления Сато на углу. Чертов садовник словно бы растворился между струями неослабевающего дождя.

«Майбах» выполз из бокового переулка, превратив улицу в мышеловку. Чтобы проскользнуть мимо машины, Сато нужно было превратиться в невидимку. Но невидимки бывают только в фантастических романах. Теоретически, японец мог уйти через люк водостока — таких на улице насчитывалось пять, но криминалькомиссар еще вчера позаботился о том, чтобы их решетки были плотно заварены. Либо же, хмуро сказал себе Шефер, у него где-то здесь есть сообщник...

Стекло «Майбаха» медленно поползло вниз, открыв небольшую — чтобы не заливал дождь — щель.

— Садитесь, комиссар, — приказал чей-то хриловатый голос. — Быстрее!

Шефер распахнул дверцу машины и по-медвежьи забрался в салон. Там пахло кожей и терпкими парижскими духами. На водительском сиденье, сидел бритый наголо громила в форме СС с петлицами шарфюрера. Когда Шефер открыл дверцу, бритый повернулся и смерил его недобрый взглядом маленьких глазок.

-Спокойно, Фрицци, — сказал хриловатый голос. — Это свой.

«Как собаке», — подумал Шефер. Бритый Фрицци, однако, воспринял команду, как должное — видимо, был хорошо выдрессирован. Он отвернулся и уставился в лобовое стекло, по которому с неприятным звуком скребли автомобильные «дворники».

— Докладывайте, комиссар!

Шефер поморгал, привыкая к царившей в машине полутьме. На широком диване «Майбаха», в полуметре от него, сидела женщина в черной форме, почти сливавшейся с черной кожей салона. Духами пахло именно от нее.

— Мы упустили Сато, — сгорая от стыда, проговорил криминалькомиссар. — Двое моих лучших людей мертвы. Убиты. Это не человек, это дьявол, штандартенфюрер!

Женщина молчала.

— Почему вы не предупредили, что он так опасен?

Разговаривать в таком тоне с штандартенфюрером СС не стоило, но Шефер был уверен, что после позорного провала операции ему в любом случае придется уйти в отставку, и не боялся показаться невежливым. К его удивлению, женщина не осадила его. Извлекла из кармана мундира серебряный портсигар с затейливой монограммой, щелкнула крышкой. Длинные пальцы пианистки вытащили из портсигара тонкую сигариллу. Вспыхнул огонек зажигалки, выхватив из темноты узкое породистое лицо с большими влажными глазами. Шефер, несмотря на весь драматизм ситуации, почувствовал яростное желание схватить сидевшую напротив женщину, стиснуть ее в объятиях так, чтобы хрустнули кости, выпиться поцелуем в покрашенный темно-пурпурной помадой рот. Желание совершенно безумное, учитывая тот факт, что от прекрасного штандартенфюрера СС зависела сейчас если не жизнь, то карьера криминалькомиссара.

— Как были убиты ваши люди? — отрывисто спросила женщина.

Вопрос ошеломил Шефера, и он немного помедлил, прежде чем ответить. Совсем чуть-чуть, но этого оказалось достаточно, чтобы вывести его собеседницу из себя.

— Ну же! — прикрикнула она. — Вас что, контузило, комиссар?

— Эриху сломали шею, Герхарда... не знаю. Патологоанатом разберется.

Его ответ как будто удовлетворил женщину. Она глубоко затянулась и выдохнула ароматный дым прямо в лицо криминалькомиссару.

— Вы видели, куда делся японец?

— Нет, штандартенфюрер. Я прикажу прочесать улицу.

Возможно, он скрылся в одном из домов. Мне потребуется время, чтобы вызвать команду с Потсдамер-платц. Если только он не умеет летать, ему не уйти...

Женщина коротко хохотнула. Снова сверкнули влажные оленьи глаза.

— А если умеет?

Шефер смешался.

— Простите?..

— Ничего, комиссар. Вы разговаривали с Сато?

— Я приказал ему предъявить документы и следовать за мной. Он лопотал что-то на японском, прикидывался, что не понимает по-немецки...

— Что он держал в руках?

Шефер с запозданием понял, что подвергается самому настоящему допросу. Такому, как в подвалах на Потсдамер-платц, где располагалась штаб-квартира берлинского гестапо. Только вместо электрической лампы, бьющей в глаза резким светом, здесь был таинственно мерцающий огонек кубинской сигариллы.

— Посох, штандартенфюрер. Такую длинную резную палку с набалдашником на конце.

Женщина недовольно поморщилась.

— Посох... нет, это не то. Что еще у него было с собой?

— Ничего. Я специально обратил на это внимание, помня, что вы говорили мне о курьере. Но старик не имел при себе ни сумки, ни даже котомки.

— Понятно, — оборвала его женщина. Она о чем-то напряженно думала, покусывая спелые губы. — Курьера вы упустили, предмет не обнаружили...

— Какой предмет, штандартенфюрер? — не сдержался Шефер, и тут же пожалел о том, что задал этот вопрос.

Женщина посмотрела на него, и на этот раз взгляд ее не предвещал ничего хорошего.

— Никакой, — медленно ответила она. — Вы же не обнаружили никакого предмета, комиссар?

— Так точно, — Шефер вновь ощутил покалывание в кончиках пальцев. Только на этот раз опасность исходила не от таинственного старика-садовника, оказавшегося безжалостным убийцей, а от красивой женщины, сидевшей напротив.

Молчание повисло в салоне, как грозовая туча. Шефер физически чувствовал, что в эти секунды решается его судьба. Наконец, колющие огоньки в глазах женщины погасли, и она спросила прежним деловым тоном:

— Вы видели, откуда появился Сато?

— Нет, штандартенфюрер. Дождь, плохая видимость. Он вышел прямо на меня...

— С этой стороны улица была перекрыта моей группой, — мягко сказала женщина. — Мы полностью контролировали этот участок, и уверяю вас, комиссар, японец здесь не проходил.

Шефер подумал. Голова после удара проклятого садовника соображала плохо, но сложить дважды два было несложно.

— Значит, он вышел из одного из домов. И, вероятно, туда же и вернулся.

Женщина опустила стекло и выбросила недокуренную сигариллу в дождь.

— Проверьте эту версию, комиссар, — теперь в ее голосе слышалась усталость. — Пусть гестапо потрясет здешних обывателей. О результатах доложите мне лично.

— Есть, штандартенфюрер, — обескуражено проговорил Шефер. Кары небесные, которых он ожидал, явно откладывались на неопределенное будущее, и это окончательно сбило его с толку.

— Можете идти, — нетерпеливо сказала женщина. — Завтра представите рапорт.

Шефер полез наружу, впустив в пропахший духами салон «Майбаха» немного дождливой свежести. Когда дверца автомобиля захлопнулась за ним, женщина произнесла вполголоса, ни к кому особенно не обращаясь:

— Мюллеру мало оторвать голову.

Если бы Шефер присутствовал при этой сцене, он бы очень удивился. Потому что на реплику женщины отреагировал бритый шарфюрер СС Фрицци, которому полагалось играть роль бессловесного сторожевого пса.

— Почему, Мария?

Шефер удивился бы еще больше, увидев, что женщина охотно отвечает своему псу, имеющему наглость называть ее по имени.

— Потому что он убедил рейхсфюрера выделить для этой операции своих костоломов. Два гипнотизера из команды доктора Хирта и один боец твоего уровня взяли бы Сато живым и невредимым. И с предметом в придачу.

— Этот предмет действительно позволяет ему перепрыгивать из одного места в другое? — в голосе Фрицци звучало неподдельное любопытство.

Мария фон Белов ответила не сразу.

— До сегодняшнего дня я не была в этом уверена. Но он появился ниоткуда и ушел в никуда. Этому должно быть какое-то разумное объяснение. Я вижу только одно — предмет действительно у него, и он действительно обладает огромной мощью.

Она с силой хлопнула ладонями по коленям.

— Из-за тупицы Мюллера мы провалили операцию. И к тому же спугнули Сато. Теперь выследить его будет в тысячу раз сложнее.

— Что будем делать, Мария? — спросил Фрицци. Если бы опытный криминалькомиссар слышал, с какой интонацией задан этот вопрос, он окончательно убедился бы, что жен-

щину и ее охранника связывают не только служебные отношения.

— Мне придется доложить фюреру о провале. Гнев фюрера падет на меня, это неизбежно. Но я постараюсь убедить его в том, что работа с предметами должна быть поручена специальным командам «Аненербе». Это единственный выход.

Мария фон Белов, личный адъютант Адольфа Гитлера и первый заместитель руководителя общества «Наследие предков» Вольфрама Зиверса, откинулась на подушки и прикрыла глаза. Перед ее мысленным взором предстал маленький тщедушный японец, державший в руках отлитую из серебристого металла змею.

— Поехали, Фрицци, — скомандовала она. — У нас мало времени. К обеду мы должны быть в Вевельсбурге.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
<i>«Они идут!»</i>	
<i>Июнь 2009 года. Арктика, база «Ultima Thule».</i>	
<i>Зал Глобального Контроля Spinngewebe</i>	
ГЛАВА ВТОРАЯ	24
<i>Автономный поход</i>	
<i>Июль 2009 года, Арктика. Земля Вильчека, архипелаг</i>	
<i>Франца-Иосифа. Борт станции «Земля-2»</i>	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	34
<i>Мясо с кровью</i>	
<i>Июль 2009 года, Арктика. Остров Рудольфа,</i>	
<i>Земля Франца-Иосифа. Борт станции «Земля-2»</i>	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	48
<i>Братство Небесного Огня</i>	
<i>Июль 2008 года (за год до описываемых событий). Син-</i>	
<i>гапур, Юго-Восточная Азия. Офисное здание «Империял</i>	
<i>Плаза», 52-й этаж</i>	
ГЛАВА ПЯТАЯ	61
<i>Код доступа</i>	
<i>Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан.</i>	
<i>Борт станции «Земля-2»</i>	
ГЛАВА ШЕСТАЯ	82
<i>Опасные игры</i>	
<i>Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан.</i>	
<i>Борт станции «Земля-2»</i>	
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	95
<i>Олигарх</i>	
<i>Июль 2008 (за год до описываемых событий). Сен-Тропе,</i>	
<i>Лазурный Берег, Франция. Яхта «Андромеда»</i>	
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	107
<i>Морской Конек</i>	
<i>Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан.</i>	
<i>Борт станции «Земля-2»</i>	

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	127
Игры Валькирий	
<i>Июнь 2009 года. Арктика, окрестности базы «Ultima Thule»</i>	
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	142
Генерал Свиридов	
<i>Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан. Борт станции «Земля-2»</i>	
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	156
Искусство говорить правду	
<i>Сентябрь 2008 года (за 10 месяцев до описываемых событий). Москва, штаб-квартира ГУАП на Пречистенке</i>	
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	174
Маленький длинноухий кролик	
<i>Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан. Борт станции «Земля-2»</i>	
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	192
Катастрофа	
<i>Июль 2009 года, Арктика. Северный Ледовитый океан. Борт станции «Земля-2»</i>	
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	207
Страховка Чена	
<i>Июнь 2009 года. Соединенные Штаты Америки. Миннеаполис, штат Миннесота</i>	
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	224
Одно дыхание на двоих	
<i>Июль 2009 года, Арктика. Дно Северного Ледовитого океана. Борт станции «Земля-2»</i>	
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	239
Захват	
<i>Июнь 2009 года. Арктика, база «Ultima Thule». Личные апартаменты рейхсфюрера СС Марии фон Белов</i>	

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Алтуфьево», Дмитровское ш., д. 163 А, ТРЦ «РИО»
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL - 2», т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская»/«Таганская», Бол. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Маяковская», ул. 1-ая Тверская-Ямская, д. 8, т. (495) 251-97-16
- м. «Менделеевская»/«Новослободская», ул. Новослободская, д. 26, т. (495) 251-02-96
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Пražская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Бол. Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый стан», Новоясеневский пр-т., вл. 1, ТРЦ «Прини Плаза»
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», т. (495) 542-55-38
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Шукинская», ул. Шукинская, вл. 42, ТРК «Шука», т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солцевский пр-т., д. 21, ТЦ «Столица», т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, ТЦ «Эдельвейс»
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», т. (496)(24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская площадь, д. 3, Дом Торговли, т. (496)(61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32А, ТЦ «Счастливая семья»
- М.О., г. Электросталь, ул. Ленина, д. 010, ТЦ «Эльград»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, Народный б-р, д. 82, т. (4722) 32-53-26
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», т. (3412) 90-38-31
- Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 70-18-42
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 107, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», т. (8412) 20-80-35
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, корп. 1, ТЦ «Виктория Плаза», т. (4912) 95-72-11
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-19-60
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тюмень, ул. М.Горького, д. 44, стр. 4, ТРЦ «Гудвин», т. (3452) 79-05-13
- Уфа, пр. Октября, д.26-40, ТРЦ «Семья», т. (3472)293-62-88
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Кирилл Бенедиктов

МИЛЛИАРДЕР 2

Книга вторая

Полюс смерти

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-концепт Алексей Маслов

Арт-директор Алексей Гонтов

Компьютерная верстка Кирилл Соколов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д.4, стр.1,

тел./факс +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 15.04.10 г. Формат 164х215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов – 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д.21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел. (8422) 41-11-07

факс (8422) 41-11-32